

Юлия Воронцова

**Повесть о том,
как я за счастьем ходила**

Оставив за плечами две трети жизненного пути, мне так захотелось быть любимой. Я столько раз рисовала картинку тихого семейного счастья и мечтала прижаться к сильному мужскому плечу. Что не заметила, как оказалась в самом центре любовно-политических событий. И вот уже рядом с тобой красивый статный, о ком грезила, характер правда подкачал, но кто ж об этом задумывается на моменте образных галлюцинаций? Впрочем, удачный случай не дремлет, а ветер перемен не забывает закладывать лихие виражи в твоей судьбе, да так, что только держись. А счастье? Так вот же оно, рядом...

Завтра! Все начнется завтра!

Промозглая дождливая погода. В окно хлещет осенний дождь. Холодно и зябко. Я с ногами забралась в большое потертое старинное кресло. Тепло от камина согревало и успокаивало. Обложившись бумагами, быстро прочитывала их и делала какие-то пометки на полях.

– Не то царапашь! – отвлек меня от работы скрипучий баритон.

Вздвигнув, я посмотрела в камин. На небольшом черном «трончике», со всех сторон охваченный огнем, восседал обаятельнейший чертенок. Закинув ножку на ножку, поблескивая золоченым узором на черном лакированном копытце, неспешно ковыряясь ноготочком в острых зубках и философски закатив глазки, мой неожиданный гость изрекал:

– Сегодня в моде писюльки о любви и этой мокрухе. Так это, когда один другому насолил, а тот ему в морду бац, а другой, значит, отомщу. И пошло, и поехало. Бам! Бух! Бац! Аууу!

Между прочим, чертенка зовут Чек, и он довольно периодически материализуется в моем камине, с комфортом устраивается на своем огненном «трончике», видимо ему требуется некоторый подогрев, и развлекает меня своими нескучными беседами. Прямо как сейчас.

Я улыбнулась своим мыслям. Чек, надув губки, обиженно изрек:

– Твои бы каракули и в лучших целях. Цены бы тебе не было.

И хлопнув в ладоши, исчез, оставив лишь лихо закрученный завиток дыма.

О Чеки стоит сказать отдельно. Это очень симпатичный и вылощенный чертик. Черная шкурка – гордость хозяина – поблескивает от чистоты и ухоженности, подстрижена и завитая, расчесана на витиеватые проборчики и, вообще, имеет обалденно привлекательный вид. Ко всему прочему и копытца, и ногти, и зубы, и рожки – черные, отшлифованные, с золотыми прожилками и узорами. Последний штрих в образе Чека – это алый бант, щегольски завязанный на полнеющей талии.

Так вот, оставшись одна после эффектного исчезновения Чека, я почувствовала себя чертовски одиноко. Работа валилась из рук, а черный «трончик», не исчезнув за своим хозяином, настойчиво манил и привлекал мое внимание.

– А! Чем черт не шутит! – подумала я и подошла к камину. Витиеватый дымок еще полностью не развеялся. Невинно протянув руки, я хлопнула его в самый закрученный локон. И...

Боже! Если бы я знала, что творю, не пошевелила бы и пальцем. Но я не знала и пошевелила.

И это «И» перевернуло всю мою спокойную и размеренную жизнь одинокой, оставленной, выросившей детей, отпустившей их, уважаемой особы чуть больше сорока пяти, но не добравшейся до пятидесяти, с привлекательной (как мне кажется) внешностью, в меру стержневой, отчаянной оптимисткой, мечтающей где-то глубоко-глубоко в душе удачно выйти замуж и остаток дней провести у камина, выполняя не очень нужную и не очень отягощающую, сидяче-востребованную работу.

Итак, это я – Лия Арсеньевна. Без ста грамм не запомнишь. Но, как говорится, чем одарили, то и ношу. И именно меня в этот злополучно-счастливый день судьба решила пустить в расход ненасытному Случаю и Лихому Приключению в придачу.

Камин. Хлопок в самое уязвимое место спирали. И я обалдело озираюсь по сторонам.

– Батюшки, и что это такое? И где я? И что это за три луны... или солнца?

В общем, моя запутанная история началась в тридевятом царстве, в изумрудном государстве, на каменном утесе, где я воссела как воспаривший орел с круглыми глазами и ни одной здоровой мыслью. Чуть пообвыкнув, неспешно осмотрелась по сторонам,

оценивая окрестности любопытствующим взглядом. И первая здраво-целостная мысль, посетившая мою пустую голову, была о том, что это явно не дом!

И так как мысли-дверь со скрипом приоткрылась, то туда на полном галопе поспешили впечатления, чуть приотставшие в дороге.

Мир, приютивший меня в своем лоне, был по-настоящему красив. Изумрудно бархатная трава мягкими волнами омывала оранжевый утес, на котором я восседала как на троне. Небо цвета оливы переливалось в игристых лучах трех солнц, образовавших на небе неправильный треугольник. Центральное большое белое светило, лишь не намного подпрыгнув от линии горизонта, припудривало весь этот мир белесой изысканностью. Его лучи, скользя по поверхности, одаривали мягким теплом, купая все вокруг в колыбели изнеженности.

Два других солнца как драгоценные камни - цирконий и турмалин - в оправе зелено-белого золота сияли на небе, чаруя, но не грея. Их свет делал воздух этого мира игристо-сверкающим, чувства переводил на шкалу романтика, а на глаза одевал розовую пелену безмятежности.

Вот в таком, удивленном состоянии, я восседала на своем утесе, озираясь по сторонам, и лихорадочно пытаюсь собрать свои разбегающиеся мысли в кучку.

Вдруг на небе, ровно в его свободной половине открылось оконце, и в нем нарисовалась огромная рожа Чека. Посмотрев на меня круглыми глазищами, рожа возмутилась:

– Ты откуда здесь взялась?

– Чеки, понимаешь, я это, – боязливо залепетала, а потом как гаркну: – Да в ладоши я хлопнула!

Чеки от неожиданности моргнул пару раз, а потом изрек, как плюнул:

– Дура!

И со злостью захлопнул небесное оконце.

А я как сидела, так и осталась сидеть на своем утесе, как пригвожденная, и только горькая думка неспешно оформилась в моей безмозглой голове. Дура! Конечно дура! И когда любила, думая, что на всю жизнь. И, когда бросили, ревела от одиночества и обиды... Дура, когда детей поднимала и работала на трех работах. Дура, когда родных пыталась уберечь от ошибок, объяснить, втолковать, а они из меня страшилку сделали - семейную, бабу-ягу. Дура! Конечно дура! Вот и сижу на этом утесе, и даже слеза, ради поддержания компании, и то не наворачивается! Э-эх!

И пока горестная мысль деловито размягчала мое настроение, у утеса собралась белая тучка. Приглядевшись, я узрела в ней свой утес, а на нем и себя небесную.

– Дура! Какая же я дура! – на полном серьезе заявило мне облако и продолжило стихами:

Меня дурой кликают,

А я соглашаюсь!

Во всё мордой тыкают,

А я улыбаюсь!

Моя челюсть так и отпала от удивления. Но, осознав услышанное и задохнувшись от возмущения, ответ пришел сам по себе, и я как заору:

А у нас по сказкам дура –

Умницею славилась,

Вся история России

Дураками ставилась!

Вскочив каждая на своем утесе, подбоченясь и сверкая глазищами на соперницу, готовые с места и в карьер... Но не тут-то было. С треском разверзлось небесное оконце, и возмущенное рыло Чека аж вывалилось в наше пространство.

– Цыц! Бабы, молчать!

Не сговариваясь, медленно и натужно, мы повернули к нему готовые к словесному аллюру наши возмущенные моськи! Глубокий вдох и...

– Бац! – это, малость струхнувший Чеки, предпочел ретироваться, поспешно захлопнув сияющие небеса.

А мы, дружно закатившись смехом, еще несколько минут снимали спонтанную напряженность этого серебристо искрящегося мира.

Отсмеявшись и отслезившись, как-то само собой вспомнилось о банальном – попить бы или выпить, да и закусить не мешало бы. И я предложила своей облачной подруге спуститься по склону вниз. Так, мирно беседуя обо всем и ни о чем сразу, мы неспешно начали движение каждая по своему утесу.

А в это время наш Чеки нервно пританцовывал на своих золоченных копытцах. Его нервозность никак не вписывалась в изысканно-утонченный колорит богатых апартаментов.

Почтенный старец, брюзжа и всем своим видом показывая возмущение и недовольство, с деловитой изощренностью палача-профессионала, слой за слоем снимал с Чеки шкурки, меха и прослойки, от чего черт чувствовал себя голеньким и беззащитным.

– Зазноба?...И в изумрудном мире?

– Да не зазноба. Баба!

– И я говорю – зазноба! И как она там очутилась?

– Дак, эдак, я, это, трон, завитушка. А она хлоп! Кто ж думал?

– Хлоп говоришь? – зашипел старец и задумчиво повертел в руках небольшой диск, аккуратно положил его на место и посеменял к стойке напротив.

Чеки по пятам плелся за старцем, незаметно старался прикарманить все, что, по его меркам, плохо лежало. В его складках, карманах и кармашечках уютно умещались колечки и браслетики, бусики и кулончики, ножнички и ножички, и другие жизненно необходимые вещи и вещицы.

– Хлоп, значит говоришь? А чем расплачиваться будешь?

И старец хищно посмотрел на черта.

Чеки от неожиданности аж подпрыгнул, быстренько убрав руки за спину. Скребанув ноготком пространство, он незаметно скинул уличающий предмет в изумрудный мир. И, сложив чистые ручки в молящем жесте, на уровне отшелкнувшейся мужской солидности, заканючил:

– Дак! Эдак! Это! Отслужим-с! Ваша честь! Верой, правдой! Спинки не разогнем! Отработаем-с! Вы только это, значит, поспособствуйте! Ну, назад ее! А мы отслужим-с!

– Отслужим, говоришь? – задумчиво изрек старец и щелкнул холеными пальчиками. Все предметы так тщательно и с любовью прикарманенные чертом, поспешили на свои места. Провожая их слезящимся взглядом, Чеки только сейчас начал немного осознавать, что торговаться с Ненасытным Случаем. Ох, какая опасная игра! Но дело сделано, и ягненок заклан. И теперь за его холеную шкурку никто не даст ломанного гроша.

Эх, судьба – судьбинушка! Где ж тебя черти носят!

А наши красавицы тем временем мирно беседовали у богом забытого костерка, поджаривая на прутиках круглые розовые плоды с нежной и сочной мякотью.

– Ты откуда, горемычная? – спросило меня облако.

– Да, с земли.

– Не слыхало о такой. А небо там есть?

– Есть.

– А какое?

– Голубое, – мечтательно протянула я, – и на нем облака плавают, белые пушистые, или перистые, а на закате розовые. А иногда, свинцовые, грозовые с молниями и громовыми раскатами. Красотища!

– А я тут одна, как перст одна, – с тяжелым вздохом пожаловалось облако, – и даже покукарекать-то не с кем. Только кого найдешь? Рожу состроишь, а тебе кыш да кыш, нечистая. А я белая, чистая. Здесь ведь даже испачкаться, да и то негде. Я тут намеренно забрела в деревню, а там такой трам-тарарам стоит: телеги перевернуты, как осаду держать; мужики палят во все стороны; бабы визжат, а дети по железякам колошматят. Такой гвалт и какофония стоит. Я уж грешным делом подумала, что в мою честь прием. Ан нет. Со стороны леса полчище несметное черное на деревню надвигается. И так в ногу марширует тук-тук, цок-цок, только что барабанной дробью не хватало. Весь честной люд в рассыпную. Куры и те пятками засверкали. А полчище по деревне проползло, и все краски как языком слизало. Стоит деревенька серенькая убогая, ни радости тебе, ни умиления. Без слез не взглянешь... А полчище черное несусветное дальше маршировать пошло. Меня аж до мурашек проняло, чего там о людишках гутарить. Да...

– Да!.. – протянула я вслед.

Посидели, помолчали, думая каждая о своем. И тут я вспомнила, что не плохо бы было прогуляться до кустиков. Оглянулась по сторонам, выбрала самые пушистые под деревцем раскидистым и посемила к ним неспешной походкой. Сiju так удобненько и вижу, по складочке дерева струится сок, в ложбинке скапливается и с язычка тяжелыми тягучими янтарными каплями падает. Недолго думая, я ручку протянула, пяток капель собрала и в рот. На языке нектар кисло-сладкий и чуть пощипывает. Сглотнула, и в мозгах взрыв! С глаз как пелену сняли, весь мир вокруг заискрился. Краски яркие с тонами и оттенками видятся стали, в небе радуги заискрились, а светила небесные меж собой всполохами заиграли. Розовый вспыхнет, и весь мир вокруг в розовый туман погружается. Оранжевый -ответит инеем, все вокруг припорошит. А белый – серебристую пудру рассыпает. И все вокруг смеется и радуется. От красоты такой дух захватывает.

Ну, я, конечно, не удержалась и еще горсточку пригубила, а, другую - облаку вынесла. Пей, мол, подруга, не стесняйся.

Та окинула меня презрительным взглядом, но от удовольствия все-таки решила не отказываться. Скромно отведя глазки, краешком своего распластанного по земле палантина, она со спины вползла на мою ладонь. Рыженький шарик удовольствия сформировался на кончике белого уплотнения. Потом неспешно перекачивал в ту часть тела, которую можно назвать головой, и взорвался там мириадами звездочек и всполохов. Все облако как-то изнутри заискрилось и окуталось цветом рыжеватой невинности.

Миг осознания, и мы обе, не сговариваясь, устремились к источнику живительной влаги и удовольствия. Кто бы в тот момент вспомнил, что у медали бывает и обратная сторона.

Минут через десять, сползая по стволу до удобства пятой точки, и хорошо на ней угнездившись, обняв себя в земном и небесном образе, мы решили затянуть... Уж не знаю как долго наш вой или дружное посапывание с переливами будоражило местную окрестность, но проснулись мы от того, что некая черная образина шлепала нас по щекам, тыкала в морду какой-то вонючей травкой и чего-то бубнило на языке египетских фараонов.

– Дуры! Да кто ж к прилюб-дереву, да живьем, да приподаючи. Да что ж мне с вами теперь делать-то? – причитал черт, совершая титанический труд, силком оттаскивая нас от дерева.

Мы похоже были «в стельку». Но искрящаяся рыжая сволочь ворожил и притягивал, обещал седьмое небо и счастье с пузырьками... Поэтому правдой или с матершинкой, струясь или брыкаясь, ползком или вприпрыжку мы стремились вернуться в его манящее лоно. Чеки при этом проявлял самый стойкий потенциал героизма. Он вцепился в нас

мертвой хваткой и метр за метром отвоевывал у дерева, при этом натужно рыча, чертыхаясь и матюгаясь.

А в это самое злополучное время в богатых апартаментах расставлялась первая шахматная партия.

– На что играем? – спросил благочинный старикашка своего незадачливого соседа.

– А на что бы ты хотел, Случай Иванович? – уточнил Лихое Приключение.

– Да, я бы на что-нибудь молодое и веселенькое. Марью-Маревну что ли попросить, мудро и престижно?

– Мелкова-то копаешь, Случай Иванович, – незлобно возразил Лихое Приключение, – Иванушек непоседливых или на крайний случай Блестинушек бы заказал. Вот бы они тебе трам-тарарам веселенький развели. А то все мудро и благочинно.

– Так ведь их закажешь, а потом куда деть знать не будешь. Думать же надо, причем заранее! – назидательно произнес старикашка.

Так, ведя незлобную перепалку, партнеры расставили фигуры и сделали по первому ходу.

– Марью-Маревну, так Марью-Маревну, а с рыжей-то, что делать будешь?

– В расход.

– А это как: на корм, на оплодотворение или в свой мир вернешь?

– Черт привел, пусть и выкручивается, а наше дело маленькое - за порядком следить.

– Ну-ну, – покачал головой Лихое Приключение, – гляди не просчитайся, рыжие они, это, беспокойные. А если это баба, да еще на выданье, то жди беды.

– Тьфу на тебя, – откликнулся старец и сделал очередной ход.

Следующие несколько минут партнеры играли молча, сосредоточенно разводя фигуры по доске. А подлунный мир безмятежно спал, окутанный негой в преддверии бури.

– Так рыжую на кон не ставишь? – прищурился Лихое Приключение.

– Далась она тебе, право.

– Да, я на ней заработать хочу. Может у тебя старого какую послабинку отыграть. Вот, когда она тебя достанет, я её в земной мир по порталчику отправлю, а порталчик себе оставлю, авось сгодится.

– Да без проблем. По рукам.

И партнеры шумно схлестнули ладони.

А в поднебесной шквал прокатился, травку к земле приложил, вековые деревья в пояс согнул. Прокатился и опять тишина.

Лихое Приключение руку к доске поднес, фигурку передвинул и молвил вкрадчиво:

– Шах, Случай Иванович!

От неожиданности противник подпрыгнул, отваливаясь от доски.

А в поднебесной гром среди ясного неба громыхнул, молния сверкнула и опять тишина.

– Лихо ты, сосед, заворачиваешь, – и старик хлопнул в ладони, – А принеси-ка нам вкусно выпить и знатно закусить, – скомандовал он, появившемуся прислужнику. И, любуясь на доску, изрек: «Красивая комбинация!».

Между тем прислужник наполнил бокалы, и игроки пригубили нектар живительной влаги.

– Расторопно нападаешь.

– Так ведь у вас учусь, Случай Иванович.

И беседа как река потекла своим руслом.

А в поднебесной я проснулась в один миг, не то от грохота, не то от состояния внутренней тревоги разбудило. Утро раннее солнечное, но холодное. Ни ветерка, ни дунавеньица, ни птицы не поют, ни ветка не колыхнется. Все застыло в настораживающем молчании.

– Здравствуй, утро новое, день добрый, земля приютившая, и я любимая, – изрекла я, чтобы хоть как-то нарушить эту звенящую и пугающую тишину.

С ходу попыталась растолкать притулившегося рядом со мной черта. Свернувшись калачиком, он ни как не хотел просыпаться, хоть и подрагивал бархатным пяточком.

Облако же вообще расплзлось и растеклось по траве, по кустам, по закоулочкам, явно изображая из себя утренний туман. Как его собрать и малость сгустить, а может даже и разбудить. Мозг мой как не напрягался умных мыслей не выдал. И пришлось мне новый день начинать в гордом одиночестве среди спящего царства. Поозиравшись по сторонам, я услышала невдалеке журчание веселого ручейка и поспешила к нему, вкушая непередаваемое удовольствие обмена живым словом.

– Привет, ручей! – еще с пригорка пропела я, – какой ты прозрачный и говорливый.

– Буль-буль, – ответил ручей.

Я с наслаждением зачерпнула целую пригоршню холодной воды и с шумом опрокинула себе на лицо.

– Ух ты, какая холодная, б-р!

– Б-р-бр-р-бр!

Рассмеявшись, я начала умываться и приговаривать присказку: «Водица-водица, умой мое лицо, чтоб глазки горели, чтоб зубки блестели, чтоб коса хорошела, чтоб я молодеда!»

– Шил-шил-шил, - заструилась вода.

Вот бы набрать этой студеной водицы, да плеснуть бы ее под бок черту, вот бы он детство вспомнил – материализовалась в мозгу шальная идея. Грея эту мысль, я начала оглядываться по сторонам. А ручей как подслушал меня, и чуть ниже по течению что-то дзинькнуло. Пригляделась – ручка, подбежала, схватила и чуть в воду не села. А ручей, гаденыш, как зажурчит, точно засмеялся залиvisto. А я смотрю на предмет: котелок – не котелок, тарелка – не тарелка. В общем, сосуд в форме глубокой раковины с ручкой, с узорчиками чеканными и камешками разноцветными. Отродясь такого не видала, но красоту и оригинальность оценила.

Не замедлив реализовать свой злобненький план, шустренько зачерпнула из ручейка и поспешила к друзьям доставлять удовольствие раннего пробуждения.

Чеки взвился под самые небеса, вспоминая всех живых и мертвых, святых и не очень, в полном объеме вкушая всю прелесть столь оригинального пробуждения. Глядя на мою невинно улыбающуюся физиономию, он был готов рвать и метать. Но на будущее решил, что связываться с бабой, да еще с некоторой долей оригинальности, себе дороже станет.

А я, сделав свое доброе мокрое дело, с удовольствием наблюдала как краешек облака вытягивал из раковины остатки ручейковой воды. И некогда растекшаяся молочная масса начала колебаться, колыхаться, уплотняться и, наконец, собралась в милый шарик пару метров в диаметре. В центре проклюнулось рыльце, чуть выше – два глаза-плошки.

Чеки, оперевшись взглядом в столь оригинальный портрет, чертыхнулся и в сердцах брякнул:

– Сударыня, образ дамы с точеной фигуркой мраморного изваяния вам пошел бы больше к лицу, чем вид очумелого колобка, увидев которого и последнего аппетита лишишься.

Облако, немного обидевшись, фыркнуло на черта, обдав его с рог до копыт той самой студеной водой, которую старательно умыкнула из раковины.

Чеки, вконец промокший и расстроенный, чуть не плача, готов был уже нас бросить. Но тут я решила вмешаться и малость подправить ситуацию. Накинув на черта цветастую

шалочку для сугрева, быстренько слетала к ручейку и притащила еще порцию водицы. Смастерила походный костерок, попросила чертика развести огонек, что он сделал между прочим одним шелчком своих модных копытц. Когда резвый огонек весело затрещал, и тепло заструилось по малость застывшим конечностям, а кипяточек согрел душу изнутри, у меня появился дурацкий вопрос:

– Облако, слушай, а как мы тебя звать будем? А то все облако, да облако...

Облако зло покосилось в мою сторону.

– Значит кликуху для меня смастерить хочешь?

– Да ты что, облачко? Да ты о чем подумало? Вот черт, – и я повернулась к черту, в полглаза подремывавшему у костра, – его Чеком зовут, а меня – Лией. Подумай сама, как из тысячи облаков я тебя выкликать буду?

– А я здесь одно, Единственное и Неповторимое! – гордо приосанилось облако. – И почему это ты решила, что я женского рода-племени хочу стать? – И облако уплотнилось в тощего рыцаря типа Донки Хота. Мы с Чертом так и прыснули от смеха, так как не гармонировал образ мужественности с этим полупрозрачным типом да еще с козлиной бородкой.

– Ты, облако, может и как мужчина сгодишься, – Чеки решил взять в свои цепкие руки создание изысканного женского образа, – только породы и твердости тебе явно будет не доставать. А вот женщина, – и он закатил глаза, – это ветер, струящийся в каждом локоне, это мягкая упругость и соблазнительная податливость.

Да, Чеки явно списывал портрет, но не с моего образа. Поэтому я решила несколько отвлечься на дела насущие, собрать еды к обеду, лишний раз пожурчать с ручейком, запастись ключевой водицей, и, вообще, погреться на солнышке. Время года – это обещало быть поздней весной плавно переходящей в раннее лето. Поэтому грех было бы не воспользоваться случайно подвернувшимся отпуском. И я с наслаждением растянулась на шелковистой изумрудной траве, оставив друзей без своего внимания.

По возвращению в реальность, мой приоткрытый ротик и завистливо выпученные глаза, недвусмысленно показали друзьям степень их титанического труда и достигнутого результата. Передо мной стояла смазливая девица с глянцевого странички «Плэйбой» 95-60-90. Черт просто не мог не восхвалить эту благородную часть тела. Волнистые волосы, тугими завитками рассыпавшиеся по плечам, плавно перетекали в мягкие складки одежды с рядом обворожительных разрезов, один из которых начинался чуть ниже и левее пупка, открывая точеную ножку, вырастающую почти от ушей. Внизу, сплетения и складочки одежды, витков и завиточков при каждом шаге придавали образу такой неповторимый и притягательный шарм, что даже я не могла отвести взгляд.

– Вау! – пропела моя обалдевшая рожа.

Через минуту восхищенного созерцания, как истинная женщина, я все-таки нашла недостающий изъян и постаралась тут же вывалить его на головы незадачливых творителей.

– Душенька, вы так плохо следите за своими формами, что каждый раз они выдают в вас патологическую склонность к полноте. А бледно молочный вид – это удел девиц с чахоточно ослабленным здоровьем.

Ни облако, ни черт даже не ожидали от меня такой вспышки ревности. Ну что ж, ничего человеческого мне не чуждо.

По той же реакции друзья поняли, что образ, который они сотворили, близок к совершенству и дело осталось за малым. Во-первых, научиться облаку держать форму; во-вторых, его надо разукрасить, и, в-третьих, ему надо присвоить имя, причем женское.

К решению третьей задачи мы приступили незамедлительно.

– Кассиопея.

– Кассандра.

– Любовь.

- Маргарита.
- Соня, Софья, Афродита.
- Озалана, Гименея, Маракава...

Добрых пять минут мы с чертом выкрикивали имена, но они как шарики отскакивали от нашей красавицы. И когда словесный запас явно поубавился, с моих губ, как шелест сорвалось имя Генея. По облаку пробежалась небольшая рябь, и оно с удивлением посмотрело на меня.

- Почему Генея, что за Генея, – заартачился черт.
- Потому что воздушная струящаяся как легкое дуновение ветерка.
- Гее-Нее-Яяя! – пропела я. А внутри облака засеребрился град искорок как бы подтверждая мою догадку.
- Мы будем звать тебя Генея!

Ну что ж, самая трудная задача решена. Остались поменьше и не столь заковыристые.

Окрасить облако нам помог сок разноцветных цветов, которые в изобилии произрастали вдоль ручья. А удерживать нужный цвет в нужном месте – это уже дело техники и небольших тренировок, в том числе и удержание надлежащих форм.

Думаю, что после того как Чеки наглядно показал Генее разницу между стройностью и жирностью, слепив из краешка облака толстенькую хрюшечку, с четырьмя складочками, филейными окорочками (ух как кушать-то хочется), Генея решила побороть в себе всякие соблазны в пользу высоко художественного искусства и поддерживать форму в надлежащих плотностях, размерах и пропорциях.

Сделав дела основные и подвернувшиеся, мы сели рядком поговорить ладком.

Что делать, исторический вопрос так и крутился у нас на кончиках языков.

* * *

После сытной трапезы, игроки вернулись к шахматной доске.

– Ну что ж, Приключение Лихосветское, фигурами давай поменяемся?

И игроки поспешили сделать несколько ходов, скинув при этом с доски по парочке фигур. Новая расстановка сил заставила всех призадуматься.

* * *

Максимилиан XVI сидел на приступочке у трона и держался за свою, после очередного бодуна, голову.

– Петруша, рассольчику дай, – еле прохрипел царь.

– И апохмилиничик, и рассольчик, и спазмолгончик., Через пять минут как огурчик будете, – ответил закадычный друг и верный сподвижник царя.

Но не тут-то было. С грохотом разверзлась входная дверь в тронный зал, пропуская несущуюся как ураган Азалию – царскую дочь. В картинках и весьма эмоционально она начала втолковывать своему любимому батюшке то, что по ее мнению требовало сиюминутного и немедленного исполнения. Слова царевны как горох ломались в пустую и звенящую царственную голову. В непрерывный монолог дочери царю иногда удавалось вставить веское государево слово: «Разумеется. Подумаем. Разберемся».

На дочь Максимилиан старался не смотреть. Писк последней моды приводил его не просто в ужас, а заставлял с чувством легкого подташнивания спешить в места не столь отдаленные, куда даже цари пешком ходят.

Да! Азалию стоит представить отдельно. Девица, лет шестнадцать-семнадцать отроду, худая, угловатая, точно щепка, с еще только намечающимися женскими формами и округлостями, была одета в платье баллон неоновно-лимонного цвета в трех местах перехваченная розовой тесемочкой. Эта одежда придавала ей сходство с насекомым да еще по окраски весьма ядовитым. Каждый ноготок, как и каждая прядь волос на голове, была своего расцвета. Но если каждый пальчик носил ноготок только одного цвета, то из

волос на голове был сплетен и уложен витиеватый рисунок, от чего в глазах начинало рябить. Колоритную внешность принцессы дополняли румяна: красные на левой щеке и зеленые на правой. Довершали общий образ и модную тенденцию, светящаяся желтовато-оранжевая помада и белые зубки, на которые красным лаком были нанесены сколы, что придавало улыбке оскал вампира, только что отвалившегося от жертвы.

Мельком взглянув на дочь, царь внутренне содрогнулся и постарался по-быстрее закончить разговор.

Азалия поняв, что бежать и махать мечами никто не собирается, топнула ножкой, как смерч крутанулась на месте и вылетела из зала, всю силу зла вложив в неподатливую дверь. После принцессы косяк и дверь запели, как молот и наковальня, сообщая всем, что буря, похоже, миновала.

Петруша осторожно вышел из-за царского трона и протянул царю долгожданное лекарство. Минут через пять они мирно сидели на тронной приступочке и обсуждали дела текущие и будущие. Еще минуты через две к ним тихонечко присоединился дядька Антип – мужик коренастый, с умными и цепкими глазами. Про такого говаривают, что чужого не пропустит и своего не отдаст. Дядька Антип, а прилюдно Антип Армакедонович, с измальства воспитывал Максимилиана, а по свойски – Макса; за государством и хозяйством присматривал; уму-разуму наставлял. Одним словом был отцом посаженным, а значит и к государственным секретам допущенный.

Сидят, значит, три мужика у трончика на приступочке и неспешненько так экономико-политические паритеты выстраивают.

– Надо бы слетать с инспекцией в деревеньку, что нападению мракозябиков подверглась. Как там идут восстановительные работы? – и Макс внимательно посмотрел на дядьку.

– Домики покрасили, заборчики поправили, баб поддурмянили, деревья водицей облили. Правда травку красить не стали, накладно получается, через недельку сама обзеленится, – деловито докладывал Антип.

– Я вот что в толк не возьму, мужики, – задумчиво произнес Петруха, а в людях Петрархиус-небожитель – маг и волшебник, книгочей и вообще всяких чудесных вещей мастер, – и какого рожна эти мракозябики приходят. С виду муравьи как муравьи, а на краю деревни соберутся, глазюльки на орбитульки выкатят и маршируют, как будто ими кто управляет. Да и по деревне чудно как-то проходят: ни разбегаются, ни кусаются, никого из животного люда не трогают, только краски собирают, даже с коров и собак, что на пути попадают, и то пятна слизывают, после них все какое-то сухое жухлое становится. За деревню зайдут, глазюльки с орбитуллек опять втянут и по своим делам в один миг разбегаются, и ни мира не трогают и красками больше не интересуются. А на деревню, если сверху посмотреть, как лента ложится, ровная такая.

– Да-а, дела, – мужики притихли и призадумались.

Напастье на изумрудный мир не так давно обрушилось. Сколько Петрархус книжек не листал, людей старых не спрашивал, никто отродясь о такой беде не слыхивал.

– Да! – еще раз повторил Антип, поднимаясь, – чудны твои дела, Всевышний.

В дверь негромко постучали.

– Это, небось, Першил Самохвалович пожаловал – поморщился Антип, не долюбивал он этого мужика (нутром чувствовал подвох) и было за что.

Першил Самохвалович мужчина статной наружности, военной выправки с колючим внимательным взглядом в государстве заведовал военными вопросами. Войска и учения, провиант и размещение, оборонительные сооружения, тактика нападения, местным войкам должности и назначения – вот малый перечень вопросов, которыми грешил наш генерал. А еще надлежало ему два раза в неделю представлять перед царскими очами с докладом и предложениями.

– Приветствую тебя, генерал, – поздоровался царь, перемещая свою попку на трон. – Чем порадуешь, чем огорчишь?

– Ваша Величество, предложенная тактика звуковой какофонии не сработала, – отрапортовал генерал, – предлагаю заменить ее на более действенный метод. – Ну да, например, напальчиком пройтись или гранатку подбросить?

– Ты мне это генерал, брось. Мы их огоньком, а они глядишь кусаться начнут. Мы чем покруче, а они живых истреблять станут. Вот тебе и война с кровями и смертями. Нет, генерал, этот путь мне не по душе. Ты давай дипломатиков подключай, а то засиделись родимые. И науку мобилизуй. Пусть на законы военного времени переходят и на государство поинтенсивнее поработают, – закончил царь свой монолог, а сам украдкой с генерала глаз не сводил. И мужик перед ним умный, и деловитый, и служивые за него горой, а что-то не так в царской душе, какая-то мозаика не складывается. Отмахнул царь беспокойную мысль:

– Ну что, генерал, приуныл? Что делать думаешь? Чай не с пустыми руками пожаловал? По глазам вижу, выкладывай!

На столе разложили карту государства изумрудного, фигурки расставили, и генерал с царем погрузились в обсуждение тактики и стратегии действий оборонительных и наступательных.

– Ты, генерал, разведочку-то задействуй. Пусть выяснят: кто за этим стоит и зачем, чего хотят и можно ль с ними договориться, – подвел жирный итог царь-вседержитель.

– Будет сделано, ваше величество! – отсалютовал генерал и неспешно покинул тронный зал.

– Уф, тяжела ты ноша государева, – пожалел себя Макс. Сдвинул корону набок и поплелся чего-нибудь перекусить или кого-нибудь еще зацепить.

* * *

А игроки продолжали шахматную партию.

– Шах тебе, Приключение Лихосветское, – старичок переставил фигурку.

– Ох, за тылами то не следите, Случай Иванович, – парировав нападение, Приключение решительно перешло в наступление.

– Старею, батенька, вот видать и оборону уже не держу, – запричитал Случай Иванович, но сам ход не менее лукавый совершил, да такой, что партнер призадумался.

* * *

Ну, а наша святая троица, после совета делового, решила путь держать в стольный град и искать там Петрархиуса, местного волшебника, мага и чародея. Вместе мы уж как-нибудь скумекаем: как меня домой вернуть; черта от обязательств освободить, а облаку облачко сделать. А по пути решили в бродячих актеров заделаться. И пьеску придумали, и роли распределили. Реквизитом запаслись. В какую сторону идти облако подсказывало (оно у нас в разведчики заделалось) и с высоты небесного полета рекогностировку местности провело.

Путь предстоял неблизкий, да еще на своих двоих, то есть одиннадцатым номером, с небольшими бытовыми отвлечениями типа: поесть, поговорить, дичь поймать, ягоды собрать, да поспать не забыть. В общей сложности поход обещал растянуться дня на три-четыре. Но лиха беда начало, и мы тронулись в путь. Как я уже говорила, каждый из нас придумал для себя сценический образ.

Геня решила всяких животных из себя изображать типа кота-переростка или кенгуру с сумочкой. Черт фокусником заделался. Надо отметить, что фокусы у него лихо получались и с предметами, и с денежками, но особенно с картами. Цветные картинки, как живые летали в его руках и веером, и врассыпную, и крутились. Одним словом – шик.

В сравнении со всеми мой образ был весьма скромным и идеалистическим. Разбитная веселая бабенка типа рыжеволосой цыганки: спеть, сплясать, по руке погадать, счастье зазвать, беду отпугнуть, баб потешить, мужиков утешить. В общем, это я. И хотя

мой сценический образ лихо разнился с моей бывшей степенностью, думаю, что и то и другое мирно уживалось в моей творческой натуре.

Итак, мы пустились в путь, наслаждаясь теплом, летом, репетируя и вживаясь в свои новые роли.

А на шахматном поле Лихое Приключение пустило в ход тяжелую артиллерию. Ферзь при поддержке коня скинул с доски пару фигур. Пешки, ошестинившись, пытались сдерживать натиск и незаметненько перейти в наступление.

А Царь с Петрухой, меж тем, прибыли в злополучную деревню с инспекцией.

Молодец дядька Антип, что деревеньку не только обновил, но и приукрасил. На краю площадочку соорудили детскую с качелями, лесенками и бревенками. Местный скульптор поставил на ней гномов, лесовиков и другую сказочную нечисть. А, с другой стороны деревни вырос трактирчик – это уж чистая вотчина Антипа. Государевы дела – во главу угла, ну, а себя забыть – плохим хозяином быть.

Пройдясь по деревне, поговорив, заглянув, поковыряв, поведив носом, попробовав на зубок, царь-батюшка остался доволен. Молодец дядька, хозяйство в спорых руках держит, коровам и тем пятна на спинах нарисовали.

Местные жители от доброты душевной и заодно по случаю от лиха избавится решили царю жеребца подарить, попавшему под муравьиную раздачу. Вследствие чего, левая его часть была вся черная, а правая – белая, а глазища – зеленые, а в них ведьмак играет. Разделительная полоса как раз по хребтушке прошла и полхвоста зацепив с половиной гривы. Так что вид у жеребца был еще тот.

Царь жеребцом полюбовался: по морде погладил, чуть был не укушен за отсутствие хлебной подачки, и велел отвести его к трактиру, пусть, мол, меня там пока дожидается. Да и сам царь в окружении местной знати в скором времени поспешил все в тот же трактир для ведения кулинарных бесед и ревизии местного меню.

Через пару часов оживленных бесед, возлияний и индивидуальных импровизаций за столом вспыхнул оживленный спор, что человек в небе летать не может, а, если и подымится, то как камень рухнет вниз.

– Да, закон всемирного тяготения никто не отменял, – соглашался Петрархиус, – но человек летать может. Например, на воздушном шаре или каком-нибудь летательном аппарате.

– Ну, это ты загнул, – пробасил царь, – если бы кто эти аппараты выдумал. Мы с тобой при дворе уже бы целый парк имели, а не на кобылах по нашим дорогам трусили, трудовые мозоли зарабатывая.

И барский люд поддержал царя одобряющими ухмылками, что мол, умен наш батюшка-царь и в логике этой разумеет, и не сшибить его с мысли праведной, хоть и язык заплетается.

А сей спор зародился с малого. Будто бы местная знахарка, в тот день как мракобьяшки на деревню напали, из лесу возвращалась и с опушки леса видела, как в небе летела косынка треугольная, как кисея прозрачная, и от той косынки вниз лучик света падал, и где земли касался, туда мракобьяшки и топали.

– Чудная история, но чего баба для красного словца не скажет, – уразумел староста.

– Не скажи, – попытался вставить слово Петрархиус, – Я в одной книге дивной про такие штучки читывал.

– И я эти треугольные косынки видел и не одну, – негромко, но внятно произнес папан лет тринадцати отраду, тихонько притулившийся у входа.

– Да где ты видел? – цыкнул на него староста, – Сиди уж и во взрослые разговоры не встрывай.

– А я все равно видел, – уперся парень, – Здесь недалече, на скале их много нарисовано, а на закате солнца кажется, что они все на тебя летят и землю лучами поливают. А земля прям живым огнем полыхает и корчится в муках предсмертных.

Да пацан явно недурен был рассказывать.

– Показать сможешь?

Петруха вскочил с места, и царь тоже внимательно посмотрел на мальчонку.

– Царь-батюшка, да не бери его слова в толк. Он у меня самый младшенький, несмышленый дурак, но приукрасить всякое любит, девкам сказки побаять, бабам нервы завести, – запричитал староста, и, обращаясь к сыну, прикрикнул. – Цыц, тебе говорят! Что в праведные разговоры без спросу встречаешь и под ногами путаешься?

– Ты погоди, отец, – осадил старосту Петрархиус, – может пацан дело говорит. Сколько до твоей скалы ехать?

– Да минут тридцать, если на лошадях и вдоль поля напрямки.

– Что ж тогда еще сидишь? Вели запрягать. И поехали смотреть твои наскальные рисунки.

Все с шуточками и смешками, слегка подтрунивая над парнем, высыпали из-за столов на улицу. До заката было еще часа полтора, и небольшая прогулка на лошадях показалась легкой и приятной забавой.

Пацан зарделся и приосанился, ведя столь благородную свиту к своей необыкновенной находке.

День был теплый, ветер душистый, так что в неспешных разговорах как раз к началу заката подъехали к скале.

Скала как скала, серая и отвесная. Но только лишь луч закатного солнца её коснулся, как на поверхности что-то изменилось и начал проявляться рисунок. И не просто проявляться, а оживать. Треугольная косынка сначала одна, потом две, потом с десятков возникли на плоскости, и начали надвигаться. У людей, смотрящих на это чудо, дыхание сперло, лошади назад попятились. А каждая косынка луч цветной выпустила и на землю его направила. И полыхнула земля огнем адовым, и умирало все живое, в муках корчась. А косынки все лили и лили страшный свет свой...

Последний солнечный луч спрятался за линией горизонта, и погасла картинка. Испуганные увиденным, молча, повернули притихших лошадей и поехали обратно. Быстро сгущалась ночь. А люди, все никак не могли отойти. В мозгах, как набатом, звенел колокол грядущих бед, страх сковывал мысли, леденил кровь.

Под копытом чей-то лошади, громко как выстрел хрустнула ветка, и лошади понесли. С места и в галоп, притормозили только у деревни. Мужики дружно загомонили, снимая нервное напряжение, зашли в трактир, пропустили по доброй чарке и только тут заметили, что царя-батюшки с ними то и нет.

– Ну как потеряли? – обалдело вскинулся староста.

– Да не, он рядом со мной скакал! – откликнулся кто-то.

– Ванька! Сходи по деревне, взгляни батюшку, может, где приотстал? Ну, а, если заблудился малость, то мы его с первыми лучами искать пойдем.

После увиденного и пережитого, соваться в ночной лес никому не хотелось. Оторопь еще не отпустила людские души.

На том и порешили. Тихонько разошлись по своим избам, предварительно договорившись, об увиденном не болтать.

После дивного сна, выковыривая себя из душистого стога сена, я сладко зевнула и поприветствовала новый день, который обещал быть солнечным и плодовитым на приключения.

Неспешно позавтракав местной съедобной флорой, мы двинулись к конечной цели нашего пути.

Приотстав от друзей, я решила заглянуть в кусты, стоящие чуть в стороне от дороги. Но ни тут то было. Раздвинув ветки, я увидела огромные зеленые глаза, хищнически воззрившиеся на меня. Ноги пулей вынесли меня на дорогу, а из кустов нарисовалась черно-белая морда, и, подняв верхнюю губу, весело заржала над моей реакцией.

Пятясь назад, я медленно отступала к друзьям, и так же медленно из кустов на меня выступала огромная скотина, продолжая ржать и ухмыляться. Сделав отчаянный рывок, я спряталась за спину черта. Вид моего благодетеля, не столько испуганный, сколько удивленный, плавно переходящий в агрессивный, заставил лошадь приостановиться и сдать назад. А Чеки, деловито подобрав узды, погладил лошадь по морде и прошептал ей что-то в ухо. Животина опасливо покосилась на черта, а потом доверительно ткнулась бархатным носом ему в ладонь. Ну что ж, похоже, знакомство состоялось.

Осознав, что конь под седлом, подумали о седоке. Где он горемычный притулился? Но конь, прямо к нему повел.

Метров через пятьдесят глядим, на дороге ноги торчат. Черт к мужику подошел, лицом к небу развернул. Глядим, а у него на лбу шишка огромная красуется. Несчастному в лицо водицей брызнули, по щекам пару раз ударили. Мужик один глаз приоткрыл, взгляд в черта упер. И по мере осветления сознания и округления глаз, бедолага явно пришел к заключению, что схватил белочку, но черную. Ловко перевернувшись на четвереньки, он спешненько пополз глубже в кусты и тут же наткнулся на белую точеную коленочку. Сведя глазки на этом чуде, он плавно поскользился взглядом вдоль ножки к разрезу. Но облако пренебрежительно фыркнуло, обдав незадачливого дыхателя свежим ветерком.

Мужик перевернулся и сел на задницу, протер глаза и заявил:

– Всем привет.

– И тебе не болеть, – ответила я за всех, – ты кто?

– Я – Макс, а ты?

– Я – Лия, а это Чеки, а это Геня, а это...

Мужик сфокусировал взгляд на бело-черной роже, пару раз перекрестился и без памяти откинулся назад. А бело-черная скотина построила мужику звериный оскал и демонстративно отвернулась, выражая пуд презрения.

Оценив свои тягловые возможности, мы с чертом обратились к облаку за поддержкой и содействием. Чеки из края облака сформировал что-то вроде самодвижущихся носилок, водрузил на них мужика, и мы дружной гурьбой продолжили путь к деревне.

Шахматная война разыгралась не на шутку. Игроки, оперев сосредоточенные взгляды в расстановку фигур, делали отчаянные попытки достать соперника побольнее.

Тяжело сопя, Случай Иванович старательно и целеустремленно прогибал партию в свою пользу. Правда и Лихое Приключение не только эффективно окусывался, но и каждый миг был готов перейти в контрастступление, что порой удавалось и весьма успешно.

Время, как и пространство, сгустилось над играющими. Всё уплотнилось и наэлектризовалось. Фигуры разбежались по доске, заняв для себя стратегические позиции. Казалось, еще один ход и все взорвется, полыхнет, потечет лавиной, руша и сметая на своем пути.

Лихое Приключение поднес руку к фигуре, готовясь сделать рискованно-отчаянный шаг. Миг. Рука застыла в нерешительности.

– погоди, браток! – выдохнул Случай Иванович, – дай дух перевести. Не напирай натурю. Ух, и загнал старика. Аж взмок весь!

И Случай расслабившись, откинулся на спинку кресла. Глубоко вздохнул, вскочил, нагнулся над доской еще раз оценивая обстановку и спешно отошел, снимая напряжение и пряча неуверенность за маской гостеприимного и заботливого хозяина.

– А не пойти ли нам в сад прогуляться, гость дорогой? Шахматы, ведь они как жизнь, спешки не любят, и опрометчивых шагов не прощают.

Лихое Приключение улыбнулся умному замечанию, с любовью окинул игровое поле, еще раз оценивая расстановку фигур. Что ж старик прав, партия обещает быть очень нестандартной, и игра еще только-только начинается. Светлый ум и холодный расчет ой как пригодятся. Встав, он с достоинством последовал за стариком. Молодость и старость неспешно спустились в сад, разрешая подлунному миру ненадолго погрузиться в дела мирские.

Селяне, шумно переговариваясь, прочесывали лес. Где его искать, и жив ли родимый? Дикий зверь ли загрыз, али еще что приключилось? Вот беда-то, негаданная.

Так постукивая, покрикивая и заглядывая под каждый куст, толпа спешила к нам навстречу. А мы, несколько настороженные нарастающим шумом, все же геройски продолжали свой путь и с дороги не сворачивали.

Очередной крутой поворот вывел нас на залитую солнечным светом поляну. На встречу нам высыпало разношерстное войско сельчан: кто с палками, кто с вилами, а кто и просто с кулаками. От неожиданности все замерли, и в воздухе повила напряженная тишина. Даже ворона, уютно восседавшая на толстой ветке и с усердием чистившая до этого свои перышки, замерла и с глубоким вниманием уставилась на поле брани. Напряжение нарастало. И тут наш черно-белый конь решил взять инициативу в свои руки, точнее лапы, а еще точнее копыта. Раздвинув нас мордой, животина сделала шаг вперед и заржала. Ряд сельчан напротив, от неожиданности всколыхнулся, сгруппировался и оцетинился всякими колкостями.

– Кар! – сказала свое веское слово ворона.

– Батя! Да это же тот конь, которого мы царю-батюшке подарили!? – разнеслось над поляной удивленное детское восклицание.

Узнавая в страшной зверюге того самого коня, народ чуток расслабился и загомонил.

– Ты гляди и впрямь тот конь. Смотри и седло на месте. У, животина лютая, напугал до смерти. А царь, царь-батюшка то где?

И тут народ увидел нас, маленькой кучкой сгруппировавшихся на краю поляны.

– Кто такие будете? – выступил вперед староста.

– Мы люди не местные. А идем в деревню. Да и компания у нас, в основном, женская, – докладывал старосте черт, делая неспешные шаги навстречу. – Да вот ведь оказия случилась, в лесу конь приبلудился и человек болявый, не бросать же бедолагу горемычного, – и черт отошел в сторону, открывая взору сельчан наш трофей, спокойно возлежащий на зеленой травушке.

Толпа всколыхнулась, подалась вперед и быстренько оттеснила нас в сторону от драгоценного, как мы уже поняли, груза.

– Ах ты, батюшка, свет солнышко. И как это тебя угораздило, – причитал староста, наклонившись над царем и внимательно разглядывая сизую шишку на благородном челе последнего. – У, животина страшная, – и староста погрозил кулаком коню, – на бойню сдам гада.

А эта хитрющая скотина, не дожидаясь репрессивных действий со стороны власти, эдак бочком-бочком да и за наши спинки спряталась. Мол, я тут ни причем и вообще из другой компании.

Поняв, что гроза миновала, и бить не будут, черт решил взять инициативу в свои руки.

Забавно, но толпа принимала черта за человека чертова, но все же человеком. Я искренне восхитилась. Чеки, умеет же менять личину, паршивец, мастерски, не подкопаешься.

А тем временем черт соорганизовал носилочки, три бригады носильщиков, всех выставил, выстроил, водрузил и направил торжественно пешим строем восвояси. А сам занял место рядом со старостой, и весь путь до деревни они мирно и увлеченно о чем-то беседовали, оставив нас без внимания и попечительства. Ну, а мы, дамы не капризные, но сообразительные, тихонько пристроились в конце столь пышной процессии. И, памятуя старинную мудрость, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти, даже уговорили страшную зверюгу принять нас на борт, то есть довести до деревни с комфортом.

Постоялый двор, расположившийся на самом краю деревни, показался нам, уставшим путникам и внезапным переселенцам, райским уголком, местом, обещавшим приют, ночлег и нормальной человеческой еды.

Правда и тут не обошлось без оказий. При праведной попытке вернуть коня в родные пенаты, последний решил проявить характер и свое право на выбор будущих друзей и теплой компании. Он брыкался, кусался, лягался при малейшей попытке местного населения увести его от постоялого двора. Поднимаясь на дыбы и поворачиваясь к обалдевшей публике то белым, а то черным боком, скалил лошадиные зубы и, выпучив зеленые глазища, всем своим видом демонстрировал серьезность своих намерений. В конце концов, на него плюнули и решили оставить злостную скотину на попечительство новых хозяев в знак великой благодарности за спасение царя-батюшки. Пришлось коня устраивать в стойло, загружать зерном и ключевой водицей. Так мы и устроились.

Черт, как человек деловой и пронырливый быстренько обзавелся нужной информацией, связями и валютой. Уж откуда и как лишних вопросов не задавала. Зато мы с Генеей восторженно погрязли в блаженстве кровати, обжорства и лени.

На следующий день Чеки был призван к его величеству на прием, где и имел довольно продолжительную и весьма результативную беседу. После чего мое с Генеей блаженство закончилось. Нас просто приписали к царскому обозу и разрешили проследовать к стольному граду на личном гужевом транспорте. Дивный конь наотрез отказался впрягаться в колымагу местного пошиба, предпочтя предоставить свою благородную спину не менее благородному черту.

Так, в один прекрасный день я оказалась погруженной на деревенскую телегу без рессор на охапку соломы вместо мягкого сидения с весьма значительным скарбом (видать Чеки трудился не покладая рук). В телегу была запряжена колоритная двуногая животина, требующая отдельного описания.

На местном наречии это животное звали Барн, то есть гужевая скотинка с флегматичным характером и тупым взглядом, травоядная и неспешная. На вид – это милый динозавр с мордой дракона, с длинными висящими ушами, передними маленькими лапками и задними сложенными крылышками, в довершение с толстым треугольным хвостиком. И всё это было водружено на мощные трехпалые куриные лапки с коготками и оперением.

Наш Барн понравился и не понравился мне одновременно. В нем что-то явно было не так, то есть не как у всех. Приглядевшись, я поняла, что он помельче остальных и посветлей в окрасе, и уши у него покорооче, и разрез зрачков как у змеи – вертикальный, что несколько напрягало. Кроме всего прочего, на хребте у него был небольшой горб, как седловина, и запряжен он был по-другому, по-особому. Как в последующем объяснил погонщик, так запрягают ездовых барнов, к которым наш, как видно, и относился. Что заставило погонщика и ездового друга сделаться гужевыми, я расспросить не успела. Караван тронулся. Нас, от греха подальше, поставили его замыкать, и мы поплелись собирать все ухабы и кочки местных автобанов.

Черт красовался на черно-белом жеребце, одежда на нем выглядела франтовато, но сидела безупречно. Взгляды местных красоток стреляли в его сторону, маня и многое

обещаая. Я с упоением наблюдала, как из путника, уставшего в дороге, он превратился в потрясающего мужчину, подтянутого, обаятельного, остроумного щеголя, не скупающегося ни на внимание, ни на комплементы. С начала женщины, а потом и местная знать, признали в нем умного собеседника, тонкого дипломата, и, вообще, равного из равных.

Геня пользовалась не меньшей популярностью. Её формы, походка с нежным колыханием бедер, каскадом струящихся волос заставляли застывать и оборачиваться особей мужского пола. А речь, изобилующая афоризмами, шутками, стихотворными строчками собирала целые толпы воздыхателей и поклонников. Даже царь изподтишка заглядывался на нашу красавицу, бисером рассыпался при встречах, стремясь пробить лед холодности и надменности.

Среди этой супер парочки я смотрелась серой мышкой, на которую никто не обращал внимания. И хотя одежда на мне была не бедной и приведена в соответствие с местной модой и обычаями, она мне не шла и не красила. Но как не удивительно, такой расклад событий меня вполне устраивал. Я оглядывалась по сторонам, прислушивалась и присматривалась, неспешно ища свой образ воплощения в здешней реальности.

Шахматная доска осиротело стояла посередине пустой комнаты. Лучи заходящего солнца кидали на окружающие предметы длинные тени фигур. Сумерки сгущались, привнося с собой неизвестность и беспокойство.

За время обратного пути Максимилиан и Чеки нередко, обмениваясь мимолетными фразами или ведя неспешные разговоры, поражали друг друга широтой кругозора и глубиной знаний по многим вопросам. Их общение из настороженного быстро переросло в дружеское, а еще быстрее в деловое. Петрархиус, так же частый гость этих бесед, открыл в черте талант рассказчика, а главное, носителя уникальных знаний и технологий. Поэтому все чаще мужская троица стремилась уединиться от лишних ушей и косых взглядов для обсуждения дел насущных и государственных.

Вот так неспешно, без чудес и приключений мы добрались до столицы изумрудного государства – величественной Экибании.

Город встретил высокой крепостной стеной, шумными улицами, дорогами, мощеными камнем, толпами разного люда, суетливо спешащего по своим делам.

Под место жительства отвели нам заброшенную мельницу, что стояла за крепостной стеной на гремящем ручье. И первый же взгляд на наше новое жилище поверг нас в глубокий ступор.

Видать дивный человек строил эту мельницу, я бы сказала местный Гауди. Стены, крыши, окна, переходы сплетались в витиеватую композицию. Отсутствие прямых углов и горизонтальных плоскостей вообще ставило мозги на попа. А венчающая все это великолепие сторожевая башенка с круглыми окошечками и крышей в виде улитки заканчивала фантастический архитектурный образ. Правда, бурьян, плотной стеной доходивший почти до второго этажа нежно скрадывал непривычную для человеческих глаз картину.

Ну, что ж. И на том спасибо, дружно решили мы, прокладывая себе путь к входной двери.

Изнутри дом поразил нас не меньше, чем снаружи. Но уставшие с дороги и не имеющие сил чему-либо удивляться, мы быстро нашли каждый для себя приглянувшуюся комнату и рано угомонились, оставив все экскурсии и эмоции на завтра. Правда, одна мысль все же посетила мою засыпающую голову. Мне показалось, что комнаты выбирали нас, а не мы их, да и сам дом настороженно приглядывался и прислушивался к новым жильцам, как живой. Впрочем, как показало время, я была не так уж далека от истины.

Наутро, размежевав глаза и улыбнувшись, я весело произнесла:

– Здравствуй, мой новый дом! С добрым утром!

И бодренько спорхнув с постели, понеслась разносить благую весть, что проснулась.

В доме меня удивляло и восхищало все: цвета и ткани, изгибы стен, неожиданные повороты, упирающиеся в тупики коридоры, или несуразно подвешенные двери, до которых и рукой-то нелегко дотянуться, а не то, чтобы войти. Проплутав добрых полчаса по закоулкам нашей новой империи и вооружившись мыслью из доброго детского фильма «И кто же так строит?», мне, наконец, удалось не только услышать родимые голоса, но и ввалиться в ночнушке и с распущенными волосами в гостиную, уже заселенную гостями и хозяевами. Повисшая в воздухе пауза, круглые глаза, смущенные улыбки и откровенные мужские взгляды заставили меня остановиться. И нисколько не смутившись, сложить губки бантиком и кокетливо обвести всех заинтересованным взглядом. Публика была в нокауте от такой наглости, но сложную ситуацию искрометная Геня быстренько взяла под контроль. Она подпархнула ко мне с обворожительной улыбкой и, укутав своим туманом, тем самым еще больше усугубив мой художественно-развратный образ, повернула за плечики и со словами: «Ах, голубушка, вы так обворожительны, что лишаете наших гостей дара речи» - вывела из гостиной. Спиной я почувствовала вздох облегчения, ветерком пронесшийся в пространстве.

Геня быстро довела меня до комнаты. Оказывается, в этом доме существуют и короткие пути.

– Дорогуша, а не хотели бы вы одеться? – изрекла красotka, готовая вернуться к гостям.

Но не тут-то было, меня уже прорвало и, закипая от бессилия и обиды, я злобно процедила:

– Голубушка, говоришь!... Дорогуша!... Да я сейчас тебя так выжму, облако неогромленное, что мои обористые одежонки в сравнении с тобой будут смотреться царскими нарядами.

И чуть сдерживая слезы, уже готовые брызнуть из глаз, я гордо проследовала к зеркалу и плюхнулась на стул.

Геня вернулась в комнату и плотно притворила за собою дверь.

– Лийка, милая! Да ты с ума сошла, да какая зараза тебя укусила? – ворковала подружка, кружа по комнате и перебирая разбросанные вещи. Она подбирала их, рассматривала, пренебрежительно фыркала и сваливала все в кучу.

– Да, похоже, ты слишком долго была вешалкой этому убогому хламу, – задумчиво протянула красавица. Подбежав ко мне, нежно обняв за плечи и чмокнув в макушку, Геня уже весело добавила, – Но сейчас мы все обязательно исправим и сделаем из тебя первую красавицу.

Собрав мои волосы, она подняла их вверх, имитируя высокую прическу.

– Давай мы сделаем из тебя знатную даму.

– Ну да, пиковую или червовую?

Мы рассмеялись. И волосы золотым веером рассыпались по плечам. Подруга собрала их снова, заплела в косу, уложила вокруг головы, и, наконец, расплела и взъерошила.

– Да! Образ степенности тебе явно не к лицу. – Последовал неутешительный вердикт. – А что, если мы сделаем из тебя роковую женщину?

– Да нет, спасибо. Одна уже есть, вторую этот мир просто не выдержит, – съязвила я и уставилась в зеркало. С той стороны на меня смотрела рыжеволосая бестия с искрящимися глазами, задиристой улыбкой, покатыми плечиками и двумя подружками, плотно натягивающими ночную рубаху. Да! Целомудренный образ к этому портрету явно не клеился, а вот... И тут меня осенило – Божественная Солоха! – веселая и язвкатая, умная и работающая, но главное - готовая любить и быть любимой. И это я.

Уловив смену моего настроения, Геня быстренько ретировалась к гостям со словами: «Мы ждем тебя, лапочка».

Следующий час я потратила на свое преображение, благо в комнате нашелся гардероб старых хозяев, а кружевное нижнее белье было прихвачено еще с земли. Нещадно обрезая и кромсая, перекраивая и пришивая, я, наконец, смастерила себе костюм «а-ля Украина» в русском исполнении. Шелковая белая рубаша с глубоким круглым вырезом красиво подчеркивала упругость моих подружек, а грубовато-льняные кружева цвета слоновой кости, собранные воланом, загадочно оттеняли их. Низ состоял из двух юбок: нижней - белой, доходившей до середины икры, отделанной все теми же кружевами и очень широкой, и верхней – из алого плотного шелка с крупными кремовыми цветами. Её длина была значительно короче нижней, что позволяло кружевам свободно приковывать взгляды любопытствующих. Обе юбки плотно сходились на талии, подчеркивая её наличие и размер. Довершали мой новый наряд две небольшие детальки: красные бусы из местного камня и алый платок, завязанный хвостиками вперед, из-под которого выбивались непослушные рыжие локоны, делавшие мой взгляд бесовски притягательным. Крутанувшись у зеркала, я нашла себя неотразимой и в следующий миг уже летела по лестнице в гостиную на встречу с гостями и новой судьбой.

Мое второе появление было подобно грому среди ясного неба. Разговор замер на полуслове, а у присутствовавших мужчин осоловело застыл взгляд. Даже черт не ожидал такого превращения. Вскочив и галантно подав мне руку, он ввел меня в комнату и зачем-то представил: «Наша несравненная Солоха». После чего усадил в кем-то спешно придвинутое кресло и не забыл скользнуть восхищенным взглядом по соблазнительной ложбинке.

Петрархиус тяжело сглотнул и с упреком заметил: «Чеки, как же ты мог целую неделю скрывать от нас это сокровище?»

Макс, как и все, пристально смотрел на меня, не до конца понимая, как гадкий утенок, совсем недавно нарисовавшийся в этом проеме, вдруг ворвался обратно огненной птицей. Потом неспешно встал, подошел и взял мою руку.

– А вы не так просты, как кажитесь, сударыня. Один ноль в вашу пользу.

И, нежно поцеловав кончики пальцев, направился к выходу. Свита спешно поднялась и поспешила за своим сюзереном. Я гордо посмотрела на Генею. Восторг, написанный на ее лице, придал мне смелости и сил.

– Лийка, ты прелесть, ты такая ... ! – и она бешено закружила меня по комнате. Мы были на седьмом небе.

В тихом безмолвии фигуры дремали на шахматной доске. День сменял ночь, а ночь – день.

Мир отдыхал.

Наша неспешная жизнь начала пробивать свое русло.

Черт обустроил себе чердак, где с лихвой нашлось место и для спальни, и для кабинета, и даже для небольшой химической лаборатории, где они с Петрархиусом стали частенько засиживаться. И куда очень скоро стал захаживать и Макс. Неуемная жажда нового сближала и радовала их. И вот уже первые бочки с пивом забродили в нашем подвальчике, и появились первые образцы каучуковой резины из местного материала. В общем, мужички увлеклись буйной фантазией и наукотворчеством.

Генея то же не сидела без дела. Она смело обследовала все близлежащие водоемы, ручьи и источники на предмет волшебства и различной пригодности. Нашла источники с синей, зеленой и молочной водой, как её в шутку называли – молодильной. Так что очень скоро на площади перед мельницей был выстроен бювет, организована подъездная дорога, скамеечки, беседки, проложены тропинки и скверики. И местная знать, сначала молодежь,

а потом и постарше, взяли «за моду выезжать «на воды», неспешно прогуливаться, вести светские беседы, показывать наряды или просто встречаться, кокетничать и влюбляться.

Обворожительные рестораторы под чутким приглядом бойких в торговле Черта и Антипа окружали гостей ненавязчивым, но внимательным сервисом. Спорые маленькие человечки, очень похожие на гномов и соответственно одетые, приносили, уносили, подавали... Да, вторжение чужой цивилизации явно и активно поднимало культурный уровень местного населения.

Ну, а мне негласно, досталось хозяйство домашнее, в том числе дом с интерьерами.

В полной мере нагулявшись по внутренним помещениям, меня как то потянуло обойти дом вокруг. Задумано – сделано. От входной двери я повернула налево и, придерживаясь рукой за стену, неспешно побрела вдоль стены, иногда постукивая или поглаживая шероховатую поверхность. Через некоторое время моего увлекательного странствия я поняла, что путешествую уже не одна. Коренастый длинноносый мужичонка, ростом доходивший мне до груди, по пятам следовал за мной и повторял все мои движения.

– Привет! – поприветствовала я незнакомца.

– Рымбако, – пробасил мой спутник, и мы продолжили свое путешествие.

Дом изнутри казался мне куда меньших размеров. Так, сделав очередной поворот, я увидела, что кусты очень близко подобрались к стенам, а лианы переплетясь, образовали непролазные темные заросли.

– Стой. Дальше безпутье.

Рымбако отошел в сторону и, раздвинув заросли, освободил неприметную скамейку, сел и спросил.

– Что ищешь?

Присев рядом и, задумчиво глядя на дом, я ответила:

– Странный он какой-то. Непривычный, не мой.

– Что хочешь? – и как по волшебству в его руках оказалась воощенная дощечка и стек, - графи!

Взяв в руки эти нехитрые рисовальные инструменты, я попробовала изобразить мое примитивное видение жилья. Рымбако и, мне показалось, дом посмотрели на эти художества и пренебрежительно хмыкнули моему примитивизму. А главное, дом воочию изобразил мой рисунок в натуральную величину. Тот глубокий ужас, отразившийся на моем лице, при взгляде на это убожество, заставил Рымбако улыбнуться. Ткнув корявым пальцем в дощечку, он как отрезал: « Думай». Встал и ушел. Точнее, исчез в этих мрачных и запутанных лианах, оставив нас с Домом наедине.

Процесс творчества проснулся как-то не сразу. Я рисовала и стирала, снова рисовала, а дом проецировал мои рисунки в натуральную величину. И смотрелось это далеко не великолепно. Наконец я устала от своей бестолковости и, опуская дощечку, подумала, если бы был рисунок Дома, я бы его чуть-чуть подправила... И рисунок ведь проявился, и игра в архитекторов началась с удвоенной силой, но надо сказать с большими результатами.

Поняв правила игры, я каждый день прибегала на заветную скамейку с грандиозными планами и новыми идеями. Рымбако – хранитель дома, вылезал из своих кустов, садился рядом, и мы начинали творить. Я рассказывала ему о строительстве и архитектуре. Мы спорили, обсуждали, рисовали. Дом, наблюдавший за нами всеми окошками, еле поспевал даже с дымчатой реализацией идей. Но главное, Дом менялся. Он стал более приглядным для глаз, хотя стиль асимметрии и отсутствия прямых углов, так восхитивший меня вначале, мы постарались оставить в первоизданном воплощении. Выросла парадная лестница с витиеватыми перилами и пряничным крыльцом. Вырос балкон и галерея зимнего сада. Преобразился холл первого этажа. Разбив пространство на зоны, мы получили великолепную гостиную с большим камином, зеркалами, диванами, игральными столиками и местным роялем. Чуть дальше нас радовал небольшой рабочий

зал, где всегда можно было уединиться и поработать, или просто подумать. Столовая с большим столом и стульями с высокими спинками, интерьером в стиле барокко, стала излюбленным местом пребывания нашей разношерстной компании. Здесь дегустировались вина, с аппетитом поглощались старые и представлялись новые блюда и другие кулинарные изыски.

Но самые большие изменения претерпели мои апартаменты. Во-первых, у меня появилась круглая белая зала с маленьким черным камином, уютными диванчиками и креслами, белой пушистой шкурой в самом центре, картинами, зеркалами и другой интерьерной мелочевкой. Спальня, ванная и туалетная комнаты, гардеробная и маленький рабочий кабинет - моя давняя мечта идиотки.

Макс и Петрархиус частенько бывали в нашем доме. Правда и домом его уже было сложно назвать. Малый дворец или летняя резиденция куда больше подходила нашему скромному жилищу. Бело-салатовый фасад, беломраморная площадь, статуи, английский парк, фонтаны, тенистые аллеи. Одним словом - романтика!

Мужчины часто и надолго запирались в рабочем кабинете или колдовали в лаборатории. Сутками могли пропадать в походах и возвращаться грязными и усталыми. Или пировать в гостиной, снимая первые пробы с бочек пива, вина или кваса.

Чаще Макс стремился, взяв меня под руку, увести в самую тенистую аллею сада. Он мог часами расспрашивать меня о моем мире или взахлеб рассказывать о своем. Он умел внимательно слушать и искренне по-детски смеяться. Мне было с ним легко и покойно. Макс был удивительным человеком. Царь - властный и резкий, не терпящий возражений или сопротивления, а, с другой стороны, общительный, обаятельный балагур, жадный до знаний и стремительно впитывающий в себя все новое. Играя в шашки, я видела, как он по детски радовался, если побеждал, и, как по взрослому расстраивался и обижался, если проигрывал. Любил над кем-нибудь подшутить, и как переживал, попадаясь сам в шуточные ситуации. Одним словом, царь-государь и моя лебединая песня.

Наши чувства не вспыхнули ярким пламенем ослепляющей страсти. Они, однажды затеплившись, разгорелись в любовь зрелой женщины и сильного мужчины. Любовь, которая делала нас во сто крат сильнее и мудрее. Любовь, которую мы готовы были оберегать и дарить.

«Один ноль в вашу пользу, сударыня!» – злыдень, сухарь, чопорный франт местного пошиба...

Образ Божественной Солохи дал мне в руки и оружие нападения, и мощную защиту. И я непременно решила этим воспользоваться.

Веселая, чуть-чуть разбитная рыжеволосая бестия нравилась окружающим и не напрягала в общении. Поэтому у меня очень скоро появилось много друзей, как среди людей, так и среди народа Рымбако.

Нежный восторг и счет два ноль в мою пользу нарисовался, когда я проехала по столице верхом на лошади в дамском седле и в сером костюме для верховой езды. Жакет, жабо, длинная юбка, ботфорты, небольшая шляпка с вуалью и золотые кудряшки сделали меня пиком модного сезона. Уже через пару дней столичные модницы во всю гарцевали по улицам в новых нарядах, заставляя народ восхищаться и бурчать.

– Еще одна такая выходка и весь столичный народ будет бегать нагишом, копируя и подражая. И все благодаря вам, сударыня, – зло, с надрывом выпалил Макс, без стука врываясь в мою комнату и плюхаясь на диван. – И что вы скажете в свое оправдание?

– И вам здравствуйте, мое злостное величество, – ехидно улыбаясь, ответила я. – Что вас так расстроило? Женская ножка или плечико? – И более серьезно, но как маленькому и упрямому, новая мода – она такая капризная дама, но без неё так скучно.

– Это не мода капризная, это вы даже эксцентричная, – огрызнулся Макс, вскочил и направился к двери.

– Уа-у! – взвизгнула я и посмотрела на свою ладонь, по которой заструилась обильная струйка крови.

Макс резко обернулся, готовый выпалить колкость, но увидев кровь, грозно спросил.

– Лия, что случилось?

– Не знаю, – всхлипнула я, зло уставившись на шип, незаметно выросший из стены и минуту назад так больно уколотивший меня в ладонь.

Макс подскочил и приложил свой платок к обильно истекающей ране.

– Где у тебя вода?

– Там, – указала я на не очень заметную дверь.

Мы вошли в ванную, но Макс то тут не бывал и не предполагал, что бассейн с джакузи может быть весьма не маленьких размеров. Поэтому, оказавшись в этом изумрудно-белом кафельном великолепии, он просто забыл о моих ранах и, оглянувшись по сторонам, изрек.

– Здесь что?

– Здесь купаются.

– Как?

– Нагишом, – съязвила я.

– Здесь нет воды!

– Сейчас организуем, – я обошла ванну, сыпанула внутрь душистую пенящуюся соль и включила воду из всех сопел. В бассейне все ожило и забурлило. – Купаться в одежде будете, али как?

Нагло глядя мне в глаза и сбрасывая одежду, Макс изрек.

– Я не постесняюсь.

– А я не отвернусь, – не отводя своего взгляда от его смеющихся глаз, огрызнулась я.

Сев на краешек скользкого бортика, Мак свесил ноги в бурлящее чрево бассейна. Проходя мимо, я как-то невзначай столкнула его в воду, за что молниеносно была вознаграждена шквалом брызг, окатившим меня с ног до головы.

Оставив монарха наслаждаться экзотической водной процедурой, я поспешила переодеться и наполнить бокалы освежающим тоником.

Вернувшись, минут через пять, увидела Макса, блаженно возлежащего в пенном облаке пузырящейся воды. Вспотевший стакан со стекающими капельками быстро переключал в его руку.

– Сударыня, вы предвосхищаете мои желания, – обратился ко мне Макс, удерживая за одежды. Я попыталась вырваться.

– Сударь, я женщина, а вы соблазнительный мужчина, – попыталась отшутиться, при этом нежно проведя рукой по его шее и подбородку.

– Ты не женщина, – взревел Макс, – ты ведьмочка, ты моя рыжеволосая бестия, – и его сильные руки одним взмахом опустили меня в теплую воду бассейна...

Мокрая одежда на мокрой женщине – это нелегкое препятствие при взятии стен целомудрия. Но эта была наша ночь. И скоро одежда мокрым комком валялась около бассейна, а мы дали волю всем своим чувствам, эмоциям и желаниям, столь долго сдерживаемым под маской приличия.

Зрелость, она красива своей опытностью и неспешностью, отсутствием ложного стыда и пылкой наглости. Зрелость – это губы, ласкающие в поцелуе страсти. Зрелость – это танец любви, исполняемый в одном ритме. Зрелость – это вкус послевкусия, где звенящая тишина продолжает игру единения утомленных тел и воспаряющих душ.

С той памятной ночи, Макс частенько стал задерживаться в белом логове, как в шутку называли мои апартаменты. Вырываясь из дремучей атмосферы дворца, он

стремился испытать глоток свежего воздуха, уткнуться в теплое женское плечико, мирно дремлющее в предзвездное время, или окунуться в феерию страсти, вспоминая почти забытое и учась неизвестному, ревнуя к невиданному и любя до безумия...

Жизнь шла своим чередом, принося радости и огорчения, победы и поражения, находки и открытия. Мужчины продолжали заниматься своими делами, часто уезжали, приезжали, спорили, искали компромиссы и новые решения. Они активно меняли этот мир, подчиняя все одной цели и единой задаче. И только вечера в гостиной у большого камина позволяли им ненадолго расслабиться и из жесткого мира забот окунуться в атмосферу безмятежности и любви.

Новый день озарил доску мира. А в подлунной прошел целый год.

Шахматные фигуры встрепнулись после долгого ожидания. Сегодня будет ход. Сегодня скрестятся шпаги в смертельной песне клинков.

Скрипнула дверь, и наши игроки вошли в комнату.

– Ах, молодость, молодость, и все вам не сидится, все вас тянет в какие-то заморские дали, – незлобно брюзжал почтенный старец, приближаясь к доске.

– Дорогой Случай Иванович, – весело оправдывался Лихое Приключение, – ветер перемен играет с нами весьма злобную шутку. Вы не находите? – быстрым взглядом он окинул расстановку фигур и настроился на игру.

– Да, интересно разложена партия. Вы не находите?

Острый взгляд, прищур, ход. Пешка делает шаг. Игра началась.

Макс не скрывал своего счастья, он весь светился изнутри, оставаясь при этом жестким и напористым. Приближенные перешептывались, не смея вслух выразить свое недовольство. Многие отнеслись к этому, как к временному увлечению царя-батюшки. А некоторые забурчали, что, мол, чужестранки в царицы нам только не хватало. «Да! Власть нелегкое бремя», – гласит пословица моего мира.

Мне же оставалось гордо нести свою любовь и рыжеволосую головку, улыбкой и шутками отвечая на добрые подтрунивания друзей, или нагло и свысока осаживать слишком ретивых блюстителей местного порядка.

С Генеей при активной поддержке черта мы успешно занялись мягкой культурной революцией здешнего общества. Наши модные капризы быстро подхватывались и тиражировались, особенно среди молодежи. Девочкам юбки, мальчикам брюки, на ручки перчатки, на пальчики кольца, в ушки сережки, шарфики, бантики, локоны и кудряшки, да мало ли что еще навеивал земной девятнадцатый век. Наш девиз был утонченная женственность, обаяние и красота, а для мужчин – галантность, сила и блистательный ум.

На выезде из города мы устроили ярмарку картин и художественных промыслов, и частенько наведывались туда за красивыми новинками и оригинальными безделушками. В городских салонах заиграла музыка, зазвучали стихи, закружились балы.

Однажды, Макс целый час простоял в дверях, застав меня играющей за роялем. Звуки чужой, но очень красивой музыки, буквально заворожили его. Он боялся дышать, чтобы не развеять эйфорию эмоций, бушевавших в его творческой натуре.

Весь вечер он без конца напевал запомнившуюся тему, и мне пришлось признаться, что это не просто музыка, это вальс! И еще добрый час мы разучивали движения танца, кружась и путаясь, смеясь и ... целуясь. А наутро ко мне прибежал смущенный композитор с поручением от самого от царя, чтобы вальс стал королевским танцем.

Меня мало смущали слухи и шепот за спиной, но одна мысль все-таки не давала покоя – Азалия, дочь Макса, принцесса, с которой я до сих пор не была знакома. Изумрудное государство не такое большое, а столица и того меньше, что бы скрыть увлеченья высших персон. Наши отношения с Максимилианом обсуждались и

домысливались, привирались и утрировались. И встречи с Азалией я ждала, и надо сказать честно, немножко нервничала.

– Не дрейфь, подружка, – успокаивала меня Генея, – ты – хорошая, я – плохая! Поиграем?

И вот однажды на нашем пряничном крылечке нарисовалась взбешенная фурия, готовая разнести дворец и полцарства в придачу. Волнуясь, и прикусив нижнюю губу зубками, я немного приотстала, предоставляя оперативное пространство моей роскошной подруге.

– Где эта рыжая бестия, что хочет заполучить царскую корону моей матери? – с места и в карьер сорвалась Азалия.

Генея, смерив девицу холодным надменным взглядом и изогнув домиком левую бровь, скользящей походкой направилась к принцессе.

– Здравствуйте, ее величество, – приостановившись ехидно поприветствовала она Азалию и стала неспешно обходить девушку вокруг, вслух обсуждая её наряды, – Эти угловатые плечики, делают вас еще угловатее, а юбку бы подлиннее, а каблучки бы потоньше и повыше, что это за деревянные обрубки. О, милая, вы же не мальчик, чтобы так сильно утягивать грудь, она и так у вас не завидного размера. А эти скулы, их надо срочно спрятать за игривыми локонами, а крысиный хвостик распустить. Ох, кто вам накладывал макияж? Вы меня просто убиваете! А где ваш маникюр и манеры?

Впервые увидев перед собой женщину такой красоты, Азалия несколько растерялась, а нелестная оценка внешности и вовсе приблизила её к истерики.

– Генея, – вступила я в игру, – пожалуйста, пожалей эту милую девушку и пригласи ее войти. Здравствуйте, ваше величество, – сделав неглубокий реверанс, жестом пригласила обеих дам проследовать в гостиную.

Оглядываясь по сторонам, принцесса и восхищалась, и ужасалась внутренним убранством этого чудного дома. Здесь все было продумано и роскошно, и разве отец не мог не влюбиться в эту красивую злостную тетку, встретившую её у входа. Внутри закипали слезы бессилия и обиды.

Присев на краешек мягкого дивана, Азалия, наконец, перевела испуганный взгляд с холодной красавицы на вторую женщину, одетую не менее богато и изящно. В уголках её глаз искрились добрые морщинки, мягкая улыбка успокаивала, а волосы цвета темной меди были уложены в высокую прическу, подчеркивающую тонкость шеи. Все в ней было пастельно-гармонично, а красота не унижала и не раздражала.

– Азалия, голубушка, что привело вас в наше логово разврата?

Азалия вернула взгляд на холодную красавицу.

– Мне сказали, что некая иностранка хочет околдовать моего отца и захватить власть в свои цепкие лапки. – с вызовом начала она свой монолог. – И еще, мне сказали, что она коварная и злая. Но я не позволю ей вмешиваться в наши дела. Я запрещаю отцу посещать ваш дом, – почти кричала принцесса, – он, он не должен её любить.

– Ах, – откидываясь, рассмеялась Генея, – вы так по-детски наивны и по юношески агрессивны. Вы меня просто умиляете. В моих цепких лапках, как вы смели выразиться, столько власти, что корона – это просто ювелирное украшение. А вот вы, принцесса, очень боитесь ее потерять. – жестко констатировала красавица, больно уколов самолюбие царской особы.

– Девочки, не петушитесь и не ссорьтесь, вы обе правы. Вы обе красноречиво излагаете свои претензии. Но вот беда, они мне не интересны. – С милой улыбкой, вмешавшись в спор, я повергла их в тихий ступор. – Поверьте, любовь – это наивысший подарок судьбы, и она дороже мне всяких корон, власти и денег.

– И даже денег? – прицепилась Генея, – нет, вы слышали, ваше величество, наша очаровательная графиня хочет сказать, что ей не нужны платья, духи, туфельки, кареты. Голубушка, – объединились против меня бывшие спорщицы, – вы о себе слишком

завышенного мнения. Поверьте, ваш острый ум оценят только после того, как будут очарованы вашей внешностью, а не наоборот. Ваше величество, - перекинулась красавица на принцессу, – к вам это тоже имеет прямое отношение. Мужчины любят глазами, им нужны округлые формы эффектно, а не вульгарно выставленные на показ, им нужна романтическая гармония цвета и запаха, которая в их головах состряпает всякую чепуху, – разглагольствовала Генея, изящно жестикулируя ручкой. – От вашего же боевого раскраса просто рябит в глазах.

Принцесса аж задохнулась от столь прямой критики в свой адрес.

– Сейчас модно, – возмутилась она.

– Модно быть мальчиком, когда ты девочка? – перебила ее Генея, – Вы красивы, но нелепы, вы могли бы очаровывать, а вместо этого скандалите...

– Девочки не ссорьтесь, – еще раз попыталась я разрядить обстановку. – Ваше величество, как вы отнесетесь к такой идеи, как побывать в тайной лаборатории моды? А вас, очаровательная Генея, я бы попросила продемонстрировать свое искусство доброй волшебницы и мастерицы перевоплощений.

О! Принцесса уже была наслышана об этой лаборатории, поэтому глазки её заблестели, выдавая интерес и любопытство.

– Прошу вас, следуйте за мной.

И, увлекая за собой остальных, проследовала в глубь дома.

Нас встретил круглый внутренний дворик, отделанный белым камнем, с кушетками и столиками в виде цветов, расставленными по периметру. В самом центре бил фонтан, а в раковине бассейна клубился густой туман. Рядом стояло огромное овальное зеркало, обрамленное витиеватым растительным узором. Генея до сих пор не признается, откуда она достала это чудо. Именно чудо, потому что в нем туман смотрится явью, а человек как бы видит свою внешнюю оболочку, но за ней неявно проступает образ его души. И далеко не всегда эти лики совпадали.

Оглянувшись по сторонам, принцесса подошла к зеркалу. Из глубины на неё посмотрел бледненький мальчик-подросток с угловатыми плечиками, с яркими разноцветными волосами, туго связанных в хвост, тонкими ручками и ножками, в нелепом коричневом костюме. Подошедшая к ней Генея, представила разительный контраст в пользу женственности и изысканного вкуса. Смутившись, принцесса захотела уйти, но Генея волевым жестом остановила её и, наклонившись к бассейну, подхватила немного тумана. Водрузив его на маленькую яркую головку, красавица мастерски, в несколько пасов сформировала новую прическу с челочкой, игривым локоном, но, главное, эта прическа в корни изменила принцессу, придав этому юному созданию обаятельный шарм. Ещё несколько хлопьев тумана, и дивное платье окутало хрупкий девичий стан.

– Ах, ваше величество! Да распустите же вы эти дурацкие шнуровки. Пусть милые девочки будут достойным украшением ваших форм, – изрекла Генея.

Принцесса с восхищением взирала на свое новое отражение, которое очаровывало её и пугало одновременно, но лиха беда начало...

Со словами: «Новое изобретение Петрархиуса», – я поднесла девушкам оранжевый шипящий газами напиток. Имя дворцового мага успокоило принцессу, и она смело сделала несколько глотков.

– Что это?

– Веселящая вода. Тебе нравится?

– Весьма необычно и вкусно. А почему это не подают в нашем дворце?

– Ваше величество, этот напиток нельзя подавать в царском дворце, потому что кисло-белое безобразие ваших погребов быстро перекочет в нашу чистую речушку, и вся рыбешка будет страдать вздутием животиков, а это пагубно отразится на местных ароматах. Так что свое добро допивайте сами. – наукоемко выдала Генея, а принцесса прыснула смешком, образно представив описанную картину.

– Ах, за вами кто-то послал, ваше величество. Мы, наверно, слишком увлеклись. Хотя, было бы очень интересно продолжить наши эксперименты. Вы не находите? – забеспокоилась Генея, увидев в дверях Рымбако.

– Я приеду послезавтра, ближе к обеду. – надменно сказала принцесса и, спохватившись, добавила. – Можно?

– Мы будем рады видеть Вас снова. – склонились мы в неглубоком, но почтительном реверансе.

Удовлетворенная принцесса направилась к выходу, но в дверях вдруг остановилась, развернулась и внимательно посмотрела на Генею.

– Обещайте мне, что вы не будете влюбляться в моего отца и жениться на нем. И пусть он с вами просто, – она немного замялась, а потом выпалила, – просто дружит.

Не ожидая такого оборота событий, Генея округлила глаза от удивления.

– Принцесса, уверяю вас, нас ни что не связывает с вашим батюшкой.

Но, поняв, что её с кем-то перепутали и боятся, скромно добавила:

- Наши вкусы с его величеством немного не сходятся, поэтому я искренне обещаю вам, – и красавица спрятала улыбку за глубоким реверансом.

Тревога, отразившаяся на лице принцессы, сменилась неким успокоением, и, развернувшись, она вышла из зала.

Когда за гостьей захлопнулась дверь, мы прыснули безудержным смехом. Внутренняя напряженность, раздражение, глупость ситуации искали эмоциональный выход, а финальный аккорд, что её отец может влюбиться в эту холодную и злостную красавицу...

– Тебе не кажется, что мы переиграли?

– Я любовница короля? – хихикала Генея. – Только, пожалуйста, не говори Петрархиусу, это его расстроит.

– И что меня должно расстроить, моя ненаглядная красавица?

В дверях нарисовался дворцовый маг и чародей, и как всегда вовремя. Подойдя к Гене, он обхватил её за талию и нежно поцеловал в щечку.

– Душа моя, я безумно соскучился по вашей обворожительной холодности, – заворковал он на ушко, – Вы так заразительно смеялись, что мне просто не терпится узнать, что вас так сильно рассмешило? Приветствую тебя, Лия, надо отметить, что образ светской дамы тебе к лицу, хотя образ крестьянки меня волнует больше, – изрек он шуточный комплемент. – Позволь украсть у тебя компаньонку, я хотел бы с ней обсудить дела не столь государственные, но масштабные...

Балагурия, он увлек Генею за собой.

Оставшись одна, я бесцельно прошлась по залу и, присев на кушетку, задумалась. Где же принимать принцессу, не в личных же апартаментах?

Из воздуха материализовался Рымбако, в руках у него была все та же вошенная дощечка. Он как будто чувствовал и тонко улавливал творческий настрой, и, похоже, ему нравилась эта игра.

– Рымбако! А возможно быстро построить небольшой павильон на некотором удалении от нашего замка?

Хранитель дома коротко кивнул и, не мигая, продолжил смотреть на меня, как бы ожидая новых вопросов.

– А давай построим...? – я замолчала, задумавшись, – Например, спа-салон? – закончила я свою мысль.

Название спа-салон Рымбаку ничего не говорило. Поэтому он просто протянул мне дощечку: «Рисуй». И я начала рисовать и объяснять, стирать и рисовать снова. Очень скоро из немого созерцателя, хранитель дома превратился в активного партнера. И мы спорили, что-то друг другу доказывали, шумели, соглашались и возмущались. В общем, мы работали творчески и очень, надо сказать, плодотворно. Через пару часов перед нами

лежали пять или шесть дощечек, где в мельчайших подробностях были проработаны элементы русской бани, каскадом бассейнов с холодной и теплой водой, горячим гейзером, комнатой отдыха и комнатой, где можно подстричься или сделать маникюр. Устав, я попросила у хранителя тайм-аут. Рымбако аккуратно собрал дощечки как некую драгоценность и быстро растворился в пространстве. А я, перекусив и искупавшись, обняла любимую подушку, и с чувством выполненного долга погрузилась в спокойный и блаженный сон.

Проснулась я внезапно от ощущения, что кто-то на меня смотрит. Приоткрыв глаза, в предрассветном тумане увидела Макса. Он полулежал поверх одеял рядом со мной и внимательно вглядывался в лицо.

– Кто ты? – задумчиво прошептал мужчина. – Почему ты здесь? Что за тайна окружает твоё появление? Почему меня безумно тянет к тебе?

Я улыбнулась его вопросам, выдавая, что проснулась.

– Я твоё настоящее, Макс, и я люблю тебя. – слова сорвались с губ непроизвольно. Мозг ещё не контролировал мои эмоции.

Нагнувшись, он пристально посмотрел мне в глаза, потом прикоснулся щекой к моей щеке и прошептал на ухо:

– Ты пахнешь рассветом.

– А ты как кактус колючий, – нарушила я романтику момента, потому что щетина больно колола мне щеку.

– Ах ты, нетерпеливая фурия моих уязвленных намерений, – пошел в шуточную атаку возлюбленный. Он быстро разобрался с одеялами, подушками и подушечками, летящими в его сторону. И нежный поцелуй накрыл нас своим покрывалом безудержной страсти...

Утром за чашечкой кофе Макс все-таки озвучил, мучавший его вопрос:

– Что предвещает твоё появление в моём мире, Лия? Я чувствую, что что-то должно произойти, и это меня беспокоит. – Взяв мою руку и поднеся её к губам, Макс продолжил, – Ты моё неожиданное счастье! Ты моё всё! Не покидай меня, ладно? – его щенячий взгляд трогал меня до глубины души.

– Макс, я всегда буду рядом, и в радости, и в печали, и в победах, и в поражениях. Иди вперед и ничего не бойся.

События последующих нескольких дней стремительно закружили нас в галопе, сорвавшихся в карьер лошадей.

Максимилиан, Петрархиус и Чеки с головой окунулись в раскрытие очередной государственной тайны, дамочловым мечом нависшей над изумрудным государством. Их целеустремленность и слаженность в работе просто восхищали меня. Обладая огромным багажом знаний и с полуслова понимая друг друга, мужчины в буквальном смысле стали мозговым и научным центром государства. Идя к главной цели, они сорили новыми изобретениями и усовершенствованиями, стремительно поднимая уровень жизни. Так появились прогулочные коляски на рессорах, а в проекте уже маячили кареты и паровые машины. Колеса повозок обтянули местной резиной, и они уже не гроыхали по булыжным мостовым. Изобретение красок ввело моду рисования на стенах домов. Город буквально расцвел всеми цветами и превратился в праздничный хаос.

А беспокойство перед ожидаемой неизвестностью все больше заставляло спешить и, не оглядываясь, двигаться вперед.

– Уди, солнышко – это ты?

Старик оторвался от шахматной доски и приветливо улыбнулся милостивой девушке, стремительно влетевшей в комнату.

– Дядюшка, вы опять строите козни на Доске мира?

– Ах, любушка моя, скучаю-с.

– Привет, Прики! – поприветствовала Уди Лихое Приключение, – Твоя страсть к азартным играм меня просто пугает, – и она с нежностью взъерошила волосы молодому человеку.

Краска зарумянила ему щеки, и в глазах потух всякий интерес к игре. Изловчившись, он чмокнул красавицу в ладошку.

– Ах, уж эта молодость! – забрюзжал старик, вставая и охая. Партнеры отошли от доски.

– Прики, ты представляешь, дядюшка недавно сделал мне удивительный подарок, – защелкала Уди, увлекая молодого человека в соседнюю комнату и подводя к круглому сосуду, напоминающему аквариум. Внутри мерцал застывший рисунок из серебристых линий, звездочек и разноцветных рыбок.

Девушка взяла в руки хрустальный кувшинчик и наклонила над аквариумом. Густая тягучая лучистая капля упала в сосуд и остановилась в самом его центре.

Сначала ничего не происходило. Но вот шевельнулась первая полосочка, за ней вторая. К капле неспешно подплыла рыбка и, зацепив чуть-чуть хвостом, потянула за собой сверкающую нить. За ней последовала вторая, третья. Они лизали каплю хвостами, растаскивая ее по всему аквариуму. В какой-то момент внутри сосуда все смешалось и замутилось, стало мутным и непрозрачным. И вдруг откуда-то из глубины начала нарастать ослепительная вспышка света. Уже через мгновение все пространство комнаты, где находились молодые люди, было окутано мягким свечением. Этот свет был живым и почти осязаемым.

– Уди! Удача моя ненаглядная, – с внутренним трепетом, прошептал Приключение, – Что это за волшебство?

Глаза и все лицо девушки светились обворожительным внутренним сиянием, обнажая всю искренность её души, помыслов и чувств.

– Это сказка, Прики! Это чистейшая энергия начала-начала, это исток всего живого, – и девушка несмело взяла руку молодого человека. – Здесь мы рождаемся и умираем, здесь наши помыслы становятся явью, а их чистота видна как на ладони. Смотри, твои руки светятся нежно зеленым светом, а волосы – серебряные, как у старика.

Приключение бережно привлек к себе девушку и нежно коснулся розового перламутра любимых губ.

Лежа на траве, мы любовались небесными всполохами. Картина игры света и цвета на темном изумрудном бархате неба завораживала и погружала в небытие.

– В сиянии этого света ты чарующе красива, – шептал мне Макс, отводя в сторону упрямые кудряшки и покрывая лицо и шею легким бризом нежных прикосновений.

И от ощущения безграничного счастья, я тонула в омуте любимых глаз.

– Я люблю тебя, – шептали наши губы.

– Я люблю тебя, – стучали наши сердца.

Мы долго шли в паутине чужих дорог, мы долго делили себя со всем миром. Но сегодня наши дороги встретились и сплелись, как два любящих тела в вечном танце страсти...

Свет померк, возвращая все в привычное русло.

– Какая чудесная игрушка!

И Приключение с неохотой выпустил из своих объятий юную чаровницу.

– Эти звездные рыбки, правда, сказка? Только вся сложность, чем их кормить. Они должны поглощать переработанную энергию живых красок и эмоций, собранных под лучами настоящей звезды.

– Так вот почему ты так часто спускаешься в подлунный мир. Но здесь же в основном зеленые цвета?

– Ну, да зеленые, но зато их так много. И букашки, которые трудятся на сборах, делают это качественно и никого не убивают. Прики, я так боюсь зацепить энергию зла, зависти, смерти.

– Но полностью этих эмоций не избежать, ведь в подлунном все равно нарастает энергия страха. А если принести краски от других звезд? Или, например, эмоции, человеческие эмоции?

– Я этого не пробовала.

– Диво мое дивное, душа моя ненаглядная, – с улыбкой проворковал Лихое Приключение, заключая девушку в свои объятия и нежно целуя в юные ланиты. – Тогда нас ждут необыкновенные открытия.

– Ах, дорогой мой Чекион. Позволь представить тебе интересную историю, – властно-пренебрежительным голосом изрек сидящий напротив черта господин.

В его манерах, изысканной одежде и в вальяжном тоне разговора угадывался вельможа, давно насытившийся деньгами, господством и властью.

Беря в руки бокал красного вина и приглашающим жестом угощая гостя, вельможа продолжил.

– Начало этой истории зарождается в давние дремучие времена. Уж и не помню по чьей воле. Но Случай столкнул две галактики, двигавшиеся под углом друг к другу. О, мы с глубоким интересом наблюдали, как одна из них пожирала другую. Меньшая корчилась в агонии, теряла материю и массу, но все таки продолжала свой смертный путь.

Рок, так звали вельможу, сделал взмах рукой, и над столом в центре зала, где сидели мужчины, зажглось большое голографическое изображение тех событий.

Черный космос, расцвеченный неярким светом далеких звезд. И две галактики под углом врезающиеся друг в друга. Пламя чужих энергий, яркие взрывы от столкновения небесных тел, угасание старых звезд и зарождение новых. Галактики все больше втягивались в смертельное пространство, агонизируя и разрушаясь. Но в какой-то момент, преодолев точку апогея, они начали расходиться, продолжая каждая свой изначальный путь. Поблекшие и опустевшие, они расходились в пространстве как две армады – гордые и непобежденные. И только в хвосте их удаления две планеты неслись навстречу друг другу, не в силах изменить трагическую траекторию пути.

Обе планеты имели приблизительно одну массу. Волею того же случая, их столкновение больше напоминало столкновение двух мячей, чем галактический взрыв. Соприкоснувшаяся материя начала аннигилировать, при этом расходуя всю энергию на торможение. Самое парадоксальное то, что обе планеты имели схожие по составу атмосферы, которые не пострадали.

Еще одним чудом было то, что выровняв массы, процесс аннигиляции перешел в процесс прорастания планетарной материи. В центре новой планеты зародилось общее ядро, которое изнутри начало стирать энергетический барьер, возникший между двумя половинками, вызывая процесс объединения в одно целое.

Вот этот чудесный артефакт и обсуждали двое мужчин, удобно устроившись в центре зала у стола, отделанного черным мрамором с красными прожилками. Зал приема личных гостей. Рок, как хозяин, не скупился ни на слова, ни на угощения.

– Ах, Чекион, я думаю, здесь не обошлось без вмешательства высших сил.

– Но кому мог понадобиться столь колоритный симбиоз? И почему эти силы молчат сейчас?

– Я тоже часто задаю себе этот вопрос, но ответ сокрыт в далеком тумане времени. Думаю, что ключ к разгадке этой тайны должен где-то существовать. Не мог бы ты поискать его?

– О, да, мой господин, – не замедлил среагировать черт. Его и самого не на шутку заинтересовала услышанная история. – Ваша светлость, но мне потребуется доступ к аналойным архивам.

– Да-да, конечно, – вставая, произнес вельможа, тем самым заканчивая аудиенцию. – Но сначала поройтесь где-нибудь поближе.

– Царь-батюшка, беда, – и в ноги царя рухнул гонец из дальних поселений.

– Да ты встань, голубчик, и расскажи царю-батюшке все попорядочку, – свысока молвил генерал, отстраняясь чуть в сторону.

– Беда, батюшка, беда, – причитал гонец, – три деревни гады ползучие обескровили. Детки малые помирать начали. Бабы воем воют. А мужики, что только не делали, и табуном их топтали, и огнем жгли, а они все топают и топают. Помогите, царь-батюшка, не дай пропасть смертью лютою.

Царь погрустнел, внимательно слушая мужика.

– Да, генерал, видать пришло время военное, вот и работка подкатила нелегкая. Ехай-ка ты, Першил Самохвалович, и разберись на месте, что там за лихо навалилось. – Максимилиан призадумался, – Войско наше возьми для поддержки мужиков местных в их трудах праведных. Ты теперь там и власть, и заступник, и гонец царской воли. Так что не подведи, голубчик.

– Есть, ваше величество, – вытянулся в струнку генерал, и на лице его заиграла довольная улыбка.

– Да, и сабелькой-то не спеши махать, – наставительно проронил царь, – подумай сперва.

Но генерал уже спешил из дворца, утаскивая с собой гонца и раздавая по пути первые приказы.

– Да, как бы дров не наломал наш горе-войка, – вышел из-за трона Петрархиус.

– А что, не тебя же мне туда отправлять? Эту задачку тут решать надобно, и чем скорее, тем лучше будет. Что в книгах старинных написано?

– Да ничего там про это не сказано. И Чеки, и я уж всё твоё и не только твоё хранилище книг и записей кверху дном перевернули. А не было такого напастья раньше. Как будто кто-то там наверху, – и маг коротко кивнул вверх, – новую игрушку себе завел и теперь её на нас опробывает, выдюжим аль подохнем.

– Ну, ты тоже скажешь. Главное не горячись, Петруха. Покумекаем, поработаем, да и справимся, – попытался успокоить Макс друга. – А что там с горой-то окаянной, тоже не колется?

– А вот про гору я кое-чего отрыл. Стоит эта гора столько времен, сколько живет наш народ, только картинки на ней раньше никто не видывал. Стоит себе гладенькая, серенькая, не растет и не рушится. Как перст на равнине одна возвышается. Селений около горы отродясь не было. Бабки считают это место гиблым, чужим, заколдованным. Так что вот такие чудеса-то.

– Надо бы эту гору хорошенько облазить, может быть и приоткроется что-нибудь. Ты возьми с собой человек эдак десять-пятнадцать, ученых захвати, пусть потрудятся и головы поломают. Девушек наших тоже позови с собой, проветрятся и развлекутся, они у нас умные, может чего дельного и присоветуют. Я к вам иногда навещать стану, не все же время во дворце штаны просиживать. Да и интересно же все-таки.

– Макс, дружище, а может и царевну с собой прихватить, так за компанию? Ведь почитай весь двор скоро у горы окажется. Девка уже взрослая, на выданье, а ты все её от царских дел в сторонке держишь. Обидно же ей.

– Не сыпь мне соль на рану, Петруха. Вот выйдет замуж и будет царствовать, а сейчас не до нее.

– А когда до неё-то будет? – осмелился поставить вопрос ребром маг. – Ведь упустим момент, а потом беды не оберемся.

– Я сказал, не лезь в душу, – строго огрызнулся царь, – и без тебя тошно. А царевна пусть с мамками и няньками колупается. Не бабье это дело государством править. И хватит меня учить. Ступай лучше отряд снаряжать. Время не терпит.

И царь повелительным жестом отослал от себя Петрархиуса.

– Вот дьявол! – в сердцах воскликнул Чеки, стоя у окна своей лаборатории, – у-у-у! Тайны напустили, что сами не разберутся. Теперь и не знаешь к кому с докладом бежать. А Случай Иванович хитер, позволил мне таки медальончик украсть. И что в этой безделушке такого? Хотя, в его коллекции безделушек не бывает. Только пойдешь, найди его в этой неразберихи. И Рок тоже, планетку ему захотелось. Тут и не вооруженным глазом видно, что приглядывается господин, примеряется, как бы заграбастать себе то, что плохо лежит. Позабыли? А мы тут как тут, и нет планетки, и хозяин у неё другой. Порасспросить бы его с пристрастием, как он эту красавицу сокрыть-то хочет, чай не монетка, в карман не положишь. Вот хитер, бестия. – И Чеки от бессилия сжал кулаки.

Черту было над чем подумать. Жил себе не тужил, спинку лишней раз не гнул, а тут навалилось разом, и господ приумножилось, и горе-друзья нарисовались. И всем угождать надо, и чтоб не прознали, и не пронюхали. Лийку только жалко. Хорошая она баба. Да в такой переплет вляпалась. Хотя может и хорошо, что вляпалась. А Солоха из нее просто класс, хоть сам влюбляйся.

– Стоп, Чеки! Осади лошадей, – одернул себя черт. – Пораскинь умишком-то. Медальон в поднебесную попал. Рок ключик ищет. Макс загадку какую-то разгадать пытается. Лия из другого мира пришла. И меня на землю спустили. Неспроста это всё, ой, неспроста. Думай, черт, думай.

– О, Рок, ты как всегда красив и элегантен, – саркастически поприветствовал гостя Лихое Приключение.

– И мне неприятно тебя видеть, – с легким кивком головы, откликнулся Рокки, входя в гостиную старинного дома.

– Рад, рад видеть вас, молодой человек. Давненько вы к нам не заглядывали, – заспешил Случай Иванович, поднимаясь с кресла, крехтя и постанывая. – Мы уж тут и заскучали, и чайком побаловаться успели. И бог весь каких дел наворотить.

Продолжая ворковать, старик подошел к молодому человеку и по-отцовски тепло обнял его за плечи и шутливо добавил:

– Дайка, сынку, посмотреть на тебя, – шутливо запричитал старик, – який ты странный: и прическа, и наряд, кружева, ленточки, только бантиков не хватает. Мода! Да! То-то я смотрю моя Уди вся как кружевное облако по дому порхает, то на щечке родинку нарисует, то губки зеленой краской вымажет, смех да и только.

– А позвольте Вас спросить, – лукаво вклинился в разговор Лихое Приключенье, – что заставило такого домоседа покинуть уютное кресло и навестить нашу скучающую компанию?

– Любопытство, мой молодой недруг, и дела. Служебные. – Последнее слово Рок адресовал старику. Ставший мгновенно колючим и жестким взгляд, подсказал Случаю Ивановичу, что предстоит весьма не праздная беседа.

– Как хорошо быть старым и мудрым, о тебе хоть изредка вспоминают и забегают для частных бесед, – и старик жестом пригласил Рока в рабочий кабинет. – Прикки, душечка, не сочти за грубость наше быстрое уединение. Будет время, забегай. Жду-с, – многозначительно кивнул старик и плотно прикрыл дверь.

– Эти две неопределенности вообразили себя богами.

В черном пространстве материализовалась сфера, внутри которой отражалось все, что происходило в игровой комнате.

– Они смешны и предсказуемы, – фыркнула темная масса, небрежно оттолкнув от себя сферу.

– Нужен фактор нестабильности. – Полоснул пространство красный луч.

– Да-да? Что-нибудь интересенькое? – засеребрились белые искорки, концентрируясь в снежный ком и растекаясь белой серебристой пленкой.

– Теория предсказуемых вариантов, – лениво изрекла темная масса, готовясь схлопнуть неперспективный флюид.

– Если две сингулярности образуют третью, то фактор нестабильности может инсценировать парадокс, – зашелестели искорки, облепляя сферу со всех сторон и как бы прокалывая внутреннее пространство своими лучиками.

– Как-то беспокожно мне, Случай Иванович, что-то здесь волнительно.

Так и не найдя места, где присесть Прикки склонился над шахматной доской. Несмело нацеливаясь то на одну фигуры, то на другую, он так и не решился сделать ход.

– Мы можем ненадолго отложить, – вольжно изрек Случай Иванович, сделав неопределенный пренебрежительный жест. – Скажем, небольшой тайм аут.

Откинувшись в кресле и надув нижнюю губу, он высокомерно окинул взглядом своего соперника.

Лихое Приключение, как отпущенная стрела, резко отступил от доски, развел руки и натянуто рассмеялся.

– Да, Случай Иванович, Вы опасный и хитрый соперник, Вас нельзя недооценивать.

Приключение повернулся к столику, где стояли фрукты. Выбрал ярко оранжевую ягоду и отправил себе в рот. На миг застыл, чуть прикрыв глаза и наслаждаясь экзотическим вкусом спелого сока.

– Думаю, парой шагов мы все-таки обменяемся, – напомнил о себе неугомонный старик.

– О, да! О, да! – лаконично парировал Прикки, возвращаясь к игре.

Все скрипело и шумело вокруг, сдерживая натиск разбушевавшейся стихии. Ночь. Порывы ветра переворачивали телеги, разметывали стога и клонили к земле могучие деревья.

Яркие вспышки молний не приносили ни грома, ни дождя, ни облегчения.

Все было наэлектризовано до предела и готово вспыхнуть всеразрушающим и поглощающим пламенем непонимания и вражды.

Макс метался по своему замку, как запертая в клетке птица. Злость и бессилие душили его, накатывая волнами удушья, заставляли страдать, то ставя на колени, то гоня в неуправляемое безумие. Все пряталось по своим коморкам и закуточкам, стараясь не

попадаться ему на глаза. И только стройный ритм повседневной военной службы привносил некую стабильность и эйфорию безмятежности.

Волей случая в этот лихой день я оказалась в замке и бесцельно бродила по его закоулкам, коридорам и тайным комнатам. Меня никто не окликал и не останавливал. Предоставленная сама себе я неспешно переходила из одной комнаты в другую, лишь изредка вздрагивая от близкого окрика или резкого стука. В одной из комнат я случайно наткнулась на принцессу. Она маленьким испуганным зверьком втиснулась в большое старое кресло и, свернувшись калачиком, пыталась отрешиться от действительности.

– Азалия, душа моя, – тихонько позвала девушку.

Круглые от испуга глаза и стучащие зубы с лихвой выдавали внутреннее состояние принцессы.

– Девочка моя, что с тобой? Что здесь происходит? Куда все попрятались? И почему ты одна? Где твои мамки и няньки?

Задавая эти вопросы, я тихонько поглаживала ее по плечу и видела, как более осозанным стал взгляд, и страх чуть сместился в уголки глаз. С трудом выманив ее из укрытия, я предложила вместе поискать тихую комнату, где можно было бы попить чайку и согреться у камина. Так мы продолжили наше путешествие вместе. Принцесса значительно лучше меня ориентировалась во всех лабиринтах этого замка, поэтому очень скоро мы оказались в небольшой восьмиугольной зале со сводчатым потолком. В центре размещался открытый камин – кострище, где к удивлению горел небольшой огонь. И как только мы закрыли за собой дверь, в зале воцарилась мягкая тишина.

Усадив принцессу на диван и оперевшись на женскую смекалку и интуицию, я быстренько сварганила ароматный напиток.

– Да, лихо закрутила непогода, – задумчиво проронила я себе под нос, потягивая обжигающий чай.

– Я такого никогда в жизни не видела, – отозвалась принцесса, зябко поёживая плечиками.

– Не бойсь, прорвемся.

Глазки принцессы все сильнее слипались, поэтому уложив её и прикрыв теплым пледом, я села рядышком и призадумалась.

А подумать было о чем, да и оглядеться по сторонам тоже.

Очень необычная комната, здесь все дышало глубокой стариной, колдовством и мистикой. Стены, сложенные из грубого камня, целая стена со скляночками, баночками и фантастическими предметами. Стол, подвешенный на цепях. Стеллаж с книгами и фолиантами. Обходя комнату по кругу, я вскользь старалась коснуться привлечших мое внимание предметов. Какие-то были теплыми, какие-то холодными и даже ледяными, некоторые жалили, и рука непроизвольно отдергивалась, а были и такие, которые хотелось трогать, гладить или просто взять в руки.

И тут моё внимание привлекла подставка, на которой лежала раскрытая книга. Громко чихнув от накопившейся на страницах пыли, я уткнулась в её страницы. О, диво! Они были пустыми. «Избушка, избушка, повернись к лесу задом...» – вспомнила я притчу из русской сказки и, не задумываясь, ляпнула.

– Книжка, книжка, прояви сокровище, – и легонько подула, пылинки весело закружились над страничками и ... Они остались пусты.

Разочарованно, я шмыгнула носом и, готовая отвернуться, еще раз громко чихнула.

– Будь здорова! – засеребрилась надпись на листе.

– Спасибо! – мошенально ответив, я обалдело уставилась в книгу. А там было чем полюбоваться. Из серебристых пылинок складывались узоры, рассыпались и снова складывались в слова.

– И много в тебе знаний сокрыто? – задала я очередной глупый вопрос. Книга пренебрежительно фыркнула роем пылинок.

– А если тебя закрыть, – не унималась я, – ты хамить перестанешь?

– И уйдешь ты без ответа не солоно нахлебавшись, – парировала книга.

Прикусив губу и сощутив глазки, я зло посмотрела на несговорчивую собеседницу. И тут в мою голову настойчиво постучалась еще одна знаменитая фраза.

– Свет мой, книжечка, скажи, да всю правду расскажи, что за буря за окошком, разыгралась во ржи?

– Ответ ищи через Медальон Силы, – золотом засияла фраза на всю станицу. Засияла и вмиг рассыпалась в серую пыль.

– Вот тебе на, – почесала я затылок, – одна загадка круче другой. И что дальше? И что теперь делать?

Но книга молчала.

– Ладно, и на том спасибо, – обиженно буркнула я, отходя в сторону.

С порывом ветра и шума в зал ворвался Макс.

– Что ты тут делаешь? – громогласно возвестил он о своем прибытии.

– Тише, Азалия спит, – шикнула я. – Между прочим, как ты на счет горяченького чайку?

Пометавшись по залу, он придвинул к огню старый стул черного дерева, сел и, отхлебнув глоток обжигающего терпкого чая, уставился на огонь.

– Я так давно здесь не был, что почти забыл о существовании этого зала, – задумчиво произнес он, – этот зал находится в башне. И мой дед еще говорил, что башня уже стояла, когда здесь был другой город. И когда он умер и стал песком, и когда вырос наш город... Здесь ничего не меняется. И даже Петрархиус не смог открыть тайну этого зала, поэтому его лаборатория там, – и Макс махнул рукой в неопределенную сторону. – А как вас сюда занесло? – опомнился он.

– Мы искали тишины, а здесь неслышно бури и огонь горит, – оправдывалась я.

– Сколько себя помню, здесь всегда горит огонь, – буркнул Макс.

Иголочка любопытства тут же заставила меня более пристально взглянуть на пламя. Что-то оно мне напоминало, такое родное и близкое, постоянный огонь, без дыма и без дров... – Откуда здесь газ? Кто и как это сделал?

Я было открыла рот, но Макс перебил.

– Вы долго тут не задерживайтесь, о башне ходит дурная слава неразгаданных тайн.

– Поднявшись, он вышел из зала, так и оставив меня стоять со своим незадачными вопросам, готовым уже сорваться с кончика языка.

Дурак, кто же женщине говорит о тайном, да еще любопытном? Она же теперь ночами спать не будет, пока не удовлетворит свою жажду непознанного.

– Да, скоро он нас не дождется, – молвила я, более внимательно оглядываясь по сторонам.

Генерал во главе небольшого войска прибыл в злополучную деревню. Его взору предстала плачевная картина недавних событий: безликая улица со странными домишками, неровными заборами, бесцветной растительностью и болявой скотиной.

– Что ж за гады здесь бесчинствовали? – в сердцах вырвалось у него. — Расквартировываемся ребята. Местным помогаем чем можем, не баловать тут, – строгим голосом наказал он и добавил, обращаясь к адъютанту, – старосту ко мне.

– Ну, что хорошего скажешь, Потапыч? – задал свой вопрос генерал, – ты сделал, что я просил?

Лысый круглый мужиченка просочился в дверь и подобострастно замер у притолоки.

– Все сделали, Першил Самохвалович, все в лучшем виде изготовили, – запричитал он, – у Леськи все погребя перетрясли, но достали.

Лысина его взмокла, и он нервно отер ее рукой.

– Да ты проходи, садись, чего дверь-то подпирать, – на правах хозяина пробасил генерал. – Расскажи-ка лучше, что здесь было и как?

– Так ведь набежали, налетели ироды окоянные, – заторопился староста, – видимо не видимо. Мы их и топтали, и огненные шары из просмоленной соломы на них пускали, как вы приказывали. А они в огонь прут и с прямой не сворачивают. Идут и так зловеще ножками топают, да звуки скрипучие издают, что мороз по коже, и страх душу леденит. Кто живой на их пути встретится, облепляют всего и живьем грызут. Скотинку, что на пути попалась, до костей обглодали. У детишек, кого покусали, жар, да руки ноги пораспухли. Бабы воют, мужики за топоры хватаются. Да только, что с топорами против муравьев сделаешь? – горько закончил староста.

Мужики помолчали.

– Ладно, Потапыч, некогда раскисать. Когда они, думаешь, снова попрут?

– Да кто ж его знает, господин генерал. Я, правда, по всем ближайшим деревням мальцов разослал. Как что начнется, гонец тут же прискачет.

– Это ты правильно сделал, хвалю!

Староста при этих словах приосанился.

– А сейчас, думаю, надо собрать моих ребят да обсудить с ними дела ратные. Не сочти за труд, Потапыч, крикни мне моего адъютанта, он небось на крыльце зубоскалит. Да и сам через часок подходи в трактир у Бабылихи, там и потолкуем.

Через час в трактире некуда было яблоку упасть, так что разносчики еле протискивались со своей снедью. Настроение, правда, у людей было мрачное, и разговоры велись вполголоса, создавая общий тревожный фон. Но вошел генерал, и все вокруг стихло. Тяжело опустившись на скамью, Першил Самохвалыч неспешно обвел всех присутствующих цепким взглядом и, тяжело вздохнув, начал:

– Воины мои, видели, что ворог страшный с деревней, людьми и детишками нашими сделал? – народ загудел, а генерал еще раз посмотрел сурово. Гул быстро стих, и он продолжил. – Царь-батюшка отправил нас на передовой рубеж, зная на кого может положиться. А мы должны это войско букашечье остановить! – и генерал сделал значительную паузу.

– Да как же его остановишь?

– Мужики их и рубили, и топтали, и огнем жгли, а толку...

– А кусаются-то ведь как?

Гул сначала нарастал нестройным рядом голосов, а потом резко стих. И все устремили взгляд на генерала.

– Вот что, ребятки! Завтра начнем готовить ловушки для этих гадов ползучих. Это-то как раз самое несложное. Но вот что нам особенно важно сделать, так это найти тех, кто ими управляет. Кто силой заговора или колдовства делает этих-то в общем безобидных букашек злобными убийцами. А что бы самих нас в кукол не превратили. Просил я для каждого ладонку-оберег изготовить. Завтра с утра на поверке раздам. И еще, по одному даже в туалет ходить не советую. Если кого и накроют, второй поможет, выручит. Так что война, мужики, и это дело не шуточное. Да и противник у нас с вами коварный и невиданный. Но это пока. А сейчас всем отдыхать. Еремеич, а ты со своими задержишься, обсудить надо.

Народ зашевелился и потихоньку потянулся к выходу, негромко обсуждая и перебраниваясь. Скоро трактир опустел, и Еремеич со своими людьми смог пересечь к столу генерала.

– Ну, что дельного скажешь, Еремеич?

Плотно сложенный невысокий мужичек с острым и умным взглядом, спокойно посмотрел на своего командира.

– А что тут скажешь, господин генерал? Все твердят одно и то же. Ползет это странное черное полчище, а сверху поливает их белый луч, а высоко в небе парит треугольник, и гул какой-то сверху доносится.

– Я тебе дам одного старика-отшельника, – перебил генерал, – он для местных целительство занимается. Травками, настойками разными, но это так баловство. Знает он, говорят, и другое: и как силами управлять, и как в пустоту заглянуть, и как сделать видимым то, что за колдовством прячется. Ты завтра наведайся к нему, что и как объясни. Да ты и сам все знаешь. Вот тебе в провожатые пацаненок, он сын лесничего, так что все тропы в лесу ведает, ответит. По утру раненько и выступайте, дюже помощь мне его нужна будет.

– Есть, господин генерал, – спокойно сказал Еремеич. Встал, сделал знак своим, и они с достоинством, не проронив ни одного слова, покинули трактир.

Завтрашний день деревня встретила множеством голосов и топотом торопливых ног. Каждый получал у взводного оберег, а помимо и задание: что сделать и куда принести, где взять необходимые инструменты или другие материалы. Человеческий муравейник споро и целеустремленно делал спешные приготовления.

А в это время в баньке на окраине два ученых мужа ссыпали в большой чан меры молотых трав. Они собирались сварить отвар, рецепт которого, держался в строжайшей тайне. У входа даже были приставлены два охранника для отпугивания особо любопытствующих. А их вскорости набралось немало, да и с каждым часом все прибывало и прибывало.

В то же время воины с помощью крестьян накатали войлочных шаров, плотно увязали их соломой, приторочили к ним длинные веревки. И по мере готовности складывали на большие телеги для быстрой перевозки к месту будущих событий. Кроме этого, собрали пару десятков деревянных корыт, ведер, закачали с пяток бочек воды и все это добро также погрузили на телеги, образуя мобильный обоз.

Между тем все потихоньку начали принюхиваться. От баньки то пряным запахом повеет, то горьковатым, а то таким ароматом накроет, что перестаешь понимать, где и зачем находишься.

Ученый муж с устатку и упрелости как-то выскочил из баньки свежего воздуха глотнуть, глянул на толпу вокруг бани и ахнул.

– Видать непростой рецепт царь-батюшка подкинул, – с опаской оглядел он на толпу, – так и букашки, глядишь, в одном месте собирутся, и указ им будет не указ. Тут-то мы их и жахнем.

И он торопливо нырнул обратно в баньку. Немного погодя к бане подвезли хорошо просмоленную бочку, перелили в нее содержимое котла и, тщательно укупорив, построили в общий порядок телег. Охранников при этом все же оставили, так сказать, от греха подальше. Скоро и народ вокруг баньки в себя приходиться стал и потихоньку разбредаться, только все удивлялся как это их и зачем на край деревни понесло.

Несколько дней томительного ожидания не были освещены сколь-нибудь яркими событиями. Вернулся Еремеич со своими людьми. О чем-то долго толковал с генералом и на рассвете опять исчез. Деревенька же при наплыве стольких мужицких свободных рук быстро поправлялась да прихорашивалась. Стучали топоры, повизгивали пилы, да и девичий смех то там, то сям вспыхивал звенящим колокольчиком.

В этой суматохе обыденных дел не сразу заметили пацаненка, скачущего на взмыленной лошади. А заметили и в крик.

– Началось, батюшка-генерал!

– Скачет!

– И откуда ж, родимый?

А генерал уже посыльного на руки принимал.

– Бабашиха... Там... Они... – задыхался малец.

– Это недалеко, господин генерал, – уточнил подоспевший староста, – если напрямки, то минут за тридцать телеги дотащим.

– По коням! – эхом прокатился по деревне зычный приказ, – всем по местам. Трогаем!

– Ну, с богом! Потапыч, показывай дорогу!

И генерал, лихо вскочив на гнедого коня, тронул поводья. Уже подъезжая к деревне, быстро определили место, куда стянуть все телеги. Выгрузили корыта и подтянули заветную бочку с зельем. Ученый муж вынул из-за пазухи золотой флакон, который под большим секретом перед самым отъездом вручил ему царь и велел золотистую жидкость в чан вылить. Вода вся вскипела, выплескивая наружу одуряющий аромат.

И дальше все завертелось, закрутилось в безумном хороводе сумасшедшего танца. Конные макали в бочку шары и, поместив их в притороченные к седлам ведра, скакали к надвигающейся на деревню черной лавине. Бросив перед первыми рядами шары на землю, они обратно неслись к корытам, оставляя на земле пахучий след.

Букашки накатывали на деревню неудержимой волной, топя и клацая жвалами, не сворачивая и не останавливаясь. Всадники как осы кружили между фронтом волны и корытами, расставленными чуть в низинке и заполненными все тем же отваром.

– Что же это, генерал? Не уш-то не работает?

– Да что мы как нечисти от ворога сторонимся? Топтать их!

– Сожрут деревню-то, гляди жуть-то какая!

Генерал выехал на край деревни и осадил коня как раз на пути надвигающейся черной массы. Зычным бесстрашным голосом он раздавал приказы и четко управлял необычной баталией. И все чаще воины вставали за его спину, образуя живой человеческий заслон перед надвигающейся лавиной.

И вдруг, в какой-то миг всем показалось, что люди и насекомые сейчас схлестнутся в последней смертельной схватке. Даже воздух застыл на высокой ноте, обрушив все в гробовую тишину. И в этот миг муравьиное войско дрогнуло и покатило, обгоняя друг друга и затаптывая по душистому следу невидимой дороги. Как живая кипящая масса, она опрокинулась в чрево корыт, утопая и выплескиваясь. И в это время вспыхнул и замкнулся огненный круг, поглощая в своем чреве все живое и неживое.

Ни кто и не заметил, как на пригорке у самой деревни остались стоять друг против друга белый сияющий луч и генерал, до боли вцепившийся в поводья своего боевого друга. Луч как живой дрогнул и начал свое неудержимое движение навстречу. В глазах генерала все потемнело, закружилось, возникло жуткое ощущение, что душа покинула свою обитель. Миг, и мрак сменился неярким светом. И в этом неясном мареве на генерала снизошел образ очень красивой женщины с нежными правильными чертами лица. Она внимательно рассматривала изумрудный шарик. И ее тонкие брови сходились к переносице. За ней неявно угадывался образ мужчины, от которого исходила такая сила, что генеральская душа съезжилась и постаралась сделаться маленькой и незаметной.

А в темной пещере одетый в белые одежды колдун из последних сил раскручивал посохом леденеющий на глазах омут. Пот застил глаза, ноги подкашивались. Не удержавшись, Еремеич схватился за посох.

– Крути, – теряя сознание, прохрипел колдун, – иначе не вытянем...

Уди с тревогой разглядывала энергетическую каплю, доставленную из последней экспедиции. Ее настораживали чужеродные вкрапления, и она все медлила.

– О ты делаешь прогресс, очаровательная Уди, – сказал Рок, бесшумно нарисовавшись за спиной девушки. – В твоей капельке энергий начали появляться человеческие эмоции.

Обойдя девушку, он бережно взял из ее рук сосуд, поднес к глазам и начал внимательно изучать.

– Да здесь и тщеславие, и гордыня, и удивление, и испуг. Владелец столь колоритного букета эмоций явно претендует на роль властителя. Да вот беда! В подлунной все троны заняты. Хотя чем черт не шутит, принцессы-то свободны.

– Ты заинтриговал меня, Роки, – холодно проговорила красавица, тщательно скрывая свои страхи. – И что, обладатель этих эмоций – человек? И он стремится к власти? А как ты это видишь?

– О, моя любознательная Уди! Давай перейдем от вопросов к действию, и тогда ты все поймешь.

Благородное лицо Рока сияло обворожительно загадочной улыбкой. Опрокинув сосуд над аквариумом, он погрузил каплю в лоно звездных рыб. Легкое смещение в начале быстро переросло в вихрь живых страстей. Черные и красные всполохи как живые чудовища обвивались вокруг Удачи, заставляя ее вздрагивать и непроизвольно ежиться.

– Роки, мне страшно, – вся дрожа, отступила назад красавица даже не осознавая, что оказалась в сильных объятиях, стоявшего позади нее мужчины.

– Но посмотри, какой удивительный накал страстей, – зашептал он на ушко.

– Смерть! – вскрикнула Уди.

– Забвение, – эхом отозвался Рок.

– Любовь?

– Вожделение.

– Но это же – страсть?

– Гордыня.

– А это что?

– Власть или лучше сказать, стремление к власти.

– О, Рок, ты злой! – воскликнула девушка, когда вся феерия света закончилась.

С улыбкой мужчина сделал небольшой поклон, целуя кончики пальцев красавицы.

– Милая Удача, ты так чиста и наивна. Но мир это не только изумрудные краски. А, если честно, тебе же понравилось, душа моя? Какой накал, какая новизна!

Девушка выдернула руку и резко отвернулась.

– Ты, как всегда, стремишься уколоть меня.

– Да что ты, девочка моя, я только пытаюсь расширить твои горизонты и подарить твоему миру другие краски.

– Черные?

– А ты видела белые? – вопросом на вопрос ответил мужчина.

– Нет.

– Тогда я думаю, ты не откажешься от моего подарка и перестанешь использовать военную технику для детских игр.

Как фокусник он извлек из коробки черный комочек и посадил к себе на руку. Черный зверек с крылышками, нос пяточком, чуть вздернутым кверху, острые зубки, ушки торчком и черные бусинки глаз, не мигая воззрились на девушку.

– Фу, что это за уродец?

– Не спеши, прекрасная Уди, этого зверька зовут Гарги. У людей считается, что он отгоняет злые силы. А еще, и это главное, он умеет собирать энергию для твоих звездных рыбок.

На лице девушки отразился интерес.

– Гарги питаются эмоциями всего живого – животными, растениями, людей. Так что почаще выпускай его в подлунный.

– А что еще он любит?

– Молоко, обыкновенное молоко, которым ты любишь побаловаться по утрам, только не переусердствуй, для Гарги – это как вино.

Девушка плеснула в мисочку немного молока и поставила на стол. Зверек быстро сделал большой глоток, а потом замер над мисочкой и только изредка опускал язык, чтобы лакнуть белое удовольствие. Скоро его окрас стал молочно-дымчатым, а осоловелые глазки продолжали буравить мисочку с молоком. Уди нежно почесала зверька между торчащих ушек. Гарги поднял на нее маслянистые глазки и развел ушки в стороны, он сразу стал напоминать влюбленного щенка.

– Какой он забавный, Роки, – с улыбкой произнесла девушка.

– Только помни, у него острые зубки.

– А как же белая краска? – напомнила Уди.

– Кажется, я вызвал в твоём сердце интерес? Что ж, смотри. Гарги, аршо!

Зверек не шевелясь перевел на него взгляд, потом неспешно вернул его на Уди, продолжая наслаждаться ее прикосновениями. Потом он поднял заднюю лапку, пару раз чесанул коготками бочок и оттопырил ее в сторону. В лапке поблескивал перламутровый белый шарик. Рок быстро подставил кувшин, и капля чистой белой энергии запела в силовом поле сосуда.

Генерал очнулся от странного забытья. Чудный сон, как наваждение продолжал стоять перед глазами. Красивый мужчина и безумно красивая женщина, они о чем-то говорили очень важном и нужном, но он не помнил. Последней мыслью его был луч от небесной косынки, накрывающий все вокруг. А в голове как набат звучали слова этого красавицы: «А принцесса-то свободна!»

– Дурак, я дурак, – закричал Самохвалыч, тяжело поднимаясь с земли, – и куда только мои глаза смотрели?

От слабости голова закружилась, и генералу пришлось опереться на ближайшее дерево.

– Скоро песок начнет сыпаться, а я все в войнушку играю, да по бабам непотребным шляюсь. А не пора ли тебе, мужик, семьей обзавестись, – задал сам себе вопрос генерал, – да и принцесса с тобой одной думкой пышет, а это ой как сблизжает.

И отломав себе большой сук для посоха, он неспешно побрел к деревне, мелькающей чуть в дали.

Рассвет следующего дня встретил нас на полпути к той самой кино-скале, о которой я уже так много чего наслышана, но еще так и не увидела. Надо отметить, что любопытство самый эффективный погонщик.

У скалы нас собралась вполне солидная компания: ученые, люд из военных, трое из сподвижников царя со своей челядью, Петрархиус и мы с Максом. Все расположились небольшим лагерем на опушке леса недалеко от местной достопримечательности.

А скала действительно отличалась от всей окружающей местности. Серая глыба, правильной конической формы одиноко высилась посреди лесистой равнины. За чашечкой чая, я внимательно присматривалась к знаменитой соседке. Ни что в ней не выдавало рукотворного творения, да и законы природы мало чем объясняли, как посередине равнины смогла вырасти столь правильная гора. До заката было еще часа два, и мы решили поближе познакомиться с объемным экраном нашего природного зрелища.

Россыпь некрупных камней отделяла гору от кромки растительности. Ни мелкий кустарник, ни мох не посягали на эту серую громадину, острым конусом уходившую в небо. На ощупь эта скала тоже была обыкновенная, и при соприкосновении с ней ни пятые, ни шестые чувства себя не проявляли. Проследовав вдоль скалы, мы увидели начало говорливого родничка, бьющего из земли. А дальше, сколько хватало взгляда,

картина была весьма однообразна, голенькая скала, россыпь камней метров двадцать и буйная невысокая местная растительность.

Полюбовавшись на однообразие, мы решили вернуться в лагерь и подождать вечернего сеанса. Первые закатные лучи тронули вершину конуса, и на скале начало проявляться изображение. Мы внимательно просмотрели фильм и продолжали хранить молчание, даже когда угас последний луч, углубившись в собственные впечатления.

– Господа, чайку?

– А почему бы и нет, – сказал Петрархиус, вставая и разминая ноги.

– У нас будет возможность полюбоваться этим зрелищем и не один день, – пробурчал Макс.

– Ваше величество, а зрелище-то воистину интересное, – подал голос молодой ученый, – все началось на вершине горы, заметили? А вот интересно изображение возникает по всей горе или только на этом склоне? А еще...

И обсуждение, подкрепленное горячим чайком, потело своим руслом. Надо отметить, что и народ здесь собрался любознательный и знающий, и нервишками покрепче. Разжившись кружечкой ароматного чая и укутавшись в дорожный плед, я притулилась чуть в сторонке, чутко обсматывая увиденное и услышанное.

– Да любопытное послание, – пробасил пожилой ученый, – тут без колдовства явно не обошлось. Да и таких треугольных существ, что огнем плюются, я что-то в жизни не видывал. Чудно и непонятно.

– Это самолеты, – не ко времени вставила я, – военные самолеты. И управляют ими такие же как мы живые существа.

Все обсуждения разом стихли, и взгляды обратились ко мне, требуя продолжения.

– В моем мире такие машины называют самолетами, то есть машины, которые летают. И управляют ими летчики. Военные самолеты это очень грозное оружие, они летают очень высоко, так высоко, что мы их с земли просто не видим. Их запас вооружения обычно такой, что мама не горюй, – мой монолог проистекал в абсолютной тишине, разбавляемый стрекотом цикад. И меня, конечно, понесло, – а вот что точно любопытно, так это само изображение. Оно цветное и объемное. Но при этом статичное. А движение достигается за счет опускания луча света на плоскость скалы. Это какими же техническими знаниями надо обладать? Кто были те, кто оставил кино на скале, и зачем, хотя это, наверное, понятно. Похоже на послание потомкам, переправленное через века.

– Ну, хватит, – резко перебил меня Макс, – мы все устали и нам пора отдохнуть.

Все разом загомонили, встали и начали расползаться, что-то жарко обсуждая.

Макс тяжело и пристально смотрел на меня. Потом глубоко вздохнул и произнес.

– Вы меня удивили, сударыня.

Я уже размечталась возгордиться своими знаниями, но меня грубо осадил.

– Ваши неуместные фантазии только мешают общему делу, так что постарайтесь их хранить при себе. – И уже отворачиваясь, добавил, – в женской головке уместнее жить другим мыслям, чем этой научной чепухе.

– Но я не фантазировала. И какие такие уж мысли должны быть в моей голове?

Мое негодующее восклицание улетело в пустоту, а я еще долго сидела у костра, ворочая угольки и сглатывая обидный комок слез, подступивший к горлу.

Наутро я предпочла держаться от всех в стороне, стараясь отдалиться своим мыслям и желаниям. Но это продолжалось недолго.

– Меня зовут Элим. Сударыня, мне вчера понравились ваши смелые мысли. Можно я кое-что уточню?

Молодой ученый оказался въедливым собеседником, не оставляющий без внимания ни мелких деталей, ни подробностей.

Отвечая на его вопросы, я удивилась, сколько же разной информации хранится в моей маленькой империи памяти.

– Откуда вам все это известно? – с неким подозрением уточнял Элим. – Где вы почерпнули столько информации?

– Я много путешествовала, прежде чем осесть в Изумрудной, и встречалась со многими мудрецами и хранителями своего мира, – схитрила я, уходя от прямого ответа.

– Если в других землях есть такие знания, – подытожил Элим, – то наш враг куда более серьезный, чем мы предполагаем.

Такого поворота мыслей я и не предполагала, поэтому скоренько прикусила свой болтливый язычок. Может Макс и прав, предлагая мне немножко помолчать, постучалась запоздалая мысль?

Уже к полудню мы бойко исследовали скалу, совместно проверяя родившиеся гипотезы.

После обеда Макс попытался еще разок меня уколоть, но я отмахнулась от его претензий как от назойливых мух, и с увлечением погрузилась в исследования.

Наша с Элимом группа заметно подросла, а присоединение к ней Петрархиуса была воспринята как маленькая победа.

За ужином в научных дебатах столкнулись две коалиции во главе с Элимом и во главе со старым ученым Гуан-до Бегом.

Элим с воодушевлением представлял идеи, находки и доказательства. Гуан-до Бег, наоборот, кивал, внимательно слушал и при желании, двумя тремя замечаниями мог разбить любую стройную теорию своего оппонента. От представления своих выводов старый ученый пока воздерживался, сетуя на недостаточность изученности проблемы.

Макс, Петрархиус и я сидели чуть в стороне, изображая из себя третейский суд. Мы с удовольствием слушали точки зрения разных сторон. С чем-то соглашались, а что-то отвергали.

Петрархиус шутливым словом или колким замечанием умело управлял научным спором, не вызывая агрессии ни с одной ни с другой стороны. Он как бы по крупинкам выуживал из всех кусочки огромной мозаики, складывающейся в его сознании.

Я же, попивая горячий эль, хранила ненавязчивое молчание. В очередной раз, раскрывая для себя разноликость человеческого восприятия одних и тех же событий.

Макс несколько раз хмуро посматривал в мою сторону, но в разговор не втягивал.

– Ну и ладно с ним, – решила я для себя, сладко засыпая в этот вечер под шелест ветра.

Приезд шумной компании во главе с Чеки, внес кардинальные изменения в нашу загнивающую действительность.

Умелый организатор и балагур, он быстренько организовал штаб боевых действий во главе с царем-батюшкой, заставив все стороны научного прогресса работать результативно и слаженно.

Петрархиус просто ожил, получив в его лице мощную поддержку, благодарного слушателя и достойного собеседника.

А вот Макса черт не то чтобы поддержал, а просто убил своим откровением.

– Ваше высочество, и кто вас попутал связываться с женщиной? Это же уникальное творение небес с горьким привкусом исчадия ада. Ее маленькие мозги – это такое бездонное хранилище мудрых безделушек, что там вполне можно заблудиться и сгинуть во цвете лет. Хотя, если подойти с умом и вниманием, задавая стройные наводящие вопросы, можно наткнуться на такую кладезь ответов с подробностями и деталями, что большая энциклопедия знаний может отдыхать и не париться. – Проходя мимо царя, Чеки дружески похлопал его по плечу. – Так что, Макс, люби ее такой, какая она есть. Иначе женское настроение нас захлестнет, утопит, обвинит и выплюнет для обтекания. Проходили, знаем и тебе не советуем.

Меня же Чеки просто облагоденствовал маленькими подарками. И в том числе, дивное манто, подбитое мехом и с пушистым желтым воротником, уютно улеглось на мои хрупкие плечики, эффектно подчеркивая синий цвет глаз и бронзовый отлив волос.

Почувствовав себя защищенной и неотразимой, я тут же состроила Максу наивные глазки и растянула много обещающую улыбку. При этом, пару раз хлопнув ресничками, гордо проследовала к походной кухне, где лично для меня уже заваривали ароматный местный кофе, заботливо привезенный Чеки.

Мужчины проводили меня долгим задумчивым взглядом.

– Да, рыжие ангелы хоть и управляемы, но не в моем вкусе, – быстренько ретировал черт.

А Макс еще долго сидел, причесывая свои разбегающиеся чувства и эмоции.

Вот уже несколько дней мы активно изучали гору. Попытались карабкаться, только все бестолку. Гора не спешила раскрыть нам свою тайну. Зато вечерами, собравшись у костров, мы вволю могли пофантазировать, высказывая разные предположения и гипотезы.

– Надо бы завтра вдоль основания гору обойти, – склонился ко мне Элим.

– И ты думаешь, мы за день успеем?

– А мы давай запасов дня на два возьмем.

Я посмотрела в сторону Макса. Недовольная гримаса и желваки подсказали мне, что за нами внимательно наблюдают.

– Идея пройти вдоль основания горы неплоха, молодой человек, но думаю, это поход не одного дня, так что надо будет тщательно подготовиться.

– Нет, вы просто не понимаете, – горячо зашептал он, – если мы что-нибудь найдем...

– А если на нас нападут? А если мы провалимся в трещину или попадем под обвал? Кто нам поможет? – так же шепотом возразила я. – А идея в целом неплоха. Давайте обсудим ее завтра.

И я встала с места, направляясь к Максиму.

– И о чем же вы так мило ворковали?

– Да все о том же, – попыталась я пошутить.

Макс взял мою руку и сильно сжал её.

– Макс, мне больно! Что с тобой? Мы обсуждали маршрут на завтрашний день.

– И часто вы с ним ходите?

– А ты решил приревновать? И отпусти мою руку, мне действительно больно.

Макс нехотя выпустил мою ладонь. Медленно я начала её растирать и, закусив до боли нижнюю губу, пыталась удержать наворачивающиеся слезы.

Что случилось? Почему Макс так изменился? Откуда эта нелепая ревность? Мысли путались в голове.

– Пойдем спать, утро вечера мудренее, – сказала я, отворачиваясь. – А этот молодой человек интересную мысль предложил.

Глаза царя злобно блеснули. А я пошла к себе в палатку, не произнеся больше не слова, пусть дуется.

– Я хочу, чтобы все знали, а ты помнила, ты моя женщина, только моя! – остановил меня негромкий, но властный голос.

– И золотая клетка с мягким перезвоном наглухо закрылась. Макс, дорогой, мы всего лишь обсуждали рабочие моменты. Поверь, никто ко мне в любовники даже не набивается.

– Что значит даже? По какому праву он с тобой вообще разговаривает?

– Потому, что я как и все – член экспедиции. И мне, как и всем, интересна эта гора, и ко мне иногда, между прочим, приходят весьма недурные мысли, и я с большим удовольствием обсуждаю их с друзьями. Что в этом плохого?

– Плохо то, что ты опускаешься до них, что ты начинаешь думать как они.

– И что? Чем они хуже меня? Что во мне такого необычного, что дало бы мне право смотреть на них свысока? Макс, это нелепо! Я другая, поверь. Я воспитана другим миром, я выросла под другим солнцем и я люблю общаться.

Но Макс не услышал меня, отвернувшись, он резко отошел и растворился в темноте.

Тяжело вздохнув, я подумала: «Да, в споре победителей не бывает! А в любви ревность – плохой советчик». Горький привкус неожиданной размолвки ещё долго не давал мне в тот вечер уснуть. Я понимала, что что-то начало меняться, но что?

Утро встретило хлопотными приготовлениями к небольшому походу. И эти заботы с головой увлекли меня, не оставив времени на ненужные размышления.

Через пару часов небольшой отряд тронулся в путь вдоль подножия загадочной горы. Все двигались не спеша, внимательно посматривая по сторонам, пытаюсь увидеть что-нибудь достойное внимания. Но взгляд скользил по однообразной картине окружающего ландшафта ни на чем не останавливаясь.

После нескольких часов народ потихонечку разбился на небольшие группы или пары. И дальнейшее путешествие было заполнено дружеской беседой или спором.

– Уди, душа моя, здесь в подлунной есть две очень сильные эмоции: жажда приключения и любовь. Я их силу чувствую каждой клеточкой своего сознания. Так какую испробуем первой?

– Прики, я думаю любовь. Но как мы выделим чистое чувство от примеси других эмоций?

Удача и Лихое Приключение неспешно прогуливались по звездной дорожке вдоль млечного пути.

– Не забивай свою чудесную маленькую головку ненужными техническими мелочами. Скажу лишь, что мы обязательно получим то, что желаем.

И они продолжили свой путь, перепорхнув на другую волнующую их тему.

Наши разногласия с Максом хоть и приутихли. Но полностью себя не исчерпали. А, следовательно, в скором времени не замедлили вернуться и разгореться с новой силой.

Научный поход к скале был отмечен многими открытиями, еще большим количеством вопросов, общим воодушевлением и напряжением неразгаданной тайны.

По возвращению все с удвоенной силой погрузились в дела. Новобранцы ставились в строй. Новые открытия тут же переводились на военные рельсы. Все готовились к войне, правда неизвестно когда и с кем. Но для большинства это просто не имело никакого значения.

Зато талант генерала заискрился и засиял в полную силу. Малые и большие гарнизоны образовались в деревнях и поселках. Боевой дух и клич не побежденности так и рвался на показ, мол: «За батюшку генерала и царя нашего, за кампанию!» Все чаще возносились тосты в трактирах, кабаках или просто у костра на привале.

– Макс, экономика твоей страны не выдержит долгий прессинг военной машины, – пыталась я в очередной раз донести здравую мысль до царского ума.

– Не женское это дело совать свой нос в дела государственные, – грубовато обрезал Макс.

– А что, по-твоему «женское дело»? – ошетибилась я. – Пудрить носик, восхищаться всеобщей тупостью, быть безропотной куклой и делать вид, что безумно счастлива?

– Да хотя бы и так! Быть доброй и нежной...

– И уютной как домашние тапочки. Макс, я не такая. Ты ошибся. Я умею видеть и слышать. А главное, я умею думать!

– А вот это говорит больше о недостатках твоего воспитания, чем о достоинствах.

И Макс, резко развернувшись, вышел из комнаты, стукнув дверью. А я, как пригвожденная, осталась стоять с широко раскрытыми глазами полными слез, готовыми в любой миг сорваться искрящимся потоком горечи и обиды.

Похоже, события решили повториться на кругу своя. Новый мир, другой век, другой мужчина, но та же ситуация, та же боль и горькие слезы. Стоп! Порочный круг надо размыкать. Как? Не знаю. Но как сказала бы другая знаменитая женщина: «Я об этом подумаю завтра». И я обязательно подумаю.

– У меня родилась симпатичная закавыка, - полоснул пространство красный луч. – Три расходящихся звезды с равной силой притягивают к себе маленькую планету. Ваши ставки и гипотезы.

– Они разорвут ее на три маленькие планетки. – пробубнила темная масса.

– Да, но планета-то не простая и не однородная, а как бы, склеенная из двух половинок, и в ней не завершился процесс срастания.

– Ну, тогда, на две планетки и кто-то уйдет ни с чем.

– А мы, а мы думаем, – суетливо засеребрились белые искорки, – что если одну из сил как-нибудь увеличить, то планета уйдет со звездой целиком.

– А неоднородность очень легко устранить третьим небесным телом, например, спутником или луной с ее приливными волнами и силами гравитации.

– Ну, у кого-то же должны появиться амбициозные желания и безумные идеи, – буркнула темная масса.

– А вот за этим мы и присмотрим, – засмеялись серебристые искорки, весело рассыпаясь в пространстве.

Рок и Удача вместе стояли в темном зале, внимательно рассматривая голографическое изображение ближнего космоса.

– Посмотри на это великолепие, Уди, – и Рок приблизил три солнца с маленькой планеткой посередине. – Такое можно увидеть раз в десятки тысячелетий, а может и никогда больше.

Уди зачарованно рассматривала белую жемчуженку хрупкой на вид планетки.

– Рок, а что станет с планетой. Когда звезды начнут расходиться?

– Они уже начали расхождение, Уди. И это меня волнует. Они растягивают эту милую крошку с все нарастающей силой и упрямством.

– Но так они просто разорвут ее!

– И да, и нет, – и он с улыбкой посмотрел на девушку, – я вижу, тебя заинтересовало это маленькое чудо?

– Ты можешь, что-нибудь сделать? Ведь иначе планета просто погибнет и все живое на ней тоже.

– И муравьишки, и злостные людишки, и еще куча разных тварей...

Лицо девушки помрачнело.

– Да ты прав, злость плохой советчик. А теперь я даже не знаю, что лучше сделать, что бы не сделать еще хуже.

– Ждать, душа моя. Набраться терпения и жать. – Роки поднес к губам руку прекрасной дамы и чуть наклонившись, поцеловал кончики пальцев. – Весы планеты скоро выйдут из равновесия. Да нам придется увидеть самые низменные черные эманации, и что-то мы наверняка потеряем, возможно, даже навсегда, но что-то

обязательно приобретем. А вот давай лучше подумаем о другом. Как уберечь этот хрупкий мирок от глобальной катастрофы.

Удача улыбнулась, благодарная собеседнику за такт и поддержку.

– А что мы можем?

Нежно обняв девушки за плечи, Рок заметил: «Я решил сделать этой планетке небольшой подарок».

И, взяв где-то небольшой черный шарик, он подвел его к планете и заставил вращаться вокруг.

– Я решил подарить этому миру спутник!

– Но зачем, не понимаю?

– К сожалению, планета не закончила свой цикл формирования и обладает некоторой степенью неоднородности. А спутник вызовет приливные волны на поверхности планеты и поможет быстрее сгладить все шероховатости. Правда у меня есть и еще одна задумка, но тут мне будет нужна помощь, – и он внимательно посмотрел на Уди, – я думаю, что наличие третьего небесного тела может вызвать нарастание гравитационной силы с одной из звезд, и это поможет увести планету от роковой точки. Но это пока только предположение, а оно требует хорошей проработки. Ты не хотела бы помочь мне в этом?

Девушка встрепелась.

– Ты в серьез приглашаешь меня или просто подшучиваешь?

– Уди, я похож на того, кто бросается словами?– И что я должна буду делать?

Рок помолчал, как бы оценивая, доверять ей тайну или подождать.

– Для начала нам придется сесть за парту и многое воскресить в своей памяти или изучить заново. Ты не против? – все-таки решил потянуть время осторожный вельможа и нашел для этого дипломатический ответ.

Встреча победителей была организована шумно и помпезно. Улицы были заполнены жителями, одетыми в праздничные наряды, крики и букеты цветов повсюду встречали войско.

Тронный зал приветствовал генерала искренними поздравлениями и всеобщим ликованием. И даже косые завистливые взгляды по случаю были спрятаны за маски благочестивого приличия.

Стройно чеканя шаг, генерал подошел к царю, встречающего победителя стоя у трона.

– Ваше величество, позвольте доложить...

– С победой, мой дорогой генерал! С блестящей победой!

– Рады стараться, ваше величество, – смущенно забасил, заалевший как рак, Першил Самохвалович.

– Не смущайтесь, генерал, сегодня ваш день. И мы с удовольствием отпразднуем нашу общую победу.

Улучив момент среди шумного пира, тостов и возлияния, генерал незаметно вышел из зала и чинно проследовал в покои принцессы.

– Позвольте вас поздравить с заслуженной победой, генерал! Блестящая идея, великолепное воплощение... – пылко произнесла юная леди, – вы расскажите мне все, как там было?

– Ваше величество, – склонился генерал в полупоклоне, – позвольте мне обсудить с вами весьма деликатную тему, – и он перевел пристальный взгляд на нянюшек, заполонивших комнату принцессы.

– Оставьте нас, – повелительным тоном отчеканила юная леди.

– Но, принцесса, оставаться наедине с мужчиной, – попыталась возразить тучная тетка, одетая в мрачный старомодный наряд.

– Я сказала, пошли вон, – взорвалась принцесса, поливая всех недобрым взглядом. Нянюшки зашевелились и, наконец, злобно перешептываясь, покинули комнату.

– Принцесса, – печально и почти шепотом произнес генерал, – мне нужна ваша помощь.

Молодая девушка вскинула бровь и внимательно посмотрела на Першила Самохвловича.

– Только вы, со своей женской интуицией, мудростью и неустрашимым нравом сможете помочь мне в весьма деликатном деле, – тихим голосом продолжал генерал. – Там, – и он небрежно кивнул на дверь, – пирует толпа, которая даже не догадывается, с какой силой мы столкнулись в этой войне. Страшный и коварный враг притаился за ширмой муравьиных набегов.

Генерал трагически замолчал, и в комнате повисла гнетущая тишина.

– Чем же я могу помочь? Я всего лишь тень своего отца, у меня нет ни реальной силы и тем более власти.

И в порыве трагизма она отвернулась к окну.

– Ваше величество, если позволите. Я стану вашим другом, вашим наставником и вашим орудием возмездия. Там на поле брани я коснулся белого луча, я видел, кто им управляет, – волна воспоминаний накрыла смелого воина, и пережитый ужас тех минут проявился на миг в остекленевших глазах.

Принцесса молчала. Но добела сцепленные и прижатые к груди пальцы выдавали всю глубину ее волнения.

– Генерал!

– Моя принцесса, – глухо произнес генерал и, опускаясь на одно колено, протянул вперед руку ладонью вверх, – лучом управляет черный и очень могучий волшебник, его дьявольский взгляд пронизывает и убивает. Моя королева, я веряю вам мой страх и мою боль. Я ваш раб, готовый отдать за вас все...

Принцесса сделала несколько шагов и вложила свои руки в открытую мужскую ладонь.

– Вы научите меня всему, что знаете, генерал? – почти шепотом произнесла она.

Першил Самохвалович нежно сжал тонкие девичьи кисти, непроизвольно любясь и восхищаясь их точеной красотой.

– Моя королева. Я клянусь вам, всей своей жизнью быть рядом с вами. Быть подле, быть вашей тенью, хранить и защищать вас!

И он трепетно припал губами к пахнущим свежестью ладоням.

– Медальон Силы, – нараспев пропела Генея, – ты знаешь, красиво звучит. Но Петрархиус об этом никогда и ничего не слышал. А вот в некоторых очень старых легендах есть несколько упоминаний о медальоне Смерти.

Мы мило сидели с Генеей в нашем скромном гостинном зале, уставившись на огонь, жарко пылающий в камине и попивая душистый чай с ароматом лесных ягод.

За окном была ранняя осень. Приближался сезон дождей.

После того случая я несколько раз была в тайной комнате, перебирала склянки, рылась в книгах и манускриптах, просто по долгу сидела у открытого огня. Но книга со мной больше не заговаривала, сколько я на нее не дула, не чихала, не стучала.

Правда я сделала одно удивительное открытие. Книгу нельзя закрыть, так как это просто имитация, а на самом деле какое-то устройство типа древнего компьютера мастерски сделанного под глубокую старину.

А вот настоящие старинные книги подарили мне многие минуты радости. Библиотека была обширна, на многих языках. Как научная, так и волшебная с рисунками, чертежами, таблицами и формулами. Что-то мне было знакомым, что-то вызывало улыбку, а что-то было непонятным...

Я задумчиво затихла, углубившись взором в рисунок огня.

Из нирваны меня вывел мурлыкающий голос Генеи.

– Я тут недавно побывала на дальнем болоте, где бьют множество ключей, и берет начало наша река. – Я уже почти и забыла, что Генея порождение воды и для нее это родной мир. – И узнала, что на стыке болота, равнины и дремучего леса живет очень древняя женщина. И зовут ее, кажется, Ядва. Так Рымбако обмолвился, что она уже была старой, когда он начал познавать этот мир. Лия, ты только представь. Рымбако маленький молоденький зелененький рымбачоночек. Лия, ты меня слушаешь?

– Слушаю я тебя. И даже очень внимательно. Так говоришь, нашу бабушку Ягой кличут. Ну, совсем как в родной сказке. Скоро прям Иван-царевич и Кощей-бессмертный объявятся. Впрочем, Макс-царевич уже в наличие. А вот к Бабе-Яге в гости сходить не мешало бы.

– Лия, подруга, ты о чем? Какая сказка, какой такой Кощей-бессмертный? И бабу, между прочим, Ядва зовут. – Перебила подруга мои рассуждения вслух.

– Слушай, сударыня! А ты узнай у Рымбако по подробнее, где это место находится. И давай сбежим в гости к твоей Бабе-Ядве, – взмолилась я, – душно мне как-то под царским крылышком. У золоченой клетки все сильнее ячейки стягиваются. А в клетке как-то не поется.

– Не пойму я твоего настроения что-то. Вроде сыта, одета, первый человек государства тебе знаки внимания оказывает, а ты все мрачнее становишься?

– Генея, ладно, проехали. Все будет хорошо. Ты только узнай у Рымбако все по подробнее.

Чеки долго и нудно мне что-то рассказывал, приоткрывал государственные тайны и намекал на какие-то скорые перемены. Он изо всех сил, пуская в ход и лесть, и драматизм, и обаяние, пытался вывести меня из состояния инфантильной депрессии.

Милый дружок! Он стремился примерить нас с Максом, латая дырочки, трещащей по всем швам любовной мелодрамы.

Запертая в клетке птичка сникла и перестала петь, а это так мешало деятельному по натуре черту.

Да и Макса понесло не в том направлении. Он стал резок, не терпел возражений, почти ни кого не слушал, порой принимая противоречивые решения.

– Чеки! Я тут намедни сдувала пыль с весьма интересной книги, – констатировала я, с глубокомысленным видом созерцая содержимое бокала с вином.

– Ты опять была в этой странной комнате, ведь Макс не приветствует твоего настырного внимания к этой доисторической реликвии.

– Чеки, я сдувала пыль с очень интересной книги, – пробубнила я, делая акцент на слове очень.

– И?

– Она мне напела тут о медальоне Силы. Тебе это ни о чем не говорит?

– О чем напела? – и Чеки наострил ушки.

– А вот Генея мне все толдычет о каком-то медальоне Смерти. Вот я и подумала, может это одно и то же? Хотя вряд ли.

– А что тебе еще напела эта удивительная книга? – наконец всерьез заинтересовался Чеки.

– Да в сущности ничего серьезного. Например, любовный напиток сварить или ракету сварганить, а вот откуда в комнату проведен трубопроводик с газом молчит зараза. Черт заметно насторожился и сощурил глазки.

– Откуда ты знаешь, что там газ?

– Чеки, ну это и ежу понятно, трубочка в камешках и пламя ровное, ни дыма, ни запаха, да и зажигать не надо. В общем-то, это и не важно. Книга, мне думается это чей-то архив, очень-очень старый, и там много чего запрятано. Макс и его люди до этого даже и не доросли.

Мой собеседник задумался, неспешно размешивая чайной ложечкой сахарный песок. А я не стала нарушать его молчание.

– Ты знаешь, мне как то довелось держать в руках забавную вещичку, - минут через пять произнес он таким бесцветно-нейтральным голосом. – Медальон или не медальон, сейчас уже и не скажу. Но то, что вещичка эта не здешняя, и к бабке гадалке ходить не надо. А ты знаешь, где его искать? – задал черт интересующий его вопрос.

– Где искать не знаю, но поспрашивать, думаю, стоит, – и я подняла вопрошающий взгляд на черта. – Чеки, я устала, мне не хватает радости и свободы, я ...

– Стоп, моя дорогая, ты живешь в замке, ты почти царица, ты по глупости ни как не подстроишься под мужика, и заметь, хорошего мужика. Ты погрязла в каких-то своих глупостях и ничего вокруг не хочешь видеть. И вообще, ты стала какая-то нервная и..

– Не счастливая, – закончила я темпераментный монолог. И мы оба замолчали.

– Прости, Чеки, ты, наверно, тысячу раз прав, и мне многое надо пересмотреть в своем поведении, но... Мне как-то не хочется, – закончила я тихим голосом и залпом осушила бокал. – Прости, я устала.

Поднявшись, я быстро удалилась в свои комнаты. Чеки даже не пытался остановить, он о чем-то сосредоточенно думал, провожая меня невидящим взглядом.

Дорога встретила нас красками ранней осени. Звонким шелестом начинающей желтеть листвы, пронзительной изумрудностью высокого и чистого неба, теплом припекающих солнц.

Рымбако, добрейший человек, подробнее рассказал, как и куда нам ехать, и даже на дощечке нарисовал, что бы мы ни коем образом не заблудились.

Ну, а мы торопливые, скоренько побросали в седельные сумочки пожитки нехитрые, еду походную и винца молодого свежесброженного. По нашим подсчетам, в пути нам предстояло дня три попутешествовать и к бабке незвано негаданно нагрязнуть.

Настроение у нас было заговорчески приподнятое, так что, выскочив за дальнюю околицу, мы разлили по первому стаканчику. Бойкие лошадки, чувствуя хорошее настроение хозяек, резво рассекали сельскую местность в заданном направлении. Через пару-тройку часов хорошей езды и доброго воздействия мы уже ехали весьма неспешно, оглашая окрестности казачьими песнями и про коней, гуляющих на воле, и про казачек крепко целующих.

Редкие встречные, поглядывали на нас с некоторой долей удивления, предпочитали с бабами богато одетыми, да еще навеселешний раз не связываться. За что им в благодарность, мы их тоже не трогали.

Ближе к вечеру, нетвердо сползая с лошадаков, так и не доехав до планируемого села, мы решили заночевать на, кстати, подвернувшейся полянке в небольшом попутном лесочке. Разведение костерка отдали в мои несколько изнеженные за последнее время руки, поэтому он ни как не хотел разгораться.

Неожиданно нас привлек звонкий цокот копыт на дороге. Через несколько минут на поляну выехал большой боевой конь, а на его спине, как выросший, восседал мощный воин с мечом, в шлеме и строгим тяжелым взглядом. Осадив коня в метре от меня, он бесстрастно выдал.

– Мирбок, воин, буду вас сопровождать.

Сглотнув от удивления и пару раз хлопнув очумелыми глазками, я, наконец, нашлась:

– Ах, так ты с нами? Тогда слезай и помоги развести костер, а то он гад только дымит и из глаз слезу пускает.

От такого нестандартного обращения левая бровь нашего нового знакомого встала мохнатым домиком. Но воздержавшись от замечаний, он все таки слез с коня, одной ладошкой заграбастал мой неуклюжий костерок и, обведя поляну пристальным взглядом, быстро переместил его в новое место. Скоро веселое потрескивание возвестило всем, что огонь горит, вода кипит, жизнь хороша и жить хорошо.

После нехитрого, но сытного ужина, Мирбок помог нам натянуть и устроиться в импровизированной палатке. Сам же, обернувшись в бурку местного покроя, прилег у костра и минут через пять богатырский храп предупредил всю ближайшую окрестность, что приближаться к этому месту весьма опасно для личного здоровья.

Геня же позволила себе немного расслабиться, и, выскользнув из палатки, заполнила всю поляну неплотным туманом, оставив небольшое пространство у тлеющего костерка. В это же пространство скоро пришел и конь с нашими очаровательными лошадаками, наперебой строящими ему свои лошадиные глазки.

Ночь прошла без приключений и ранняя побудка тоже не доставила нам много хлопот.

Мирбок был немногословен, но путешествовать под его бдительным присмотром доставляло одно удовольствие.

Встречный и попутный люд с удовольствием приветствовал нас с Гинеей. Дамы одетые красиво, но по-дорожному, на холеных лошадаках – экзотическая редкость на проезжих трактах Изумрудного государства. Правда, уперев взгляды в замыкающего нашу кавалькаду воина, все стремительно опускали глаза в землю, склоняли голову и спешили быстренько убраться с нашего пути.

– Мирбок, почему люди тебя боятся? – прорвалось наружу мое любопытство.

– Потому, что они люди, – гордо пробасил Мирбок.

– А ты разве не человек? – еще больше поглупела я.

– Я – воин, – гордо прозвучал исчерпывающий ответ.

Продолжать объяснения по-моему никто не собирался. «Ладно, – подумала я, – подойдем с другой стороны».

– В истории моей планеты тоже существовал целый клан воинов. Человеческая память помнит их свирепыми, сильными и непобедимыми. Они нанимались к разным правителям и защищали их интересы. А вы? Вы тоже целый клан воинов? А где вы живете и почему я вас раньше не видела?

Воин невозмутимо продолжал наш путь, пропуская мои вопросы мимо ушей.

– Ну и пожалуйста, – обиделась я, – спасибо за исчерпывающий ответ, – и, гордо вскинув носик, чуть ускорила шаг.

– Мы воины народа Рымбако, – донеслось мне в спину.

– И что? Чем простые люди отличаются от народа Рымбако? Что здесь такого?

Немое удивление в глазах воина было мне достойным ответом.

– Ну, да, – парировала я, – я темная и неместная, и всех ваших тонкостей не знаю. И никто мне ничего не рассказывает, только строят из себя всяких удивленных чувырл.

Воин улыбнулся на столь красочную тираду.

– Народ Рымбако очень древний народ, он умеет управлять пространством и материей.

– И творить всякое колдовство, – вставила Геня.

– Однажды в каждом ребенке просыпается Сила. И тогда малыша учат управлять ею. А потом появляется Стремление и каждый выбирает свой Путь. Так рождается Воин.

– Значит вы народ магов и волшебников? А если Сила не просыпается, куда вы деваете таких детей?

– Сила просыпается в каждом, даже в этих смертных, – и он небрежно кивнул на прохожих, – они ее бояться и не умеют взрастить.

– Мирбок, я правильно поняла, что народ Рымбако древнее людей, и он является хранителем больших знаний, до которых людям еще ползти и ползти?

В знак согласия воин кивнул.

– Получается, на кругленькой планете независимо друг от друга развиваются две цивилизации, не соприкасаясь, не торгуя, не взаимодействуя, а только с опаской поглядывая в сторону соседа?

Взгляд воина потемнел.

– Легенда моего народа хранит память о страшной битве, произошедшей многие века назад. Планета народа Рымбако и планета людей еще были свободны и шли каждая своим путем. Но люди решили завоевать нашу планету и сделать своей вотчиной. Они прилетели на страшных железных конях, жгли и терзали нашу планету, под корень вырезая все население. И в предсмертной агонии планета сошла с орбиты и врезалась в планету людей. Народ Рымбако готовился к смерти. И тут вмешалась Небесная Сила. Она остановила взрыв, оставив каждой цивилизации половину старого мира и разделив все энергетическим барьером, который не могли преодолеть ни люди, ни наш народ.

Воин замолчал.

– Позволь я продолжу. Прошло время, и энергетический барьер ослаб. Сильные маги, а с ними и воины начали проникать в мир людей. Люди же до сих пор к вам попасть не могут. Но вы такие гордые и надменные, что не снизошли еще до общения. И одним этим уже подписали страх порожденный легендой. Между прочим, в мире людей существует похожая легенда, только злодеями являетесь вы, потому что вы напали на мирную планету и начали все на ней уничтожать, а ваши небесные боги колдовством заставили сблизиться планеты. И только защита богов, остановила вашу агрессию. Вот так вот!

Воин с любопытством посмотрел на меня.

– Генея, друг ситный, – обернулась я к внимательно слушавшей нас подруге. – Может ты осколок той небесной силы, которая, жертвуя собой, спасла этих неразумных отпрысков?

Глаза Генеи округлились.

– А у меня родились еще пара вопросов.

Лица моих спутников сморщились как от кислоющего лимона.

– Хорошо – хорошо молчу, – ретировала я и пришпорила лошадку, устремляясь вперед навстречу вольному ветру и зовущей дороге.

Остаток пути прошел спокойно и как то по-будничному. В деревнях мы не задерживались, дабы не напрягать местных жителей, а в дороге путь нам никто не преграждал и в попутчики не навязывался.

– Петруха, ну где ты застрял с рассольчиком? Голова ведь раскалывается, – причитал Макс, восседая на приступочке у трона.

При появлении друга с литровой чашей ободряющего лекарства, царь буквально засыпал его своими восклицаниями.

– И куда же запропастились наши блудницы? Что им дворец не дворец, дом не дом, закон не закон, царь не царь? – Макс поморщился. – Им приключения, романтику подавай, люд мой совращать потащились? А Рымбако то, Рымбако хорош, нет чтобы дома их запереть, так он им поводыря дал. Да еще кого? Воина! Тьфу! – В сердцах сплюнул царь.

– Да не переживай ты так, государь наш батюшка, – буднично отмахнулся Петрархиус, – они ведь ягодки ни на нашем поле выросшие, им наши дворцы клетками золочеными кажутся. Пусть полетают. А то ведь и петь разучатся!

И маг помог царю водрузиться на трон.

– Давай-ка мы лучше вот о чем подумаем...

И разговор потек в правильном мужском направлении. В скорости к ним присоединились Антип и Самохвалыч, да еще с пяток разного чинного люда. Мозги зашевелились, поручения разлетелись, работа закипела. Все бы к делу, да вот в душе кошка иной раз шкребанет больно и обидно. Тайком ведь, не посоветовалась, не предупредила, сама решила, как отрезала. И любовь ей моя, что козе подстилка.

Дверь несмело приоткрылась, пропуская Азалию.

– Па, а где Лия с Генеей, ты их куда отправил?

– Да в самоволку отлучились сердешные.

– И что, – удивилась принцесса, – ты их до сих пор не поймал, в кандалы не заковал, в клетку не посадил и домой не вернул?

У Петрарха от столь образно-садиистой картинке возвращения любимых волосы на голове шевельнулись.

– Да некогда на них время тратить, – злоотреагировал царь, – как вернуться, так и ответ держать будут. Вот тут по полной и спросится.

– А, если не вернуться? Если их воин к себе уведет и заклятье положит?

– Ваше величество, – лисичкой в разговор ввернулся дворцовый маг, обращаясь к Азалии, – так они в предполагаемый стан врага с дипломатической миссией поехали. Но тока это государственная тайна! А вы бы лучше батюшке о своих победах поведали: и как ловко стреляете из военного пистолета, и как верхом ездите, и как в разведчиках самой неуловимой числитесь.

Макс с благодарностью посмотрел на друга, улыбнулся и с удовольствием переключился на дела семейные.

– Да, девочки, заварили вы кашу, – тяжело вздохнул Петрархиус своим невеселым мыслям. – И где же вас черти носят?

Укатанная дорога плавно перешла в тропинку, а вскоре и вообще потерялась в сплетении стелящихся трав. Под копытами наших лошадей иногда громко и водянисто чавкало, иногда гулко и каменисто постукивало. Но воин твердо придерживался одному ему ведомому направлению.

Поднявшись на очередной холм, мы остановились перевести дух и полюбоваться очередным неласковым пейзажем. Дивный болотный осот стелился вокруг, предвещая еще не один километр нашего пути. На самом горизонте, окутанные сизой дымкой проступили горы и похоже весьма солидные. А вот на полпути всего этого великолепия поднимался старый и могучий лес. Издалека он казался черным и от этого пугал и будоражил воображение.

К нему то и повел наш маленький отряд воин, велел идти за ним вслед. Все три солнца уже клонились к горизонту, когда мы подъехали к опушке леса, высматривая поляну для ночлега. Черный лес и вблизи оставался черным. Вечные сумерки и зловещая тишина были уделом путника, случайно оказавшегося под их сенью.

Воин не разрешил нам спешиваться, а уверенно повел в самую чащу. Притихшие, боязливо поглядывающие по сторонам, мы с Гинеей мужественно переносили все тяготы нелегкого пути. И вот, на открывшейся перед нами поляне, предстало завораживающее зрелище былой красоты и настоящего запустения, одиночества и отрешенности. Я с глупейшей улыбкой на усталой физиономии с умилением взирала на родную картинку из русской сказки. Бывший частокол, некогда плотной стеной окружавший терем, пьяно развалился по разные стороны и спокойно загнивал, обрастая мхом и грибами. На страже

родного отечества остались лишь ворота, правда слегка покосившиеся и подпертые открытыми створками. Их украшали черепа животных, стрелы и другая домашняя утварь. А чуть дальше чернел старый терем в два этажа, с высоким крыльцом и остроносой крышей, как шапка, слегка сдвинутой набекрень. Первый этаж, оплетенный мхом и повителью, по окнам врос в землю. А лестница пугала темными просветами, провалившихся ступенек.

– Да! Вкусы у Бабы-Яги от перемены места жительства не меняются. И это похвально! – заметила я и смело ударила во входной колокол.

Спавшая на воротах черная птица открыла один глаз и с любопытством уставилась на нас. На высоком крыльце шевельнулась неясная тень.

– И кого это к нам принесло встречным ветром? – пробубнил скрипучий голос.

– Ой, бабуличка – Ягуличка, – затараторила я, скорой походкой направляясь к крыльцу. Мои спутники немного обалдели от столь фамильярного обращения к страшной колдуньи и местной достопримечательности. Как пригвожденные они застыли на месте, боясь пошевелиться. – Мы до тебя дошли, гостинцев принесли, в родственники не напрашиваемся, но от чайку бы не отказались.

– Цыть, неугомонная, – сверкнула очами старушенция, – стоять, где стоишь и молвить, когда спрашивать буду.

И я нелепо замерла на месте с поднятой ногой, уже готовой опуститься на первую ступеньку. А старуха шумно вдохнула воздух, пожевала его беззубым ртом, как бы пробуя на вкус.

– Фу ты, ну ты, ни как русским духом запахло? Аль земля-матушка восточку прислала? – и её серые глазища впились в меня как стальные иголки. – Мирбок, – перевела старуха взгляд на воина, – никак ты свою персону доставил к нам на поклонение?

Воин степенно слез с коня и с достоинством поклонился колдунье.

– Приветствую тебя, мудрая Ядва! Многие лета и многие мысли тебе.

– Здравствуйте, – пролепетала Геня, боязливо прячась за спину воина.

– Так значит святая троица в сборе. Видать, совсем плохи дела в здешнем мире?

С усилием преодолевая сопротивление, я поставила ногу на первую ступень. Скрипнув, она предательски сообщила всем о моем смелом поступке.

– К ней как к человеку, с чистой душой и открытым сердцем! А она тебе? Тьфу, – буркнула я. – Нет, чтобы в избу пригласить, чаем напоить...

– В баньке попарить, на лопату посадить, а печи испечь и на косточках покататься, – смешливо закончила за меня старуха.

Воин аж побледнел от такой угрозы. Схватившись за меч, он уже на половину вытащил его из ножен, когда мы с колдуньей обменялись понимающими взглядами и дружно прыснули добрым смехом.

– Кар! – изрекла черная птица.

– Да-а, – протянула старуха, – не думала, не гадала, что на краю вселенной от землян покоя не будет. Какими думами, рыжая, тебя ко мне занесло? И как давно ты на Изумрудной интриги плетешь? В любовную паутину трофеи собираешь?

– А ты чаем напоила? – завела я старую песню.

Старуха лукаво прищурилась и выдала.

– Ну, заходите, гости непрошенные, ветром гонимые, сердцем закрытые. И пусть Дому решать: со мной ли сидеть али в огне гореть.

После таких слов все вокруг замерло, затихло и насторожилось. Воин быстрой походкой направился ко мне, пытаясь придержать необдуманый шаг. Я же, перекрестясь, размашисто и скоренько стала подниматься по ступенькам. А они как затрепещут, как заскрипят на все голоса и подголоски, что нервы у всех в ниточку вытянулись. Вот последняя ступенька под моим нетерпеливым шагом жалобно скрипнула, и разом все смолкло.

– Ну, здравствуй, мудрая Ядва, или все же Баба-Яга? Роднее все ж как-то, – хитро улыбнулась я.

– Да входите уж, чего застыли то? – кликнула она воина и Генею.

Следом за старухой мы вошли в дом, с интересом посмотрели по сторонам. Не буду описывать жилье старого одинокого человека, потерявшего всякую мечту и вкус к жизни.

– Что притихла, рыжая! Аль и чайку попить побрезгуешь? Давно ли с Земли? Думаю, веник и тряпку держать еще не разучилась? Вот и состряпай нам пир горой. А я пойду, чай насобираю, не мухоморами же и впрямь вас травить, – и старуха вышла на улицу.

Оставшись одни, мы немного расслабились. Я прикрыла глаза и через миг почувствовала, как горячие сильные руки обняли меня за плечи, даря тепло и снимая нервное напряжение.

– Спасибо, Мирбок, – искренне поблагодарила я и в довершении ляпнула, – ты настоящий друг.

В один миг его руки слетели с моих плеч, а я от неожиданности чуть не упала. Но не упала, а оглядевшись по сторонам и найдя подходящий инвентарь, скоренько вовлекла всех в небольшую уборку. Учítывая, что последняя из них проходила эдак лет пятьдесят назад, то час нашего титанического труда не принес глобальных результатов. Но подметенный пол, отскобленный стол, пузатый самовар, поблескивающий медным боком и пыхтящий водяным паром, нехитрые наши гостинцы, чашки, ложки. В общем, все то, что делает дом уютным, а стол гостеприимным, встречали нашу припозднившуюся хозяйку.

– Ах ты, батюшки, красота-то какая, – запричитала мудрая Ядва, ставя на лавку лукошко с травами и кореньями, – давненько я за таким столом не сживала, гостей не почивала. Да чего ж мы стоим-то, давайте, давайте к столу, гости дорогие. А я сейчас чайку заварю, – и она засуетилась с травами.

Макс не препятствовал встречам принцессы с генералом, наивно полагая, что он удачно сбавил воспитательные моменты в надежные руки своего подданного.

– Ваше величество, – периодически поднимал эту тему Петрархиус. – Не гоже принцессе целыми днями проводить в обществе генерала. Мало ли к чему это может привести.

– Да полно, – небрежно ответил Макс, – ты сам-то понимаешь о чем талдычишь. Генерал, поди нас обоих старше будет.

– Нет, Макс, он далеко не стар, а силою мужицкой и нас вполне за пояс заткнет.

– Тьфу на тебя, Петруха! Займись чем-нибудь дельным и не нагружай меня этой глупостью, – в очередной раз отмахнулся царь.

А между тем принцесса часами проводила в обществе генерала: то скакала верхом, то участвовало в учебных баталиях, то изучала различные науки. Ее голос научился отдавать приказы, осанка стала грациозной и царственной, а в глазах появился холодный блеск власти.

– Мой ангел, – генерал обнимал гибкий девичий стан и притягивал ее к себе. Он зарывал нос в душистый шелк волос, небрежным веером рассыпающимся по плечам. – Только ты достойна быть королевой, и ты ею будешь!

Иногда, просыпаясь в его объятиях, принцесса с внутренним трепетом облюбовывала план своей мести и этой рыжей красавице, замахнувшейся на трон отца, да и самому отцу, так неожиданно предавшего ее ради очередной юбки. На людях генерал держался в тени, ничем не выдавая своих отношений, ни жестом, ни словом не позволяя себе переступить невидимую грань готовую низвергнуть хрупкий образ ее величия. Но

только рядом с ним она по-настоящему чувствовала себя уверенно, смело вступая в уготованную роль.

– Терпение, моё сиятельство, – настойчиво внушал ей генерал. – Все идет своим чередом. У нас все получится, только не спешите. Не спугните удачу неожиданным словом или откровенным взглядом. Вокруг нас много чужих ушей и глаз.

И он нежно целовал кончики пальцев и отступал назад, снова становясь ее тенью, ее ангелом хранителем.

Утро следующего дня встретило меня зябкой прохладой, скрипом старых половиц под тяжелой поступью пробудившихся, и чем-то теплым под боком. Запустив в это тепло руку, я быстро познакомилась с его хозяином. Малость поцарапанная и изрядно покусанная, под хищное шипение я ретировалась с печи. А злостному комку шерсти было обещано ближайшее омовение в водах таза. Воин, уже сидевший у стола, просто катался со смеху, умиляясь нашей нешуточной баталией.

– Волшебница - это скунс. Очень вредный и злостный зверек, и вонючий между прочим...

– У-у! Постираю гада, – ляпнула я в сердцах, зализывая царапины.

Скунс злобно сверкнул зелеными глазницами с отвоеванной печи.

– Ну, чем порадуешь нас, Мирбок, – скоренько обернулась я к воину, и потягиваясь, продолжила, – горячим чайком, холодным кваском или силой мужицкою?

От этих слов воин поперхнулся, а скунс на печи чуть не заржал в голос, если прерывистое шипение воспринять как смех.

– Ты уж похозяйничай сама, красавица, а я тут на дворике огляжусь, – и он спешненько растворился в дверном проеме.

Оглядевшись по сторонам и по-бабьи пятерней причесавшись, фартуком обвязавшись, отхлебнув чайку горячего, я вступила на поле генеральной уборки.

Посуда, кастрюли, ушаты скоренько полетели во двор, к ним присоединились черные шторы и залежалое богатство сундуков.

Стаи вредных мошек, потревоженные столь наглым вмешательством в их темную мольную жизнь, злобно порхали в облаках искрящейся пыли.

Через час кропотливого и въедливого выбрасывания вещей и омывающих процедур, дом предстал в своем изрядно запущенном состоянии.

Мирбок, раскопав где-то молоток, гвозди и другие подручные инструменты, с любовью и большим вниманием приступил к мелкому внутреннему ремонту. Где дощечку подбил, где половицу поменял, где полочку закрепил, да мало ли дел найдется в стареньком тереме?

Генею я отрядила на мокрую работу: посуду помыть, вещички и белье постирать, хлам распылить. А себя утрудила побелкой, покраской, и, главное, припоздавшемся обедом. Аромат борща, приправленного душистыми травами, скоренько собрал всех местных жителей у деревянного стола. Бабуся-Ягуся чинно водрузилась на лавку и, махнув, разрешила всем приземлиться рядышком.

Злобный и голодный скунс, благодетельно сменив гнев на милость, нетерпеливо пускал слюни по длинным белым клыкам. И как он меня ими не задел, несмело постучалась запоздалая мысль? И я подложила зверьку кусочек мяса на косточке. Воин неодобрительно заворчал, но полезть в миску к домашнему питомцу не решился. Хищный взгляд последнего не предвещал ничего хорошего.

На некоторое время над столом повисла хлюпающая тишина. Горячий борщ сделал свое доброе дело, согрел животы и укротил норовы.

– Так ты на денек решила задержаться, рыжая? – поинтересовалась старуха, почесывая скунса за ухом.

– Чего ж на денек. На недельку. Как минимум. – Успокоила я всех, – детки по лавкам не плачут, мужик под боком, да и банька еще не топлена.

Гробовое молчание на эти слова сообщило мне, что моя наглость сработала, но злоупотреблять не стоит. И поэтому, схватив за локоток онемевшего воина, я почесала в баню.

Черное убожество, вросшее в землю по самую крышу, облепленное со всех сторон синим мхом, и баней то назвать было страшно. Только отступать некуда, и мы взялись за лопаты. Минут через двадцать откопали входную дверь, слюдяные окошки. А главное расчистили дымоход. Заглянув внутрь, мы увидели баню: печку буржуйку с котлом, обложенную валунами, кадку для воды, полати и паутину, во всей красе хитрых сплетений украшавшую углы. Предупреждающее урчание возвестило нам, кто открывает охоту. Скунс за пятнадцать минут выел и вылизал всю паутину по периметру бани, съев или до смерти распугав местных членистоногих, и с чувством абсолютно выполненного долга развалился на траве, подставляя сытое брюхо согревающим лучам трех солнц.

А мы с Мирбоком натаскали воды, заготовили дров, затопили печь и обдали все горячей водой. Около звонкого ручейка организовали запруду. В общем, занимались простыми житейскими делами. По ходу выяснилось, что воин не знает что такое баня, да еще русская, да еще с парком. Поэтому в час икс две хитро улыбающиеся тетки обернули смущенного мужика простынею и под белы рученьки поволокли в баню. Мощный жар окатил всех при входе в парную. Раздев и загнав воина на полати, подбавив парку, я схватилась за веничек. Душистый, он так и заплясал по спинки, попке, пяточкам...

Не выдержав тепловой пытки, минуты через три, мужик кубарем выкатился из парной. Застыв у входа, он открытым ртом хватал прохладный воздух. И тут ушат родниковой воды с головы до ног обдал его прелестью обтекания, роем мурашек и клубами пара, заструившегося от разогретого тела. Совсем одурев, Мирбок сжал кулаки и уже был готов кинуться на обидчика. Как увидел рядом смеющуюся старуху, протягивающую ему крынку с холодным душистым квасом. Отхлебнув, мужик приземлился на лавочку и с любопытством прислушался к звукам, доносившимся из бани.

Всплески, шлепки, повизгивание, голые бабенки, ретиво проносящиеся в запруду и обратно. Бархатное воркование присаживающихся рядом красавиц, чашечка по кругу, и скоро многоголосая песня оповещала округе о нашем благостном состоянии ума и тела. Песни мы затянули старые: и о морозе, чтоб не морозил, и о ямщике с троечкой и как напилася я пьяна... В общем дорвались горемычные, что и слезу пустили и частушкой закусили.

– Ах, черт, ах, мелкий проказник, упер-таки. И ведь знать не знает, что похитил, и до какой беды его это доведет. Хотя!

И Случай Иванович заулыбался своим мыслям.

Случай, он ведь как мимолетная птица, то окрылит, а то опустит. Может как удача улыбнется, а то как рок шархнет, а может и пронесет. Хотя рыжая...

Следующие дни протекли у нас и похожие, и делами загруженные. Только что долгими вечерами удавалось мирно побеседовать у пузатого самовара или затянуть старую сказку пересказывать, то и дело, перебивая друг друга и поправляя. Надо сказать, что за это время и дом преобразился, приосанился: с поляны мусор убрался; ворота по шире распахнулись; вездесущая поросль от дома отступила. Да и сама хозяйка как то помолодела и взглядом подобрела.

– Мирбок, будешь в деревне, купи бабульке шаль пуховую, большую и теплую. Только деньги за нее отдай, так не бери.

Воин удивленно посмотрел на меня.

– Зачем?

– В обычаях моего мира за гостеприимство принято благодарить, так что не жадничай.

И воин с бабулей отбыли в деревню. Вернулись они уже затемно, нервные и озлобленные. На руках Мирбок принес завернутый в лохмотья вонючий комок. Брезгливо кинув его на лавку, пошел мыть руки. А комок тем временем зашевелился, и из лохмотьев на меня посмотрели детские глазки, испуганные и затравленные. Поставив на стол чашку теплого молока и кусок хлеба, я поспешила к воину за разъяснениями.

– Ты чего такое приволок? Это же человеческое дитя?

– В том то и дело, что человеческое. Только от человека в нем ничего не осталось, травили как зверька, нелюди.

– А у вас, там, бывают дети-сироты?

– Нет, Лия. У нас большие семьи. И, если у ребенка умирают родители, то их судьбой и воспитанием занимаются старейшины, а это большая честь.

– Ну, ничего, – похлопала я его по руке, – и здесь все наладится, бог даст. Вот ведь судьбинушка горемычная, что на Земле она не сладкая, что за тридевять земель лучше не становится, – с грустинкой в голосе подвела я итог.

Мирбок скосил на меня полный внимания взгляд, потом нежно обнял за плечи и привлек к себе. Так мы и стояли рядом, чуть-чуть потерянные и чуть-чуть взгрустнувшие.

– Мне, кажется, что за нами кто-то смотрит.

– Да вон та черная птичка, просто глаз с нас не спускает.

– Ты кто? – мысленно задала я вопрос.

– Гарги, – пришел мысленный ответ.

– И что тебе надо?

– Твои эмоции.

– А для кого? – но птица, сорвавшись с ветки и улетела.

Черный огромный зал с рабочим столом посередине тяготил и одновременно пугал черта. Он чувствовал себя маленькой и некчомной мошкой в этом безумном пространстве.

Но вот господин, сидящий за столом, оторвался от своих дел и обратил внимание на Чеки.

– Я прикоснулся к небольшой тайне, дорогой Чекион.

Плавным движением холеной руки Рок материализовал в центре стола объемную карту космоса, где в самом центре заблестели три яркие точки.

– Сидя на планете, ты не имеешь возможности полюбоваться моей маленькой вселенной, а тут есть чем восхититься.

Он любовно приблизил три солнца, в лучах которых озорно засияла маленькая планетка.

– Оба мира были обитаемы. Одна цивилизация магов, способных управлять материей, другая - строителей, их симбиоз может породить весьма любопытные парадигмы. А еще есть, так называемый медальон – ключ, который решит многие проблемы. Например, он запускает звездного странника – силу, приводящую все к равновесию. Она позволяет стирать все границы аномалий, останавливает катаклизмы и катастрофы планетарных масштабов.

– Кто же творил под себя этот мир? Это удивительная загадка, вы не находите, мой господин?

– Чекион, друг мой, вот еще одна загадка этого мира. Медальоном нельзя обладать, он приходит и уходит, он выбирает себе господина и ведет его. И мне кажется, что не один житель подлунной не в силах обладать им. То ли Случай Иванович, медальон

прожил у него довольно долгое время. Вот ведь интересно, кто же помог ему сделать ноги? – и Рок с хитрой усмешкой посмотрел на черта.

Ни один мускул не испортил слащавой улыбки, хотя под ложечкой болезненно сжался комок страха, а про себя подумалось.

– Так вот что я обронил в подлунной, забавно. А старик тоже хорош, скучно-с видите ли ему стало, захотелось развлечься и чьими руками? Тьфу, – в сердцах сплюнул черт, – что б тебе...

Вот и подкралось время прощаться. Грустно и трепетно на душе. Мы с воином собрали нехитрые пожитки, готовясь к дороге.

Генею и маленькую дикарку мудрая Ядва оставила при себе, сказав, что сей путь не для них. Запряженные лошади, притороченные походные мешки.

– Спасибо тебе, мудрая Ядва! За все спасибо! – прослезилась я, обнимая старуху.

– С богом, девочка, – благословила она меня земным крестом, – слушай свое сердце, оно не подведет. Да, еще вот, – молвила она и надела мне на шею медальон, – для себя поберегла. Да, видно не судьба, мой дом уже здесь. А ты помни, когда будешь принимать судьбоносное решение, у медали две стороны.

И она отвернулась к воину, украдкой смахнув набежавшую слезу.

– Ну, а тебе, воин, – сурово молвила колдунья, – вести её по струне.

Взгляд Мирбока остановился, в нем отразились удивление и немой вопрос.

– Не смотри на меня так, велю, значит, знаю, – седые брови сошлись к переносице.

Воин серьезно кивнул и в тот же миг, как фокусник, набросил на плечи старухи пушистую песчаного цвета шаль.

– Вот.

От неожиданности момента все оторопели. Воин, шаль, чувства...

– Спасибо, сынок, – дрогнули старушечьи губы, и, собравшись с духом, она благословила нас силою двух миров и могуществом заповедных знаний.

Вскочив на лошадей, мы тронулись в путь.

– Спрячь это, – вымолвил воин, указывая на медальон, – это медальон Силы, не стоит его носить на показ.

На мой немой вопрос Мирбок даже не подумал отвечать, поэтому, поколебавшись, я все-таки спрятала подарок под одежду. Что ж, все еще впереди.

– Они ушли на струну! Макс! Ты видишь, куда ее понесло? Почему ты ничего не делаешь?

– А что я могу сделать? – Зло окрысился царь. – Пуститься за ней вдогонку и умолять вернуться? Или погнать отряд? Но там Воин, и что ему этот отряд? Нет, это её выбор, её решение, её путь. Пусть будет так. – Жестко поставил он точку и отвернулся.

Бегство возлюбленной его больно ранило и оскорбило. Как она могла, как посмела? И почему в спутники выбрала воина, страшного и могущественного волшебника, а не его. Почему доверилась другому? Почему все предала? Эти мысли как занозы засели в сердце и кровоточили горечью и болью, ревностью и бессилием. И он не намерен был прощать.

Звонящая тишина окутывала двоих, стоящих друг против друга. Ужас, боль, непонимание, удивление и чужая сила повисли в наэлектризованном воздухе.

– Что-то не так, Прикки! Так не должно быть. Это не правильно.

– Уди, – молодой человек взял руку девушки и привлек ее к себе, – все обойдется, поверь мне.

- Но там, на струне пространство рвется, и последствия могут быть для нас печальными, - в страхе прошептала юная дева.
- Доверься мне, – он, поцеловав кончики пальцев, стремительно вышел из комнаты. Удача осталась одна в смятении и нерешительности.

Мы все ближе подъезжали к горам. Порывы холодного ветра заставляли нас поживать и сильнее закутываться в нехитрые одежки. Спали на земле в небольших укрытиях, которые устраивал Воин. Порой мне казалось, что все это устраивается только для меня, а сам Мирбок может спать, есть и жить просто в седле. В первую ночь я не могла уснуть от холода. И даже усталость и сложный переезд не принесли долгожданного забытья, постоянно отгоняемого ритмичным стуком зубов. В конце концов, сжалившись над моим клацаньем и походной неприспособленностью, Мирбок с головой укутал меня своим плащом. Тяжело вздохнул и крепче прижал к своему горячему телу. И уже скоро я мирно посапывала, устроив голову у него на плече и ничуть не заботясь, а как ему там спится горемычному. Правда утром мне показалось, что за всю ночь он так и не пошевелился. Но ведь это только показалось и быстро улетучилось.

Новый день принес новые заботы и новые испытания. Путь был неблизким и нелегким. А ветер все усиливался, принося порой то холодные капли дождя, то плотные стены непроглядного тумана, то колючие порывы первого снега.

Мы двигались уже по горам, то поднимаясь к невысоким перевалам, то спускаясь в небольшие долины. Голые заснеженные вершины все плотнее обступали нас со всех сторон. Клыкастые, острые громадины подавляли своей мощью. Рядом с ними мы сами себе казались маленькими муравьишками из последних сил продолжающих свой путь.

- Уже скоро, – поддержал меня Мирбок.

И вот, за очередным поворотом узкой дороги перед нами открылось сумрачное ущелье. Острые скалы, грозные вершины, пронзающая серая взвесь, черные пропасти и белая нить дороги, ровная как стрела и уходящая в такую даль, что её конец терялся где-то в мохнатой клубящейся дымке. Эта дорога испугала меня.

- Здесь есть пещера, – сказал Мирбок, спешиваясь, – надо хорошо отдохнуть.

Черный и липкий мрак пещеры обступил нас со всех сторон. Лошади фыркали и упирались. Но скоро, стараниями воина, пространство прорезал маленький огонек костра. Я просто была в восторге, каким чудом Мирбок мог разводить огонь в любых условиях походной жизни. Желтоватое пламя раздвигало мрак и создавало согревающий уют. Первый раз за много дней мы неспешно поужинали. Уже укладываясь, я обратила внимание на злобное завывание ветра снаружи. Там что-то гудело, стонало, било в низкие барабаны.

- Ты бывал здесь раньше?

- Нет, Лия. Но я хорошо знаю этот путь. Мы не заблудимся.

– Мне страшно, Мирбок, – прошептала я, вздрагивая от каждого порыва беснующейся стихии.

- Не бойся, волшебница, спи, – и он нежно провел шершавой рукой по моему лицу, – завтра у нас не простой день.

Как по волшебству сон укутал меня согревающей пеленой. Я бежала по полю, усеянному маками и ромашками. Теплый ветер раздувал подол легкого платья и шевелил пряди разлетающихся волос. И только черная тень, где-то в углу немного беспокоила меня и притягивала.

- Это ты? – закричала я тени.

- Это я, – ответила мне тень очень знакомым голосом.

- Ты будешь со мной?

- Вечно!... – отозвалось эхом в голове.

От удивления я открыла глаза и несколько раз моргнула, осознавая, что за выходом из пещеры брезжит рассвет, а нас окутывает тишина. Абсолютная тишина.

– Нам пора, – привел меня в чувство мужской голос. И внимательный взгляд посмотрел на меня оценивающе.

– Что ты так на меня смотришь? Стара, сварлива и даже цветочек подарить не хочется?

– Так эти красно-белые безделушки называются цветами?

Я аж поперхнулась от негодования.

– Так это ты путался под ногами в моей сказке?

– Так-так, вижу, совсем проснулась, – и Мирбок скоренько сунул мне в руки лошадиную уздечку. – Лошадей придется вести под уздцы. Иди прямо и ничего не бойся, и будь, пожалуйста, предельно внимательна, – напутствовал меня Воин.

– Вот и поговорили, – подумала я, с опаской выходя из пещеры.

Дорога была шириной метров десять без ограждений и парапетов, гладкая как стол и окруженная со всех сторон пропастью, она уходила далеко вперед. Вот уже несколько часов пути ничего вокруг не менялось: все те же горы, все та же дорога.

– И почему по ней нельзя ехать? – ворчливо подумала я, – что за глупость мерить землю шагами?

Как будто отвечая моим мыслям, откуда то сбоку ударил не сильный, но чувствительный порыв ветра. Под его напором мы заметно сместились от центра.

– А что будет, если он хорошенько дунет?

И он дунул. Погода поменялась кардинально за каких-нибудь десять минут. Все вокруг потемнело, видимость упала, а по краям дороги закружилась, заволновалась белесая взвесь. Резкие порывы ветра, то били нас в спину, подталкивая вперед, то больно швыряли охапки колючих снежинок в лицо, то обкатывали фонтанами ледяного дождя, заставляя съеживаться и вбирать голову в плечи. А то через дорогу начинал перекатываться густой белесый туман, и, войдя в это молоко, мы глохли и слепли, и каждый шаг был сопряжен с риском сверзиться в пропасть. Пока новый порыв ветра не разгонял все в клочья, и опять начиналась борьба за каждый шаг.

Все внутри меня замерзло и отупело. Я двигалась как механическая кукла, не осознавая и не понимая, что творю. От холода стучали зубы, от усталости тряслись руки, от страха – поджилки. Но я тупо и упрямо куда-то шла. Вдруг сильные руки крепко схватили меня за плечи и последние метры, мне показалось, я парила над пропастью. Но уже в следующей миг мокрая и холодная скала коснулась щеки.

– Это конец, – шевельнулась слабенькая мысль. И скала под щекой начала медленно уплывать вверх.

Но достигнуть мира нирваны мне не позволили. Грубо встряхнув, поставили на ноги и опять повели, или потащили, или попинали... Очередной всплеск сознания пришелся уже на домашне-уютную костровую обстановку.

– Мы на месте, волшебница, – дошел до сознания негромкий голос, – пей, горячий напиток тебя оживит.

Отдуваясь, фыркая и обжигаясь, я сделала несколько глотков какой-то горькой отравы. Но сознание заметно прояснилось, и конвульсивная дрожь тоже решила покинуть измученное тело. В следующий миг я уже крепко спала, припав к на скальному выступу. Проснулась от аромата клубники, нежно крадущегося в мой маленький носик. Приоткрыв тронутые негой глазки, я уперла взгляд в... голого мужика, который натирал свое тело чем-то жирным. А в неярком свете костра все его грациозные движения бицепсов и трицепсов, и другой мышечной массы под лоснящейся кожей ввергли меня в легкий ступор.

– Проснулась, засоня? – Ехидненько констатировал голос, – пора приступать к водным процедурам.

И меня извлекли из тряпья, изрядно сопротивляющуюся и верещащую, обнажили и окунули типа в бассейн. Точнее в полу пещеры была неглубокая и почти круглая купель, заполненная водой, стекающей с эффектного сталактита. Воин кинул в нее нагретые на огне камни. От чего вода в импровизированной ванне стала теплой, позволив мне в полной мере почувствовать рай на земле обетованной. Но сказки кончаются быстро. И, несмотря на протесты, меня извлекли, обтерли и начали натирать все тем же вкусно пахнущим жиром. Прикосновения к прохладной чистой коже горячих мужских рук вызвали волну мурашек.

– А если...? – томно шевельнулась сладенькая мысль.

– Размечталась, – чирикнул чужой голос у меня в голове.

Резко повернувшись к Воину, я рявкнула.

– И давно ты читаешь мои мысли?

Мирбок оскалился.

– А если так? – и в моем воображении родилась симпатичная львица, хищно смыкающая свои зубки на лоснящейся жиром заднице.

От неожиданности воин не громко вскрикнул и спешно ощупал рукой свою попку.

– Это уже больно, – запыхтел он, вперив в меня злобный взгляд. – А если так?

И он, взяв меня за подбородок, впился своим колючим взглядом. Волна чужого холода заставила меня ошетиниться образом снежной королевы, а волна чужого жара – заставила растаять и прорости громадными цветами алых роз.

– От этого тяжело удержаться, – буркнул Воин, отпуская меня. Отвернувшись, он начал одеваться.

– Ха! Да вы только посмотрите на этих голеньких петушков, – во все горло хохотал Роки, наблюдая за сценой, разыгравшейся в пещере. – Удача! Неожиданная удача. Вы то, как раз мне и пригодитесь, – и он потер холеные руки.

Крупница за крупницей в его голове складывался план действий.

– Сейчас, вот сейчас своим вторжением вы дестабилизируете пространственный континуума. Но одного твоего присутствия девочка просто мало. Найди решение и приведи в сферу Воина, ты же умница. Вы откроете для себя очень многое и весьма интересное. Чейнч, мои дорогие, небольшой бартер. И я уже почти готов на этот обмен.

И на его лице заискрилась довольная улыбка.

– Дальше тебе идти одной, – молвил Воин, подталкивая меня вперед.

– Но...? – я обернулась.

– Мужчинам туда хода нет. Только женщина может преодолеть этот портал и то, избранная.

– А если я не избранная?

– Тогда умрешь!

– Но ты не говорил мне этого раньше! – заволновалась я, пытаюсь сделать шаг назад.

– Ты справишься, волшебница, – чуть слышно прошептал Мирбок, и его взгляд, напоенный какой-то силой внутренних чувств, успокоил и придал мне силы. – Я буду ждать тебя здесь, возвращайся.

И, не давая мне опомниться, он сделал шаг назад. Черная упругая тьма надежно разделила нас. Я осталась одна, не успев даже осознать, что произошло. Но все когда-нибудь происходит впервые, поэтому сделав два или три неуверенных шага в крошечной темноте, я неуверенно крикнула: «Свет! Мне нужен свет!». И... свет действительно появился на два шага вперед и на шаг позади меня, совсем так же как в фантастических фильмах. «Ух, ты!» - проверяю шальную мысль, сделала шаг вперед, и свет шагнул со

мною, остановилась и свет застыл. И тогда с испугу я побежала. Сколько и куда бежала не помню, только свет всегда был от меня на два шага впереди и на один шаг сзади. Все остальное было непроглядная тьма. Внезапно возникшее препятствие резко затормозило мой резвый бег. И с гулким грохотом я осела на пол, устремив удивленный взгляд на открытую книгу, возлежащую на подставке в виде греческой колонны.

– О, книга, – буркнула я первое, что пришло в голову, – с тобой-то мы вроде знакомы.

И, поднявшись, смело подошла ближе. Да и впрямь, все та же книга, раскрытая неизвестно на какой странице, и толстущий слой пыли, мирно возлежащий на своем законном месте.

– Да, видать давненько с тебя пыль никто не сдувал, – ляпнула я первое, что забрело в мою голову для поддержки личной храбрости, – ну, чем порадуешь меня сегодня? Сказками, прибаутками, или чего дельного присоветуешь?

И я больше по привычке, нежели так, с удовольствием подула, а потом чихнула, а потом еще раз подула, и уже вознамерилась получить ответ, но... книга промолчала, игнорируя мои немощные потуги.

– Ах, ты, вредина. Я столько миль прошла, столько страху натерпелась, а ты в молчанки играть надумала. Нет, чтобы дочь свою беспутную на путь истинный наставить, как мать заботливая пожурить да помочь, так нет, она в кошки мышки играть задумала. Отвечай сей же час, негодница кибернетическая, пошто я в изумрудное государство попала, какие козни в пространстве сплетаются и как облаку облачко сделать, черта восвояси вернуть, а мне горемычной не скучно век свой докуковывать?

И пока с моих губ слетала эта пылкая тирада, я даже не заметила, что пыль, недавно сдутая со страниц, даже и не думает оседать на старое место, а наоборот, все больше клубится и разлетается, обволакивая меня со всех сторон.

В какой-то миг пришло осознание, что пыль проникла внутрь меня, в мой мозг и пытается пообщаться с ним. От испуга я попятилась и закричала, плавно переходя на визг. Сзади меня что-то щелкнуло, и я навзничь полетела куда-то вниз.

Мое сознание не скоро вернулось в покинутое тело. А тело при этом мирно возлежало на черном мраморном полу, терпеливо ожидая возвращения блудного духа. И в момент страстного воссоединения глаза открылись, пару раз моргнули и с удовольствием огляделись по сторонам. Я еще до конца не поняла, что произошло, но помнила, что с кем-то говорила и что-то отвечала, задавала вопросы и получала ответы. Сколько это продолжалось сказать трудно, может час, может день, а может и годы. Но когда наваждение прошло, я еще, находясь под властью чар, подошла к книге и взяла со страниц золотистый обруч, четко зная, что должна вернуться и привести сюда Воина, но прежде надо надеть на его голову это украшение, оно поможет ему без вреда пройти портал.

Путь назад не показался мне долгим и утомительным, пара шагов и я вынырнула из черной обволакивающей как резина субстанции, попав в обыкновенную темноту с неярким дотлевающим костром и фигурой неподвижно стоящего человека.

– Мирбок! – негромко позвала я голосом, осипшим от волнения и страха.

Темная фигура колыхнулась.

– Мирбок, это я, – произнеся эти слова, сделала шаг вперед и остановилась, уловив неяркий отблеск ножа в темной руке. – Мирбок, опомнись, это я – Лия!

– Волшебница? – голос выдал удивленную настороженность. Он нагнулся и подкинул веток в огонь. Стало чуть ярче.

– Давно тебя не было, – устало произнес он. – Подойди ближе к огню, я хочу посмотреть на тебя.

– Мирбок, ты с ума сошел. Меня не было только несколько часов, – спешно зататорила я, делая шаг к огню и внимательно вглядываясь в человека напротив.

Незнакомые заострившиеся черты лица, усталый, настороженный взгляд, а главное щетина, подсказывали мне, что отсутствие было не столь краткосрочным, как показалось вначале.

– Мирбок, нам надо идти. Он ждет нас.

– Кто?

– Понимаешь, там есть центр управления, и оттуда можно управлять пространством настоящего временного сегмента. Ну, это как главный нервный узел вашего временного континуума...

– Ты говоришь мне незнакомые слова. Так кто же нас ждет? – воин произносил слова пугающе медленно каким-то низким грудным голосом.

Я задумалась. Как объяснить? Как передать все то, что я видела? Как убедить поверить и довериться?

– Странник, – произнесла я тихо и уверенно, – Мирбок, нас ждет странник. Он просил надеть тебе на голову этот обруч, взять за руку и вести. И тогда черные демоны не тронут тебя.

– Значит ты прошла? Ты избранная? – почти шепотом произнес воин.

– И да, и нет, Мирбок! Нам надо спешить. Нас ждут. На равнине что-то неладно.

– Война уже началась, и мы опоздали?

– Нет – нет, но не стоит медлить.

Надев обруч на голову Воина, и немного поразившись, насколько он ему идет, я крепко сжала горячую ладонь и потащила его к проходу.

– Стой, один миг, – и быстрым движением он связал наши кисти тонкой, но прочной кожаной веревкой – Пошли! – глухо произнес он и отчаянно шагнул в пугающую неизвестность.

Неяркий свет освещал рабочий стол, заваленный книгами. Человек, склонясь над листами, упорно работал.

– Что показывают расчеты, Виватта? – спросил Роки, обращаясь к компьютеру.

Над столом висела голограмма планетарного сектора.

– Приблизь мне этот участок, – и человек продолжил внимательно изучать объемную карту.

– Итак, мы получили следующее. Черная звезда большой массы. Если привести ее в эту точку, – и он передвинул предполагаемый объект, – то гравитационные силы заставят белую звезду изменить свою траекторию, и она через пространственный портал уйдет из этой вселенной. Но уходя, по касательной заденет нашу маленькую планетку и подтолкнет ее к оранжевому солнцу. Гравитационные силы захватят малютку и встроит в планетарную систему. Приливные волны сгладят энергетический барьер. Да и розовое солнце, уходя со своей галактикой, не сможет разорвать планету. Тряхануть, тряханет, но думаю, этим и закончится. И наша планета, нет, Вивата, моя планета останется целехонька и невредима! Я – гений, Виватта! – подвел итог Роки.

– Но, мой господин, – бесстрастным голосом возразил компьютер, – черная звезда, подкрепленная энергией белого солнца заметно замедлит схлопывание пространственного портала, а, следовательно, превратится в звезду-убийцу для этой вселенной.

– Да-да, мы что-нибудь придумаем. А сейчас готовь все, чтобы наш план сработал.

Первые шаги дались нелегко. Бисеринки пота, выступившие на лбу Воина, выдавали в нем внутреннее напряжение и борьбу с родовым страхом. Но за плечами остались первые метры, потом сотые, и Мирбок расправил плечи, вздохнул полной грудью и пошел

вперед своей уверенной скользящей походкой, крепко удерживая меня за руку. А мне оставалось только успевать за ним.

Раскрытая книга и пара интересных по форме кресел показали, что нас уже ждут.

– Сядь в кресло, Воин, – произнесло пространство вокруг нас, – нам есть о чем поговорить. А тебя, Лия, ждет небольшой сюрприз.

Засеребрившиеся страницы книги полностью отвлекли мое внимание от реальности происходящего. Из состояния нирваны меня вывел строгий взгляд и недовольное восклицание.

– Как ты можешь пить такую вонючую гадость?

Окончательно выходя из цепких объятий потусторонней силы, я заметила, что удобно восседая в кресле, держу в руках обыкновенную чашечку с... черным кофе, аромат которого будоражил, а вкус очаровывал.

– Ах, оставьте меня, – с томной негой в голосе махнула рукой. – Вы все равно ничего не понимаете в женских вкусах.

– Да, ваши вкусы, сударыня, для меня и впрямь остаются загадками. Хотя, – и Мирбок сделал глоток из моей чашки, – я бы то же не отказался от бодрящего напитка.

Откинувшись в кресле, он обнаружил парящий рядом с подлокотником высокий стакан, наполненный какой-то оранжевой жидкостью. Делая небольшие глотки, мы оба наслаждались вселенской тишиной. Но где-то очень далеко, начал зарождаться и нарастать звук переливающихся колокольчиков, а на черном куполе, с начала несмело, а потом все более ярче стали проявляться белые, голубые, розовые точки. Небо. Звездное небо. Купол с мириадами звезд и галактик, и каждая из них пела свою песню.

– Где твоя звезда, волшебница?

– Не знаю.

Я озиралась по сторонам, пытаюсь хоть вскользь осознать, что же происходит на самом деле. Было ощущение, что мы сидим в огромном темном зале, а вокруг нас плывут и вращаются небесные странницы.

– Мою звезду зовут Солнце. – задумчиво произнесла я. – Но среди этой бездны небесных светил, я просто теряюсь. Моя звезда маленькая, и она испускает желтый свет, и вокруг неё вращаются планеты, и одна из них моя – Земля. Крошечная голубая планетка. Я безумно соскучилась по ней.

И память быстро нарисовала перед мысленным взором, горячо любимые и насмерть врезавшиеся в голову природные, городские и деревенские пейзажи.

– Смотри, это она?

– Вау! – изрекла я звук бескрайнего восхищения от возможности созерцать Солнечную систему со стороны.

– Откуда она пришла, ты заметил? Где, в какой части этого огромного пространства живет мой мир?

– Смотри, – и Мирбок указал мне нужное направление. И как бы в подтверждение его слов, система начала сначала медленно, а потом все быстрее удаляться от нас. И наконец, яркой прощальной искоркой вспыхнула на небосводе.

– Как ты думаешь, а где находится Изумрудная планета? – проявила я некоторое любопытство. Небосвод чуть-чуть повернулся и удалился. И где-то на самой границы горизонта почти с другой стороны вселенной неярко вспыхнула оранжево-белая звездочка.

– Этого просто не может быть, – констатировала я. – Это же черт знает где. И что, я просто перешагнула такую бездну пространства?

– Перестань паниковать, Лия. Ты здесь, ты со мной, – и он взял меня за руку.

– Приблизь ее, Мирбок. Она так прекрасна.

Но приближающаяся к нам картина, больше начала нас пугать, чем радовать. Две галактики, соприкоснувшиеся дальними орбитами. И в месте этого соприкосновения

возникла Изумрудная планета, разрываемая тремя звездами, а сзади, чуть видно проявился черный гигант, озаряющий пространство алыми всполохами. Зловещая картина буквально парализовала нас.

– Что это, Мирбок? – задыхаясь от страха, прошептала я, – Что это за страшная шутка?

– Нам пора, волшебница. – Страх и понимание того, что он уже знает, что тут происходит, колючим кристалликом застыли в его немигающем взгляде. – Нам надо спешить.

И он с силой выдернул меня из кресла, привлек к себе, крепко обнял и уже в следующий миг быстро повел в реальное время.

– Ты опять не слышишь, что я говорю?

Резкий вопрос принцессы вывел Макса из задумчивого созерцания. Перед ним стояла красиво и модно одетая молодая женщина, в ниточку сомкнувшая недовольные губки.

– Да, здесь не обошлось без положительного влияния Генеи, – мысленно отметил про себя царь. – И надо же, каким красивым стал этот гадкий утенок. Впрочем... - и уже вслух добавил. – И что же ты такое особенное говоришь?

– Что ты рано расслабился, война еще не закончилась.

– Да что ты? – съязвил Макс.

– Но как ты не поймешь, – пылко перебила его принцесса, – ими управлял белый луч, который создавал сильный и весьма недобрый волшебник. И мы его не нашли, потому что он наверняка прячется за тем невидимым барьером, в стране народа Рымбако, за который мы никак не можем проникнуть. И вообще, что ты знаешь об этом народе? С кем кроме жительниц водяной мельницы они общаются, ведут беседы, охраняют?

И она метнула колючий взгляд в сторону отца. Макс нервно пожевал нижнюю губу и, наконец, изрек.

– Я думаю, замуж тебе пора.

– Что? – с удивлением протянула принцесса. – Отец, ты о чем?

– Да вот думаю, засиделась ты в девках, – зло огрызнулся царь, осознавая правоту в словах дочери, – вот тебя в государственные дела и потянуло от нечего делать.

– Какое замужество? Ты, наверное, с ума сошел?

– Нет, моя дорогая, это ты себе многое позволяешь. Мамки, няньки, пеленки, распашонки - вот твое место. И не перечь.

Принцесса аж задохнулась от негодования.

– И за кого же, если не секрет, Вы меня выдать собираетесь, – зло прошипела принцесса.

– Дурацкое дело нехитрое. Подумаем! А ты иди-иди, готовься. Да еще, – решил поставить жирную точку царь, – нечего по полям как простолоудинка скакать, и с мужиками как с ровней общаться, хоть и генеральских чинов.

Плотно сомкнутые губы принцессы побелели от ярости, но она сдержалась от возражений. Наоборот, подчеркнуто медленно она повернулась спиной к отцу и неспешно покинула зал, всем своим видом выказывая пренебрежение к последним словам отца.

– А Петрархиус предупреждал, – горько подумал царь, провожая взглядом упрямую дочь, – и генерал тоже хорош, удружил. Сделал из девчонки даму. Ну, позабавился. Так нет, ему влияние и политику подавай, победитель хренов. Замуж. И с этим, думаю, не стоит затягивать.

Обратный путь не был отмечен какими-то эксцессами и приключениями. Завидев воина, народ сдувало как ветром. Да, мы и сами не стремились к общению. Последние солнечные дни дарили мне радость дороги, а теплая «грелка» во весь рост согревала холодными ночами. За весь путь Мирбок так и не рассказал мне, о чем они говорили со странником, да я особо и не спрашивала, торопясь домой к Генее, Максу, к друзьям, к привычным вещам. И только страх увиденного леденил мое сознание.

Иногда вечерами я ловила на себе странные взгляды, то внимательные и суровые, а то ласковые, изучающие. Но воин не делал попытки сблизиться, а я не лезла в душу с расспросами.

Но однажды мы остановились на привал у дивного лесного озера. Над водой поднимался туман, подсказывая, что вода не холодная. Раздевшись, в мириаде брызг я погрузилась в это обыкновенное чудо, смывая с себя усталость и пыль долгого пути.

Очень скоро я поняла, что в озере не одна. Сильные гребки, плывущего ко мне человека, возбуждали глубоко сокрытое вожделение. Из воды мы выбрались вместе, держа друг друга за руки. Но даже на берегу Воин не отпустил меня, а развернул к себе и нежно прижал к своему сильному разгоряченному телу.

– Завтра мы будем там, где я не смогу тебя защищать, волшебница. А сегодня? Пусть это будет наша ночь, доверься мне, - и его умелые руки повели нашу ладью к берегам наслаждения и страсти.

Мы оба были опытны и не боялись любовных утех, умело растягивая минуты наслаждения и обладания, короткого отдыха и экстаза. Мы чувствовали друг друга и предвосхищали желания. Наши мысли и эмоции сливались и пели песню любви в унисон. Мы наслаждались и упивались, мы обладали и отдавались...

Утром Воин был молчалив, да и мне особо не хотелось разговаривать. Ночь что-то изменила в нас. Мы были просто предназначены друг для друга, но только, никак не хотели сознаваться в этом.

– Уди, ты только посмотри на эти эмоции! Это все и ничего одновременно. – С восхищением воскликнул Прики.

– Я никогда не видела ничего более красивого, – зашептала красавица, заламывая свои нежные ручки.

– Это преддверие! Понимаешь, это преддверие очень сильного чувства, но это еще не любовь...

– Тебя ждут, Лия, – спокойный голос Воина вывел меня из задумчивого состояния.

Чуть впереди, и правда, стоял небольшой отряд хорошо вооруженных людей. Но приближаться к нам они не спешили. Воин присанился и заметно посуровел. В воздухе повисло невысказанное напряжение.

– Это кольцо позволит тебе найти меня, когда придет время, – сурово произнес Воин, беря мою левую руку и одевая на средний палец кольцо из зеленоватого металла, тяжелого и холодного. Размер кольца, на удивление, пришелся впору. А три камешка белый, оранжевый и розовый, ярко блеснув, потускнели и стали почти невидимы.

– Мирбок, что это?

– Это мой тебе подарок, волшебница. Иди, тебя ждут, – и, подчиняясь его команде, моя лошадь быстренько засемила к группе встречающих.

– Приветствую всех, – церемонно произнесла я. – О, Петрархиус! Как я рада тебя видеть.

– Сударыня, – перебил меня придворный маг, – давайте поспешим, нас давно заждались.

Его холодный и надменный тон несколько удивил меня.

– Что-то случилось? Как Макс, Геня?

– Сударыня, не усугубляйте своего положения. Вам надлежит немедленно вернуться домой.

И по его знаку, воины окружили меня плотным кольцом.

– У-у, какие мы сурьезные, – понесло мое красноречие, – можно подумать, что я ваша пленница или еще хуже, военный трофей.

От негодования я порывисто поднесла левую руку к волосам и поправила непослушную челку. Увидев кольцо на моей руке, стража посуровела, отступила на шаг, но круг не разорвала. Плотно сжатые губы и косые взгляды подсказали мне, что с этим кольцом не все так просто.

– Прежде чем цеплять на себя всякие гадости, – колко заметил маг, – не мешало бы поинтересоваться историей и наследственностью.

– Во-во и я о том же, – съязвила моя обиженная натура, – одни кольцо надевают, другие арестовывают, третьи так вообще под откос пускают. А вот объяснить, что и почему, и что за это будет, как то никому не досуг.

Но моя тирада осталась без должного внимания.

Отряд молча двинулся в путь. На одном из поворотов мне удалось обернуться назад. Воин, как темная гранитная глыба, неподвижно стоял на пригорке.

– Прощай, Воин, – мысленно произнесла я, – мне с тобой было хорошо!

– До встречи, волшебница, – засеребрилась в голове чужая мысль, – наши пути еще пересекутся.

И воин, развернув коня, исчез из нашего вида.

Черт и спаситель подлунного мира – вот ведь бывает такая несправедливость. Чеки чуть не плакал, неспешно ковыляя по ухабистой дороге после встречи с могущественным Роком.

– Мой господин! Я думаю, была третья сила, которая пыталась овладеть этим миром. Кто они?

– Вот тут я пока в неведение, мой друг Чекион. Кто-то же нарушил все законы природы и оставил этот мир жить. Я тоже частенько задумываюсь кто? Медальон, Чекион, он предмет третьей силы, его надо найти.

Медальон, нехитрая безделушка, где он? Геня или Лия – роковая женщина этого мира.

Медальон - ключ к чему, к какой двери, к какой тайне?

– Макс, дорогой, как же я рада тебя видеть, – воскликнула я, спрыгивая с лошади и устремляясь навстречу небольшой группе. – Ты даже не представляешь, где я была. Там, там такое сокрыто! Там чудовищная сила, и ни какая война не нужна.

Несильная, но звонкая пощечина буквально на полуслове прервала мой монолог.

– Вы забываетесь, сударыня! – холодно и надменно прозвучала вполне отрезвляющая фраза. – Капитан, препроводите графиню в её дом до дальнейших наших распоряжений.

Макс отвернулся и продолжил прерванный мною разговор.

– Что случилось? – застыл немой вопрос, и горькие капли слез навернулись на глаза. Щека пылала пламенем, а в душе нарастало негодование. – Ну, вот и объяснение в любви, – кольнула ехиднёнькая мысль. – А ты что хотела? Пылких объятий? Милая ты вернулась? А мы тут в войнушку играем. Может теперь, поиграешь на нашей стороне?

Слезы обиды не удержались и горькими струйками выдали мое бессилие. Глубоко вздохнув, я резко развернулась и, не обращая внимания на ехидные взгляды королевской свиты, устремилась назад.

– Хочу домой! Очень хочу домой! В ванну и спать. И пошло все... Как? Как он мог? При всех? – Бойко метались мысли в моей голове.

– Все, стоп, – резанула пространство холодная эмоция. – Уже все неважно! Ничего не имеет смысла.

И с этой горько-кислой оскоминой, я как самнамбула провела остаток дня. Дом родной и чужой одновременно встретил меня теплом, уютом и ... пустотой. Радостная и говорливая Генея порхала около, вываливая на мою брентную голову каскад событий последних недель. Мы обсуждали что-то, посмеиваясь. Но в душе уже зародилась и властно расширяла свои владения пустота.

Ни что не имеет смысла! Уже ни что не важно!

Неделя, прожитая в доме, не принесла ни радости, ни утешения. Золотая клетка захлопнулась, я под домашним арестом. Двое стражей у ворот, пяток слоняется по саду. Генея - то появляющаяся из ниоткуда, то исчезающая в никуда. Тайны, которые все обсуждают в полголоса. Повальный энтузиазм от предстоящих военных действий. Все готовились к войне, разговаривали только о будущих победах, шили новые наряды в полувойском стиле. Голос разума и дипломатии заблудился где-то в лабиринтах человеческих амбиций.

Чеки, наимудрейшее создание, интенсивно наращивал влияние, как с одной, так и с другой стороны барьера. Он как рыбка в воде купался в мире политики и бизнеса. Его солидность значительно подросла. А какофония медных труб буквально оглушала воспеванием и прославлением.

– Ах, Лийка! Ты даже не понимаешь, что творишь! Макс так переживал за тебя. А ты доверилась нашим врагам.

– Врагам Макса или твоим врагам?

– Да брось, Лия, – поморщился черт, – империя на пороге войны, барьер скоро спадет и ...

– Ты станешь абсолютно богатым, жутко влиятельным, серым кардиналом при двух королях. Одному пошептал на ушко, другому погрозил пальчиком, всё чики-чики и золото в схрон.

– А ты злая вернулась из своей турпоездки. Что, судьба подкинула двух мужиков сразу, и ты не знаешь к кому прильнуть? Один хорош, да и другой вроде не лыком шит, - хихикнул Чеки.

– О, милый Чекион, ты как обычно зришь в корень. Только судьба послала мне трех мужиков: царственного, волшебного и зажавшегося нахала, весьма симпатичной внешности, двурогого и парнокопытного.

Чеки от души засмеялся.

– Лия, друг сердечный, ты, конечно, ангел, но твои зубки очень напоминают оскал пираньи. Пожалей бедного плутоватого черта, да возлюби его, как ближнего своего...

– Да отпусти ему грехи, – загнусавила я в тон черту, – вольные и невольные, зримые и незримые... Аминь. – Поставила я жирную точку.

От неожиданности черта подняло и перевернуло, сплющило и перекособочило. И он пулей вылетел из так неожиданно освещенного пространства.

После возвращения Макс не заходил ко мне больше недели. Но однажды нарисовался в дверях и с ходу ринулся в любовую атаку.

– Как ты могла? Как ты до этого просто додумалась? Почему с тобой поехал наш самый страшный враг?

– Мирбок – враг? – искренне удивилась я.

– Да, Мирбок, этот серый воин. А ты знаешь, что это один из сильнейших магов, воин не знающий ни жалости, ни пощады. Человек, которого бояться по обе стороны барьера, а ты? – и вдруг Макс запнулся, сощурил глаза и пристально посмотрел на меня, – так как ты сказала его зовут – Мирбок? Он сам тебе так представился или его кто-то назвал?

– Не помню, – искренне удивилась я, пожав при этом плечами. – А что?

– Неужели ты не знаешь, – свысока упрекнул меня Макс, – если волшебник открывает свое имя, то он становится уязвим?

– Ну, тогда это псевдоним, – легко отмахнулась я от проблемы.

– Что?

– А ты разве не знаешь? Ложное имя. – Невинно скопировала я его.

– Один один, сударыня, – спрятал свое недовольство король за восклицанием. – Чаем-то меня в этом негостеприимном доме напоят?

И дальше разговор потек на отвлеченные темы. Но очень быстро стал обоим неинтересен и затих. В гнетущем молчании, погруженный каждый в свои мысли, мы допивали последние глотки ароматного чая.

– Да, сударыня, – поднимаясь, сказал царь, и пристально посмотрел мне в глаза, – надеюсь, при следующей встрече Вы будете более открытой и откровенной.

И, наклонившись к ушку, как бы для поцелуя, негромко шепнул: «А то ведь слухи разные до меня донесли».

– Все это должно быть, невероятно, любопытно, ваше величество, – и я почтительно склонила голову и чуть присела в реверансе, радуясь тому, что могу спрятать свой колючий взгляд. Макс сделал быстрый шаг назад, резко развернулся и прошествовал к двери, бросив через плечо:

– До встречи, сударыня.

Затихающий цокот копыт сообщил мне о спешном отъезде последнего.

– Вот так встреча, – услышала я со спины голос Генеи, бесшумно вспорхнувшей в комнату, – да, любовной ее явно не назовешь.

– Лапочка, давай попьем чайку, – попыталась я взять себя в руки, искренне попросив подругу. – И, пожалуйста, давай не будем об этом.

– Не будем, так не будем, – сразу согласилась она, – А Мирбок – это его настоящее имя?

– Да, я то откуда знаю, ведь магичка у нас ты, а не я, и ...

– Да, ладно не кипятись, – улыбнулась Генея, – ты посмотри, что я тебе принесла. – И она протянула мне две серых пушистых варежки, – это тебе Ядва передала. А еще она сказала, что когда ты покинешь этот мир, они будут напоминать мне о тебе. – С грустью в голосе закончила она. – А когда ты собираешься исчезнуть?

– Генея, отстань и не задавай глупых вопросов. Все равно не отвечу, так как не знаю. По слогам. Не-зна-ю.

– Забавная ты, Лийка. Давай лучше и вправду попьем чайку.

Куда больше событиями моей турпоездки интересовался Чекион. Он несколько раз спокойно и дотошно расспрашивал меня, вникая в разные мелочи и сопоставляя факты. Особо его заинтересовал рассказать об открытой книге: что она из себя представляет и как

работает; что хотела и чего добились. Пару раз он снизошел до объяснений, почему всех так напрягло мое отсутствие, а особенно напрягает мое присутствие.

– Лиечка, золотко, ты давно стала ключевой фигурой в чьей-то игре. Только бы не мешало понять в чьей, – разглагольствовал черт. – Но ты не расстраивайся, мы обязательно во всем разберемся.

Не меньшее внимание уделил он медальону. Внимательно рассматривал его, крутил в руках и даже для верности попробовал на зуб. Как истинный эстет с удовольствием восхищался его инкрустациями, вензелями и вообще общим видом. Медальон в его руках себя ни как не проявлял. Поэтому пару раз повертев его, Чеки со вздохом возвращал находку назад.

– Да, – сделал вывод черт, – эта штука со мной общаться не собирается.

Иногда меня тоже тянуло порассуждать на философские темы.

– Чеки, кто по-настоящему правит этим миром? И почему мы здесь? И что будет дальше?

– Наслаждайся текущим моментом, моя дорогая. А дальше? Ты же изучала историю своей цивилизации?

– Зарождение, развитие, война, возрождение, новый виток развития, война, а по-другому нельзя?

Чекион снисходительно улыбался моим наивным желаниям.

– Ход событий еще никто не отменял. Чтобы увидеть новое, весьма неплохо стряхнуть старое.

А в королевстве все шло своим чередом, только семимильными шагами. Все повально готовились к войне и, причем не просто к войне, а обязательно к победе. И даже врага себе придумали – народ Рымбако, а мракобашки – это их порождение, и это они пожирают все краски и убивают мир Изумрудной, и их обязательно надо убить, с ними нельзя ни о чем разговаривать, они такие...

– Макс! Война убьет экономику твоей страны. Остановись, пожалуйста, послушай.

– Что ты понимаешь в экономике? – снисходительно улыбнулся Макс, – ты красивая женщина, вот и оставайся ею.

– Да, ваше величество, – съязвила я, – быть красивой и глупой, наверное, удобно. Но у меня, к сожалению, это не получается. Горе от ума.

– И что же на этот раз беспокоит твою заботливость?

– Ты знаешь, я иногда возвращаюсь к картине на скале. Это же какого уровня развития должна быть цивилизация, что смогла не только нанести рисунок на скальную породу, но и сделать какие-то колоссальные вселенские расчеты, учитывая перемещения и вращения галактик, звезд, планет? Все это обчислить, совместить и в определенный срок заставить проявиться?

Макс молчал и задумчиво созерцал игру вина в высоком бокале, не перебивая, давая мне выговориться.

– Знаешь, на земле ведь немало примеров того, что люди столетиями жили рядом с посланиями предков и не замечали их, пока технологии не достигали нужного уровня. Так мы не видели рисунки долины Нэски, пока не научились летать.

– И что они вам открыли? Это, конечно, все интересно, Лия. Но ты преувеличиваешь значимость всего этого. Наскальный рисунок, конечно, интересная вещь, но это всего лишь большой рисунок. Ты увидела там самолеты, а кто-то увидит свое или вообще ничего не увидит. А я живу здесь и сейчас. И в моем мире назревает война.

– С кем, Макс? – эмоционально вторглась я в его монолог. – С народом Рымбако? Но это же смешно, им не нужны ни вы, ни ваши земли, да и вы сами. Я думаю, что не сможете сделать их своими рабами.

– А вот думать то Вам как раз, сударыня, и не стоит, – и добавил, не удержавшись, Макс. – Не потому ли Вы так рьяно защищаете этот никчемный народ, что там есть Воин, к которому Вы готовы неравнодушно дышать? Или может вы их шпионка?

После таких разговоров мне становилось скучно. Возможно, мое раненое самолюбие просто не хотело признавать поражение. А разочарование чужим миром и повторяющейся историей событий, порождало депрессию. Меня все чаще начал раздражать веселый щебет Генеи, как птичка, приносившая из внешнего мира кучу сплетен, домыслов и другой чепухи. Я реже стала бывать в обществе, при моем появлении стихали разговоры, а откровенно враждебные взгляды побуждали все чаще вспоминать, что я чужая в этом мире и в этой стране. Макс не делал ничего, чтобы хоть как то изменить ситуацию. Наверное, он просто мстил. Вечерами я уходила к себе в комнаты и оставалась одна, бездумно любуясь красками уютного гнездышка, брызгами фонтана, наслаждаясь одиночеством и скукой. Иногда ко мне присоединялся Рымбако. Он появлялся тихо, ниоткуда, садился рядом и часами смотрел на игру воды. Мы уютно молчали, не мешая друг другу думать каждому о своем.

Не часто мое затворничество нарушал Чеки. Иногда он шумно шутил, заставляя меня смеяться какой-нибудь глупости. Иногда просил напоить вкусным чаем, а иногда он просто танцевал со мной вокруг бассейна и в эти минуты был чопорным и надутым как индюк. Но в целом моя жизнь потеряла какой-то внутренний смысл. Я задыхалась в золотой клетке и не понимала, куда и как из нее выпорхнуть.

И только Петрархиус остался чутким и заботливым другом. Он не боялся сплетен и грубо обрывал все нападки в нашу сторону. Мы частенько стали зависать с ним в старой башне, подолгу листая книги или обсуждая прочитанное. Иногда к нам присоединялся и Макс, но очень скоро ему наскучивали темы наших бесед и он, не прощаясь, уходил. А я, провожая его взглядом, просто физически чувствовала, как внутри нарастает холод и пустота.

– Рок, что ты наделал? – в смятении Уди заломила сплетенные руки, – Как? Как теперь спасти эту галактику?

Она стояла в центре зала, вся окаменевшая и испуганная. Неестественная бледность выдавала бурю, бушующую в ее душе. Черная звезда, как злой рок, нависшая над маленькой планеткой, пугала и леденила сознание. Единственная мысль пульсировала в ее сознании. Она и только она стала причиной этой трагедии вселенского масштаба. Как она могла за игрой этих мужчин не увидеть, не уловить, не понять их черный замысел. Что же делать?

– Я помогу заглянуть тебе вдаль.

– Рок, смерть планеты нельзя допустить!

– А кто говорит о смерти?

– Но эта звезда, что приходит из другого пространства...

– Да, эта звезда весьма существенный дестабилизирующий фактор, – спокойно заметил вельможа, – но я предполагаю, что волнения преждевременны. Ты хочешь увидеть, что будет дальше? Смотри.

Изображение увеличилось и ожило, красная корона черной звезды полыхнула в пространстве, зловеще обагрывая все другие светила. И вот поблекла, а потом и вовсе потухло белое светило, маленькая планетка вся задрожала, завибрировала в гравитационных объятиях черного монстра. Яркая вспышка и ...

От неожиданности Уди сделала шаг назад. Она вся трепетала. Сильные руки нежно обхватили ее за плечи и придали мужества и сил. А Рок зарылся губами в волосы прекрасной дамы и нежно поцеловал в основание шеи. Жар непознанного буквально накрыл Уди.

– Мне показалось, что ты поцеловал меня?

– А вот это уже интересно, – подыграл Рок и развернул к себе девушку.

Он заглянул в ее глаза и забрал все ее страхи. Их поцелуй смел все барьеры, его опытность вела спутницу к пику непознанного наслаждения. Но буквально за миг до ..., он ослабил свои объятия и нежно заглянув в глаза, тихо попросил: «Доверься мне, маленькая планетка будет жить, ее краски не поблекнут, хотя и чуть-чуть потускнеют. Поверь, мы еще не один вечер проведем, любуясь этим изумрудным миром и его дарами». И он очень нежно смахнул хрустальную слезинку, скопившуюся в уголке прекрасных девичьих глаз.

– Лиечка, мой событийный запас иссяк или зашел в тупик, – самовлюбленно изрек черт, наслаждаясь ароматом свежесваренного кофе и в очередной раз пытаюсь выдернуть меня из флегматичной депрессии. – Я бы сейчас с удовольствием покопался в чужих секретах. Не поделишься ли?

– Чеки, от тебя ли я слышу эти забавные стенания? – поддержала я его шуточный тон. – Не уж то тайны двух соседних миров открыты, разложены по косточкам и убраны в архив?

– Мне жутко не хватает румянца на твоих щечках, стремительной походки и мимолетно сорванного поцелуя.

– А как на счет библиотеки со старыми запыленными свитками, многоэтажными полками с тайнами и полумраком.

– Так вот где вы встречаетесь с Петрархом? Ура. Я открыл вашу тайну! – шутливо воскликнул черт.

– Чеки, а в старой башне и правда есть старинная библиотека, где хранятся безумно интересные книги, фолианты, свитки и некоторые даже с картинками. Но главная тайна этого места, – загадочно зашептала я, – это открытая книга. И, между прочим, она умеет говорить, и иногда даже отвечает на мои вопросы, правда еще большими загадками, так что я даже не понимаю, что она мне хочет передать.

– Может, навестим ее? – восторженно воскликнул черт.

– Но я не знаю, как пройти в старую башню минуя всех. А тащиться через весь замок не хочется, – сморщила я кислую рожицу.

– Миледи, я открою тебе маленький секрет, – шутливым тоном заворковал черт, – как в любой старой башне, на любой старой планете есть обязательно старый потайной ход, о котором все обязательно забыли. Так что поднимай свою милую попку и пошли читать чужие тайны.

И Чеки поднялся, сладостно потирая руки в предвкушении грядущего удовольствия.

Я думала, что книга заартачится нашему вторжению. Но, видно, черт и тут имел немалое влияние. После того, как он заставил меня приложить медальон к страницам книги, их диалог перешел в общение очень старых друзей, понимающих друг друга с полуслова, а, главное, не украшенный лишними эмоциями. Под это равномерное бубнение я очень скоро потеряла всю нить разговора и мило задремала, за долгое время, погрузившись в волны спокойствия и умиротворения.

– Чекион, нет ли у тебя новостей достойных моего внимания? – двое мужчин сидели за столом в зале, где весь интерьер состоял из бархатного купола неба, усеянного мириадами звезд.

– О да, мой господин, – и черт почтительно склонил голову, – медальон в подлунной и обладает им женщина, которая может быть нам весьма полезна.

– А что еще?

– В подлунной затевается война.

– Ну, драчки царьков местного пошиба меня вообще не интересуют. Хотя что-то все-таки может пригодиться. А что-нибудь существенное, лорд. Никогда не поверю, что такой проныра как ты не припрятал что-нибудь интересенькое.

Чекион улыбнулся.

– На планете сохранился информаторий в виде раскрытой книги, но он как-то странно работает. Точнее два информатория, но они пока не имели возможность осознать друг друга.

– А вот это уже что-то, – сделав бровь домиком, воскликнул Рок. – Это больше чем что-то, это весьма даже существенно. Нужно чтобы кто-то разбудил их, заставил работать. Своими сетями они накроют планету, и в момент осознания включится процесс синхронизации и будет энергетический всплеск. Он то и поможет черному гиганту пробить пространственную брешь. Теперь мне не нужен даже спутник! Остальное дело физики.

– Физики чего, мой господин? – насторожился черт.

– Неважно, Чекион. Главное, у меня теперь все получится, – и Рок забубнил себе под нос какую-то песенку, при этом самодовольно улыбаясь своим мыслям.

И в тот момент, когда гость уже собрался покинуть своего господина, Рок невозмутимо напомнил:

– Не забудь, Чекион, женщина и медальон могут запустить информатории. Используй их.

После общения с книгой Чеки на несколько дней заперся у себя в кабинете и ни с кем не хотел общаться. Однажды спустившись в общую залу, он буквально шокировал нас своим видом. В помятом костюме, с красными глазами и осунувшимся лицом он производил удручающее впечатление.

Петрархиус, находившийся у нас в гостях, с нескрываемой тревогой подскочил к другу.

– Чеки, что с тобой?

И требовательно прошептал: «Рассказывай!»

– А что рассказывать?

Черный карлик взойдет в черном небе,

Свет померкнет, светила умрут.

И хозяина сменит планета,

Правда есть один призрачный путь...

– Чеки, а как твое полное имя? – неожиданно для всех обратилась я к черту, – Чекион?

– Лорд Чекион, – пафосно представился черт.

– Так, похоже на планетке-то собрали всю элиту, – констатировала я, и все вокруг внимательно посмотрели на меня, ожидая очередной пакости. – Позвольте представить – Рымбако – правитель одной планеты; Максимилиан – правитель другой. Сегодня занимающие каждый свою половинку и бесстрашно готовящиеся к войнушке. Петрархиус и Геней – понятно, правые помощники у левого уха. Лорд, каким ветром вас-то сюда занесло? И я вам зачем?

Подчиняясь моим словам, все дружно перевели взгляд на Чеки.

– Лия, твой ум меня всегда восхищал. Пути его логических ухищрений – это увлекательная головоломка. Но вернемся к делу. Как ты правильно заметила, объятая огнем Земля на легендарном рисунке и планета, на которой мы сейчас пируем, одно и то же космическое тело. И у некоторых могучих проснулось желание прибрать это тело в хозяйские ручки. Все бы ничего, да один случайный фактор ломает всю игру. Ваш хлопок, моя импровизация и медальон, решивший, что пора сменить хозяина... В общем, теперь мы имеем то, что имеем.

– А что мы имеем? – вкрадчиво уточнила Геня.

– Да черт его знает, – отмахнулся черт и устало опустился в кресло. – Война наших царьков – это мелкая неприятность, о которой даже не стоит задумываться, пусть развлекаются сердешные. А вот развлекуха царей повыше может нам стоить жизни и не только нам, но и этой красивой изумрудной планете. И даже это полбеды. Петрархиус, дружище, налей незадачливому и глупому лорду.

Сделав большой глоток, Чеки продолжил.

– Где-то есть еще одна сила, очень коварная и очень могущественная. Это она, нарушая все законы природы, сотворила этот мир. Как? Зачем? И для чего? Не спрашивайте, не знаю. Но знаю, что господин поменьше хочет продолжить игру на выживание. И очень скоро около Изумрудной появится черная звезда, звезда смерти.

Мы все застыли от ужаса услышанного и невозможности осознания всего масштаба надвигающейся катастрофы. И тем страшнее прозвучали слова Петрархиуса, произнесенные в абсолютной тишине.

– Так вот что значат эти слова из старой книги: «И один лик ключа откроет мир черному демону, и обуглится все живое, и воспламенет земля. И откроется другой лик. И развернется колыбель миров, и рухнет гранит скалы. И уйдет она в свой предсмертный путь...» Чекион, Лорд Чекион, ключ, здесь говорится о каком-то ключе.

– Что можно сделать? – шепотом с дрожью в голосе произнесла я.

– Да, Лия, ты как всегда хлопнула в самый крутой завиток, – и, кряхтя, черт поднялся с места и церемонно поцеловал мне руку. – Ну, что ж! Похоже где-то расставлены фигуры. И начинается финальная игра.

А за окном лютовала непогода.

Высокий мужчина посередине круглого зала. Его взгляд задумчиво разглядывал голограмму удивительной планеты.

– Механизм взведен, все на местах, пора спускать курок.

Резко развернувшись, усилием мысли он потушил голограмму и от громкого удара сердца он сжал, а потом расслабил кулаки. Рубеж пройден.

Резкий ветер взъерошил локоны Удачи. Приключение невольно улыбнулся, вдыхая чуть уловимый запах перемен. Старик судорожно вздохнул и медленно выпустил воздух, откинувшись на спинку кресла.

– Чет или нечет?

Небольшой отряд поспешно поднимался по склону невысокой горы. Укутанные в теплые плащи, всадники продирались сквозь резкие порывы встречного ветра. В воздухе осязаемо звенело напряжение. Лошади нервно фыркали. Но люди настойчиво двигались к своей цели. Неожиданный поворот и ветер стих, открывая перед группой фантастический по своей красоте пейзаж. Три солнца заливали долину, раскинувшуюся у подножья, серебрившимся светом. От чего город, купающийся в их лучах, казался феерическим и нереальным.

Околдованные этим зрелищем, всадники остановились.

– Господа, время не ждет, – поторопил всех генерал.

Соскочив со своего скакуна, он помог даме спешиться. И, взяв ее под руку, направился к скальному храму, где их уже ждал священник.

Остановившись у края террасы, принцесса пристально вгляделась в небо. Где-то там, в глубине великого космоса, за тремя солнцами белесой дымкой наметился контур космического гиганта. Он гипнотически приковывал взгляд, вселяя в душе парализующий страх.

– Что это, Першил? – побелевшими губами прошептала Азалия.

– Худшее сбывается, моя королева, – глухим, внезапно осевшим голосом, ответил генерал. – Черный маг начал свой дьявольский танец смерти. И никто там внизу... – И он небрежно с горечью кивнул в сторону города, – никто...

Обняв девушку за талию, он с силой привлек ее к себе. Другой рукой убрал прядь непослушных волос и, пристально взглянув в ее страхом поблескивающие глаза, он твердо произнес:

– Не бойся ничего, моя девочка, ты станешь настоящей королевой. И перед тобой приклонят колени и люди, и маги. Ты сможешь повелевать, карать и миловать. Твои враги будут повержены. Я клянусь тебе в этом своей жизнью. – И он нежно поцеловал ее в губы.

– Нам пора, ваше сиятельство. Сейчас или никогда. Прошу вас следовать за нами, господа.

Генерал, нежно поддерживая молодую женщину, повел ее к алтарю.

Мы стояли пятеро в большом зале нашего дома Рымбако: Мирбок, я, Чеки и Петрархиус.

– Час икс настал. Впереди темные времена, друзья мои, – фатально изрек лорд Чекион. – Каждый из нас обладает силой и готов сделать последний рискованный шаг и подтвердить свой выбор. Помните, мы должны действовать быстро и слаженно. Петрархиус и Рымбако, вы поможете Лие добраться до открытой книги в старой башне.

– А если мы встретим Макса?

– Вы либо договоритесь, либо будете с боем прокладывать себе путь, но Лия должна, слышите, обязательно должна дойти до книги.

И Чеки обвел всех присутствующих усталым и тяжелым взглядом, остановив его на воине.

– Мирбок, тебе надо любой ценой уничтожить скалу, даже если придется перенести и принимать бой здесь в подлунном. Многие тебя поймут и поддержат, но будет много и врагов. А, если я приведу для тебя чужую машину, тогда ты будешь один, и тебя возненавидят все! Ты будешь живая смерть.

– Я – воин, Чеки, – перебил черта Мирбок, – я принял решение и пойду до конца.

Взгляд лорда смягчился.

– Тогда мне пора, – закончил он свой монолог. – Я должен пойти туда, откуда не возвращаются. Говорить с тем, кто не прощает. Зачем? – и он пожал плечами.

– За своей потаенной мечтой, мой дорогой чертик, – ласково напутствовала я.

И в следующий миг он уже стоял в черном зале всемогущего Рока. Рок на полуслове прервал диалог с прекрасной Удачей.

– Как ты посмел, презренный раб, – медленно повернул он голову с пылающим взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Мой господин, – и Чеки, как подкошенный, упал перед сиятельной парой на одно колено. – Я позволил себе это святотатство лишь потому, что поднебесная умирает.

– Ах! – воскликнула смертельно побледневшая Удача, делая полшага назад.

Рок с досадой развернулся к своей милой гостье и, удерживая ее руку, нежно поцеловал кончики пальцев.

– Одна умрет, другая родится, – пренебрежительно кинул он через плечо.

– Удивительная и нежная Удача, – набравшись небывалой смелости, продолжил Чек, – вам, как и мне не безразлична эта планета. Она ведь как бескорыстная мать дарила своим детям то, что они желали. Все терпела и не просила ничего в замен. Это большой грех предавать.

– Дерзкий раб, ты забываешься! – перебивая, воскликнул Рок, испепеляя произвольного заступника грозным взглядом.

Чеки весь съежился, предвкушая свои последние минуты, и все же он негромко произнес.

– Я видел своего господина разным: разъяренным и благородным, карающим и прощающим, но никогда злым роком. Простите меня за дерзость, мой господин, – и черт еще ниже склонил голову, как бы подставляя ее под удар карающего меча.

– Роки, милый мой Роки! – спешно вмешалась Удача, – этот дерзкий слуга где-то прав. – И она нежной улыбкой смягчила суровый взгляд непреклонного господина. – Ведь мы тоже чуть-чуть виноваты в случившемся, – и, повернувшись к Чеки, добавила, – что тебе надо, что бы предотвратить беду?

Не веря своим ушам, что смертельная казнь на сей раз миновала.

– Самолет. Ваш самолет, моя госпожа.

– И всего-то, – засмеялась прекрасная Уди, – он твой, смелый раб, покажи на что ты способен.

– Да благослови меня удача, – прошептал черт, еще до конца не веря в свое везение, и с негромким хлопком он эффектно покинул зал.

Петрархиус и я в сопровождении Рымбако и его личной охраной стремительно неслись через весь замок к старой башне.

– Что это за шутки? – резко остановил нас возмущенный голос Макса. – Что здесь делают эти нечеловеческие отродья? – и короткий меч блеснул в его руке.

Но Петрархиус и я смело вышли вперед, живым щитом встав между враждующими сторонами.

– Сейчас не время, – жестко произнесла я. – Надо спешить!

– Ты?! – удивление и пренебрежение отразились на его перекошенном злобой лице так, что даже было не понятно, к кому он больше обращается ко мне или Петрарху.

– Ваше величество, – церемонно выдавил из себя маг, – Лие обязательно надо попасть в башню. Это очень важно!

Будто не услышав его слова, Макс подошел ко мне.

– Я был с тобой рядом. Я столько делала для тебя. А ты? – произнес он, неспешно обходя меня вокруг. Я вознес тебя до небес, сделал богатой и знатной. А ты? Ты все растоптала под копытами этих выродков, – и он с негодованием мотнул головой в сторону Рымбако, который побелел от закипающей в нем ярости. А Макс все больше заводился от моего молчания и видимого спокойствия. – Ты погубила все, мой мир, мою жизнь, мою любовь. Ты хоть любила меня чуть-чуть или просто использовала в своих интересах? Ну, конечно, ты же всего лишь маленькое ничтожество своего технического мира, а здесь ты взлетела до высот королевы!

Каждое слово, слетающее с его губ, больно до крови хлестало мое сердце. Я крепко сжала зубы, чтобы не отвечать, но мое напряжение выдавали играющие на скулах желваки. Не мигающим взглядом я смотрела на Макса и его буйство, и только одна мысль набатом стучала в моей голове: «Молчи - это уже неважно. Ты сделала выбор, все остальное уже не важно! Все остальное уже совсем неважно...»

В какой-то миг, осознав критичность момента, абсолютно спокойным, тихим, но властным голосом я произнесла:

– Макс, это уже не важно. Мне надо в башню, пусти нас!

– А если я не пущу? – Одновременно взметнулись голос и меч.

– Начнется бой, но даже это уже неважно.

И, отстранив его с пути, смело вошла в башню. Не останавливаясь, я проследовала к раскрытой книге. Остальные, вломившись вслед за мной, притормозили на почтительном расстоянии. Мрачность обстановки напугала одних, секретные знания – других.

– Здравствуй, открытая книга, – традиционно обратилась я и смахнула слой пыли с ее страниц.

Пыль не осела, а закружилась, заклубилась вокруг углов книги, отливая золотым огнем.

– Я принесла то, что долго несла, – и, откинув накидку, я обнажила медальон, спокойно возлежавший на моей груди.

Толпа ахнула и подалась назад. Увидеть медальон смерти не рассчитывал никто. А пылинки в углах книги налились алым цветом. Без суеты я сняла украшение и, повертев его в руках, положила на раскрытую страницу.

– Я хочу, чтобы ты закрыла пространственный портал, – спокойно произнесла я.

– Ха-ха-ха, – зазолотилась надпись. – С чего бы это? Это не твой мир, и тебя здесь не любят.

– Это неважно, милая, главное я люблю, – парировала я в абсолютной тишине, царящей в башне.

– Медальон – это дар, а что ты по-настоящему готова отдать?

– Красивая вещь этот медальон, правда? – Заметила я, любуясь старинной вещицей, – закрой портал и возьми то, что тебя достойно.

– Нет, Лия, не делай-ай э-э-это... – закричал Макс и рванулся к нам.

Но воздух сгустился и заглушил все посторонние звуки, заставив толпу еще дальше отодвинуться вглубь.

– Жизнь, – прошептала пыль. – Здесь и сейчас.

И с этой минуты в башне повисла полная и осязаемая тишина.

– Смерть! – мои слова как колокол звучали в этом безмолвии. – Я знаю, что однажды мы все должны уйти, чуть раньше, чуть позже, не важно. Но умирать? Ты знаешь, книга, мне немножко страшно, – как то просто и обыденно сделала я свой выбор, при этом снимая руку с медальона. – Ты поможешь мне?

Совсем рядом из белых искорок сформировался удобный завиток. Положив на него руку, я несмело сделала первый шаг, потом второй. С изумлением заметила, что при каждом шаге я как-то вырастаю, и предметы нисколько не сдерживают моего стремления. Чуть обернувшись, я увидела, как неспешно опадает на пол небрежным жестом сброшенное с плеч тело. Как Макс опускается перед ним на колени и трясущейся рукой отводит с лица упрямый рыжий локон.

А я иду вперед. И вот уже синее небо и игрушечный самолетик, разящий беспощадным огнем серую скалу, приковывает мой взгляд. Смертельный полет и машина срывается в крутое пике, стремясь протаранить самый пик этого грозного и чужого изваяния. Как бы нехотя, одним взмахом руки, стираю эту гору наполовину. И в следующий миг, подхватив в ладошки падающий самолетик, нежно опускаю его на землю.

– Я люблю тебя, Мирбок, – шелестят мои губы.

И с женской заботой, способной воскрешать, оставляю пилота с его железным конем на Изумрудной. Вот и планета уже замелькала где-то в хвосте моей развивающейся накидки. А где-то совсем рядом первой туманной поволокой затянулся ненасытный портал, пряча черное чудовище. Я покрепче ухватываюсь за серебрящийся завиток, гордо вскидываю маленькую головку, по шире расправляю плечи и устремляюсь вперед.

– Прощай мое милое вчера... Здравствуй мое новое завтра!

Мой каждый шаг отмеряет километры, парсеки и мегапарсеки Вселенной. И с каждым шагом я расту и расширяюсь, охватывая весь бесконечный космос. И в какой-то миг яркая вспышка полыхает ослепительным светом. И я становлюсь вселенной, и Вселенная становится мной. Тьма...

И вдруг, маленькая искорка фокусируется где-то на другом краю этой бесконечной звездной бездны, неспешно входит в тело, неудобно скорчившемся в старом кожаном кресле у давно погасшего камина.

- Что это было? – Вздрогнув, недовольно зашевелилась черная масса.
- Я думаю парадокс временной производной, – вспыхнула красная молния.
- Забавно!
- Нет-нет, это же просто удивительно! А вы так не хотели досматривать, – засеребрились белые искорки.

- А на доске мира, столь затянувшаяся партия подходила к концу.
- Шах, Случай Иванович, - ликовал Приключение, торопливо передвигая фигуру. – И еще шах.
 - Мой юный друг, а вы не торопитесь? – заметил старик.
 - Шах!
 - Мат, молодой человек!

Это слово как гром среди ясного неба расколол пространство. Лихое Приключение застыл от столь неожиданного разворота событий. Вскочив, он навис над доской, изучая расстановку фигур и до конца не веря в свое поражение. И вдруг, одним махом руки он сбросил фигуры на пол. Резко выпрямился и, не сказав ни слова, опрометью выбежал из комнаты. А старик, откинувшись в кресле, как зачарованный смотрел на опустевшую доску. Именно в этот момент в самом её центре материализовался медальон.

Случай Иванович сфокусировал на нем взгляд. Поднятая левая бровь и мгновенно затрясшиеся руки красноречиво выдали нарастающее волнение. Еще глубже вжавшись в кресло, он подумал: «Да, не случайно ты воскрес на доске мира. Что же произошло?»

- От глубоких раздумий старика вывел негромкий хлопок.
- Ты? – Удивился старик, увидев непрошеного гостя.
- Черт беглым взглядом окинул комнату, отметил про себя и фигуры, разбросанные на полу, и пустую шахматную доску, на которой в самом центре возлежал медальон.
- «Значит, у Лии все получилось, – подумал Чеки, – умничка девочка. Просто большая умничка».
- Ваше святейшество, – с большим достоинством сделал черт полупоклон, - позвольте мне оторвать вас от созерцания и вмешаться в ход неблагоприятных событий.
 - Ну-ну, – и старик сложил в замок кисти, стараясь скрыть от собеседника нервную дрожь, - чем порадуешь? Или ...
 - Вы не закончили партию.
 - Но мой партнер?
 - Я помогу, – и эффектно щелкнув пальцами, черт вернул фигуры на игральное поле, в центре которого продолжал мирно покоиться медальон.
- Старик не сопротивлялся, он ждал. Чеки наклонился к доске, взял медальон в руки и пару раз крутанул, любуясь его сторонами.
- Но партия закончилась, – надтреснувшим голосом заметил Случай Иванович.
 - Не совсем, ваше святейшество. У медальона две стороны. Сейчас эта смотрит вниз, и там, в поднебесной бушует война, льется кровь, и смерть собирает свои плоды. Но вот медальон повернулся, – и Чеки эффектно крутанул медальон.
 - Нет, не продолжай, – взволнованным голосом остановил его старик, – что нас устроит?
 - Ничья, Случай Иванович. Просто ничья.
 - Но там мат!
 - Я посмотрю, – и черт погрузился в изучение расстановки фигур. – Я съем вашу ладью.
 - И я съем вас, это же бессмысленные ходы.
 - Нет, мой господин, это просто размен.

Игроки скидывали с доски последние фигуры.

– И как я не заметил? – с некоторым облегчением промолвил Случай Иванович.

Черт улыбнулся.

– Жажда победы случайно затуманила ваш взор.

– Ах, Чекион, – совсем пришел в себя старик, – а ты ведь темнишь. Чем вызван столь пристальный интерес к этой захолустной планетке?

– Меркантильными потребностями, ваше святейшество, – почтительно склонил голову черт.

– Лукавите, мой дорогой. Ой, как лукавите! Но это и не важно, – старик полностью вернул себе самообладание. – Я думаю с такой расстановкой и таким количеством фигур просто бессмысленно продолжать партию. Мой друг, я поздравляю вас, ничья. И вы победили. Так что не теряйте даром время на старого зануду. Такой случай подворачивается не часто. Не правда ли? – и он весело подмигнул новому партнеру. – А вот как заскучаете там у себя, милости просим: и чайку попить, и фигурки подвигать.

Удача! Не поверил своим ушам Чеки. Вот она случайная роковая удача! Надо спешить, пока отпускают. И черт быстро исчез, положив медальон на шахматную доску. А старик еще долго крутил его в руках, улыбаясь нехитрому лукавству черта.

– Ты правильно сделал, малыш, – подумал Случай Иванович, – когда еще такие приключения достанутся?

И он отпустил медальон, который плавно поплыл на свою бархатную подушку в удивительной коллекции старца.

Проснувшись, я помассировала затекшие конечности. И угораздило же меня заснуть в столь неудобной позе. И сон-то был какой-то грустный, но светлый и почти воздушный.

Встала, собрала с пола рассыпавшиеся веером бумаги и, прижав их к груди, залюбовалась картиной за окном. В небе играли удивительные всполохи, окрашивая в разные цвета тучи, улицы, дома и прохожих, бегущих с низко опущенными головами, как всегда безумно сосредоточенные и ничего не замечающие вокруг.

Грустно и светло! Хочется плакать и улыбаться! Я так несчастна и счастлива, я ... одинока.

Но увы! Жизнь продолжается, суетливая, порой безлика, иногда никчемная. Спешит себе, журча на перекатах. И только ночами мне иногда снится один и тот же сон, будто я, пританцовывая бегу по млечному пути и, смеясь, вытираю тряпочкой звезды, а они блестят, искрятся и сияют.

О, какая маленькая, почти невидимая песчинка, а как изменила мир, – смеялась черная масса и ей весело вторили серебристые искорки.

– Волшебница, ангел мой! Мы скоро будем вместе, поверь мне.

И, взяв мою руку, Мирбок надел мне на пальчик перстень с тремя разноцветными камнями в зеленоватой оправе. А потом поцеловал. Меня аж в жар кинуло, а потом ледяным ветром накрыло. Поежившись, открыла глаза. Сон, всего лишь очередной сон, – подумала я и поплелась к окну, закрывать распахнувшуюся створку. И тут в свете первых лучей восходящего солнца на безымянном пальце тремя цветами вспыхнул и заиграл удивительный перстень. Я резко обернулась к камину, прижав к сердцу драгоценный подарок.

– Мирбок, милый, любимый, Геня, Чекион, где вы?

Слезы градом хлынули из глаз, высвобождая долго сдерживаемые эмоции.

– Мирбок, – шептала я сквозь слезы, – пожалуйста, где ты?

Но камин был холоден и безмолвен. И только облако вдруг сгустилось за моим окном в знакомый образ и, просочившись в комнату, легким шелестом донесло до меня угасающие слова.

– Мы скоро будем вместе, верь мне....

И сказка растаяла.

А выглянувшее солнце принесло новый день, новые заботы и старую жизнь. И только перстень, материальный предмет чужого мира, на безымянном пальце вселял в меня надежду и помогал не впасть в отчаяние: «Завтра, все начнется завтра!..»

Москва - Астрахань 2016